51

Цѣна 60 коп.

БИБЛІОТЕКА „ПРОСВѢЩЕНІЯ“

ИСТОРІЯ ГЕРМАНСКОЙ СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТІИ

СОЧИНЕНІЕ ФР. МЕРИНГА

ПОЛНЫЙ ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОСЛѢДН. НѢМЕЦКАГО ИЗДАНІЯ

ВЫПУСКЪ СЕДЬМОЙ

Книгоиздательское Т-во „Просвѣщеніе“
С.-Петербургъ, Забалканскій пр., соб. д. № 75

Типографія Товарищества „Просвѣщніе“.
С.-Петербургъ, 7 рота, с. д. № 20.

Оглавленіе.

Книга VII.

Объединеніе партій.

Глава шестая.

Книга пятая.

Объединеніе партій.

Глава первая.

Основаніе Германской имперіи и соціалъ-демократія.

Съ 1866 года не прекращаясь велась дипломатическая борьба между Бисмаркомъ и Бонапартомъ, но всегда такимъ образомъ, что болѣе сильные козыри оказывались въ рукахъ Бисмарка.

Послѣдній держался принципа экономической необходимости національнаго укрѣпленія значительной хозяйственной области, которая могла бы обойтись своими собственными средствами, тогда какъ Бонапартъ былъ вовлеченъ въ эту борьбу все возраставшимъ замѣшательствомъ деспотіи, находившейся въ состояніи упадка, и, пожалуй, еще желаніемъ пошумѣть со стороны жадной ко всякой наживѣ французской буржуазіи, которая взывала къ „мести за Садову". Обаяніе Бонапарта уже давно было поколеблено по сю сторону Рейна, хотя и продолжало еще держаться по ту сторону его. Если Бисмаркъ могъ считать себя до нѣкоторой степени хозяиномъ положенія, то его противникъ долженъ былъ начинать съ ненадежныхъ маневровъ потерявшагося баловня счастья. Вслѣдствіе этого ни одна изъ борющихся сторонъ не обнаруживала должной рѣшимости: ни Данія, Италія и Австрія, которыхъ Бонапартъ хотѣлъ склонить къ наступательной коалиціи противъ Сѣверо-Германскаго Союза, ни Бисмаркъ, который подвергался всяческому соблазну

1*

относительно многихъ предпріятій завоевательнаго и дипломатическаго свойства.

Политика Бисмарка не была, конечно, ни честной, ни самобытно народной, ни революціонной. Онъ отклонилъ добровольное предложеніе Бадена вступить въ Сѣверо-Германскій Союзъ, что должно было вызвать войну съ Франціей, не потому, что онъ былъ вообще противъ войны, какъ таковой, а потому, что представлявшійся поводъ къ войнѣ былъ слишкомъ честный и близкій народнымъ массамъ. Если-бы Бонапартъ началъ войну, напримѣръ, съ цѣлью вмѣшательства во внутреннія чисто-нѣмецкія дѣла, то это легко могло бы возбудить въ Германіи національныя страсти, опасаться которыхъ Бисмаркъ имѣлъ большія основанія. Послѣдній хотѣлъ войны съ Франціей, но такой войны, которая носила бы характеръ войны династической и контръ-революціонной. Изъ остатковъ давно пережитой кабинетной политики онъ смастерилъ ловушку для своего стараго друга на Сенѣ. Бисмаркъ тайно поддерживалъ кандидатуру одного принца изъ Гогенцоллернской боковой линіи на испанскій тронъ, освободившійся, благодаря революціи 1868 года. Если бы его противникъ далъ ему возможность свободно дѣйствовать, то результаты этой дипломатической интриги оказались бы еще болѣе роковыми для нѣмецкихъ интересовъ, чѣмъ для французскихъ. Но Бонапартъ попалъ въ эту аляповатую ловушку и объявилъ войну изъ-за мнимаго оскорбленія, которое, будто-бы, было нанесено французской чести претензіями Гогенцолерновъ на испанскій тронъ. Бисмаркъ, какъ болѣе ловкій, сумѣлъ придать этому объявленію войны характеръ надменнаго нападенія. Онъ поспѣшилъ извратить смыслъ телеграммы изъ Эмса, и, путемъ цѣлаго ряда оффиціальныхъ разъясненій, не постѣснялся совершенно отрицать свое участіе въ поддержкѣ гогенцоллернской кандидатуры.

Буржуазія здѣсь и тамъ танцовала по дудкѣ своихъ бонапартовъ; но сознающій свои классовые инте-

ресы пролетаріатъ по сю и ту сторону Рейна понималъ истинный характеръ этой войны. Французскіе члены Интернаціонала выпустили утромъ 12 іюля воззваніе къ рабочимъ всѣхъ націй, въ которомъ говорилось, что „война изъ-за вопроса о преобладаніи или въ интересахъ династіи въ глазахъ рабочихъ есть не что иное какъ преступное безуміе". Послѣдовавшія за этимъ многочисленныя подобныя воззванія продолжали рѣзко осуждать исключительно династическій поводъ къ войнѣ и встрѣтили горячее сочувствіе нѣмецкаго пролетаріата. Массовыя собранія въ Хемницѣ, Лейпцигѣ, Нюрнбергѣ и Мюнхенѣ примкнули къ нимъ безусловно; зато другія массовыя собранія, состоявшіяся въ Брауншвейгѣ, гдѣ говорилъ Бракке, и въ Берлинѣ, гдѣ выступалъ Швейцеръ, хотя выразили свое согласіе съ воззваніями, но внесли въ свою резолюцію существенную оговорку, что нарушителемъ мира на этотъ разъ слѣдуетъ считать Бонапарта, и что Германія должна принять защитительную войну, если врагъ не будетъ отстраненъ во-время самой французской націей. Оба послѣднихъ собранія происходили 16-го іюля и 23-го іюля, и Генеральный Совѣтъ Интернаціонала въ своемъ воззваніи о войнѣ высказалъ строгое порицаніе, какъ бонапартистской, такъ и гогенцоллернской политикѣ и установилъ, что для нѣмцевъ вспыхнувшая война есть защитительная, и что рабочіе должны зорко смотрѣть, чтобы за ней сохранился этотъ оборонительный характеръ. Въ то же время Іоаннъ Филиппъ Беккеръ бичевалъ въ „Vorbote" шовинизмъ, который былъ не чуждъ и буржуазной демократіи Франціи.

Нѣтъ сомнѣнія, что, какъ въ нѣмецкихъ народныхъ массахъ вообще, такъ и въ массахъ нѣмецкаго пролетаріата, господствовало желаніе вооруженной рукой отразить нападеніе Бонапарта. Едва ли было бы иначе въ этомъ отношеніи, если бы дипломатическія аферы Бисмарка ужъ тогда были извѣстны, какъ ны-

нѣ. Какъ бы ни были ясны грѣхи Бисмарка, и какъ бы далекъ ни былъ Сѣверо-Германскій Союзъ отъ идеальнаго національнаго государства, въ тотъ моментъ требовалось одно: разъ навсегда доказать другимъ державамъ, что Германія рѣшилась и способна проявить свою волю. Сквозь густую сѣть дипломатической лжи и народъ видѣлъ только одинъ фактъ, что война должна вестись въ цѣляхъ утвержденія національнаго существованія Германіи. Южно-нѣмецкія династіи и народныя представительства всѣ одинаково были увлечены общимъ теченіемъ, противъ котораго никто не могъ устоять; ополченіе и запасные стремились къ знаменамъ, полные воодушевленія, и рвались въ бой. Все время, пока война имѣла цѣлью отбить нападеніе Бонапарта, она была въ высшей степени популярна; и потому оффиціальные представители Сѣверо-Германскаго Союза все время стремились ее выставлять, какъ войну защитительную, какъ борьбу, направленную исключительно противъ французскаго правительства, но не противъ французскаго народа.

Сѣверо-германскій рейхстагъ, который собрался 19 іюня на чрезвычайную сессію, единогласно утвердилъ требуемый военный заемъ. Либкнехтъ и Бебель воздержались отъ голосованія, такъ какъ они, съ одной стороны, не хотѣли выразить довѣріе прусскому правительству, которое своимъ поведеніемъ въ 1866 году подготовило эту войну, а съ другой стороны, не могли одобрять нахальную и преступную политику Бонапарта. Ихъ демонстративное отношеніе въ этомъ случаѣ было вполнѣ послѣдовательно, такъ какъ само по себѣ коварство Бисмарка было столь же предосудительно, какъ и коварство Бонапарта. Эта моральная демонстрація могла имѣть значеніе практической политики только въ томъ случаѣ, если-бы представилась возможность помѣшать работамъ Бисмарка и Бонапарта. При отсутствіи же этой возможности, важно было лишь установить, который изъ двухъ противниковъ болѣе

виновенъ, и чья побѣда могла бы имѣть болѣе роковыя послѣдствія. А рѣшеніе этого вопроса было ясно для всѣхъ. „Sozialdemokrat“ былъ правъ, когда онъ говорилъ: „Побѣда Наполеона означаетъ пораженіе соціалистическихъ рабочихъ во Франціи, она означаетъ всемогущество бонапартовской военщины въ Европѣ и совершенное раздробленіе Германіи“. Вотъ почему парламентскіе представители лассальянцевъ голосовали за утвержденіе военнаго займа. Въ ихъ числѣ были не только Швейцеръ и Газенклеверъ, но даже Фриче, примкнувшій къ эйзенахцамъ; въ то же время прежніе лассальянцы изъ Враунгшвейгскаго комитета были въ высшей степени недовольны воздержаніемъ Либкнехта и Бебеля отъ голосованія.

Такъ же недовольны они были и направленіемъ „Volksstaat“, который въ эти дни доказывалъ, что одними моральными импульсами нельзя вести никакой послѣдовательной политики. Въ номерѣ отъ 17-го іюля эта газета заявляетъ, что „Могущественный сѣверный союзъ“ почтительно склоняетъ свое знамя передъ вызовомъ Бонапарта; что всякому, кто не живетъ въ мірѣ націоналъ-либеральныхъ фантазій, долженъ быть ясенъ возможный результатъ этой аферы; что было бы безумно со стороны Пруссіи принять этотъ французскій вызовъ. Въ слѣдующемъ номерѣ отъ 20 іюня „Volksstaat“ долженъ былъ отказаться отъ такого ошибочнаго пониманія и вполнѣ резонно говорилъ: „Вонапартъ хочетъ подавленіемъ Пруссіи укрѣпить свой колеблющійся престолъ и готовитъ соціально-республиканскому движенію Франціи „внутреннюю Садову“. Декабрьскій тронъ—это краеугольный камень реакціонной Европы. Съ паденіемъ Бонапарта падетъ и главный носитель господства классовъ и власти сабли. Если онъ побѣдитъ, тогда, вмѣстѣ съ французской демократіей, будетъ побѣждена и демократія европейская. Наши интересы вполнѣ совпадаютъ съ интересами французскаго народа“. Однако,

въ слѣдующемъ номерѣ отъ 23 іюля находимъ: „Цезаризмъ нѣмецкій и цезаризмъ французскій могутъ драться другъ съ другомъ; пусть ихъ сопровождаетъ денежный мѣшокъ той и другой страны; но мы, пролетаріи, не должны имѣть ничего общаго съ войной“. Изъ-за такого поведенія партійнаго органа вышелъ весьма значительный конфликтъ съ брауншвейгскими депутатами, которые въ манифестѣ отъ 24 іюля, при полномъ соблюденіи законности демократическаго и соціалистическаго принципа, все таки стояли на той точкѣ зрѣнія, что война, пока она является оборонительной, должна находитъ опору въ нѣмецкихъ рабочихъ.

Въ ближайшее же время эти противорѣчія сильно обострились. Бракке съ горечью говоритъ о „монархіи Либкнехта“ и о „соломенныхъ куклахъ“, которыхъ должны были собой представлять члены комитета, между тѣмъ какъ Либкнехтъ утверждалъ, что пять человѣкъ въ Брауншвейгѣ не могутъ служитъ руководствомъ для партіи; это было-бы такъ же смѣшно, какъ извѣстная коллегія кардиналовъ, которая судила Галилея. Однако, эти пятеро брауншвейгцевъ, избранные партійнымъ конгрессомъ въ руководители партіи, безъ сомнѣнія, имѣли за собой большую часть сознательнаго пролетаріата, и потому ихъ мнѣніе было менѣе „индивидуально“, чѣмъ мнѣніе Либкнехта. Національный вопросъ еще разъ грозилъ вызвать конфликтъ и разъединить рабочій классъ, но онъ уже явился въ своемъ родѣ послѣднимъ.

I. Седанъ, Лёценъ, Версаль.

Онъ нашелъ свое разрѣшеніе въ предательской политикѣ господствующихъ классовъ. Быстрое и побѣдоносное движеніе нѣмецкихъ армій разрушило въ короткое время престолъ Бонапарта. День Седана обезпечилъ по ту сторону Рейна буржуазную республику, а по сю сторону Рейна—объединеніе Германіи, поскольку оно было осуществимо въ данное время.

Германія теперь могла диктовать такой миръ, который вполнѣ соотвѣтствовалъ бы ея чести и ея интересамъ, и который въ то же время далъ бы возможность обоимъ культурнымъ народамъ континента вести дружескую совмѣстную жизнь и тѣмъ содѣйствовалъ бы мирному развитію европейской цивилизаціи.

Но это менѣе всего соотвѣтствовало интересамъ нѣмецкихъ князей и юнкеровъ. Можно ли было ожидать съ ихъ стороны великодушной и дальновидной политики въ тотъ моментъ, когда въ ихъ рукахъ была возможность нанести неисцѣлимую рану французской націи, націи, причинившей столько горя феодально-романтическому великолѣпію? Правда, прусскій король нѣсколько разъ торжественно заявлялъ, что ведетъ войну не противъ французской націи, а противъ императора Франціи, который теперь уже сталъ безвреднымъ; но нѣмецкая буржуазія взяла на себя роль крысы, которая острыми зубами разгрызала пентаграмму на порогѣ завоевательной войны. „Этотъ средній классъ, который въ своей борьбѣ за гражданскую свободу, продолжавшейся отъ 1846 до 1870 года, представилъ небывалый примѣръ нерѣшительности, тупости и трусости, былъ, разумѣется, въ восхищеніи отъ возможности выступить на европейскую арену въ образѣ рычащаго льва нѣмецкаго патріотизма", — такъ писалъ Марксъ, преисполненный горечи и презрѣнія.

Уже 30 августа собрались передовые и національ-либеральные представители въ Берлинѣ, чтобы своимъ адресомъ прусскому королю и воззваніемъ къ нѣмецкому народу подготовить захватъ Эльзасъ-Лотарингіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, создать почву для завоевательной войны. Вмѣстѣ съ „объединеннымъ государствомъ" они требовали „защищенныхъ границъ" Они требовали, чтобы весь міръ узналъ, что „государь и народъ" готовы наверстать то, что было упущено въ 1815 году; за этотъ дипломатическій промахъ Европа, по ихъ увѣреніямъ, несла кару полу-

вѣкового вооруженнаго мира, что уже впредь не должно повториться.

Буржуазные поборники идеи разоруженія увѣряли съ мѣщанской наивностью, что Европа можетъ разоружиться, если только Германія захватитъ Эльзасъ-Лотарингію. Однако, они сами не положились на убѣдительную силу своихъ глубокомысленныхъ аргументовъ и терроризовали посредствомъ буржуазной прессы всѣхъ тѣхъ, кто былъ противъ завоевательной войны. Они призывали „народъ“ исключить такихъ измѣнниковъ изъ общественной жизни, прогонять ихъ изъ всѣхъ собраній и т. д., и для большей ясности прибавили: „будь на нашемъ мѣстѣ французы, они давно бы расправились съ этимъ элементомъ“. Теперь такіе взрывы глупаго фанатизма кажутся намъ болѣе смѣшными, чѣмъ страшными, но въ пылу такой великой борьбы они были не столь безвредными; и правительство не замедлило увѣнчать эту агитацію рядомъ насильственныхъ мѣропріятій.

По отношенію къ завоевательной войнѣ Брауншвейгскій комитетъ и „Volksstaat“ дѣйствовали единодушно, и даже лассальянцы вскорѣ перемѣнили фронтъ и ополчились противъ такихъ эксцессовъ шовинизма. При этомъ пока „Sozialdemokrat“ ограничивался только критикой политики господствующихъ классовъ, Брауншвейгскій комитетъ 5-го сентября издалъ манифестъ къ нѣмецкимъ рабочимъ, въ которомъ приглашалъ ихъ выступить на большихъ митингахъ съ грандіознымъ протестомъ противъ захвата Эльзасъ-Лотарингіи и высказаться за почетный миръ съ французской республикой. Въ этомъ воззваніи было помѣщено нѣсколько цитатъ изъ писемъ Маркса, къ которому комитетъ обращался за совѣтомъ во время своего конфликта съ Либкнехтомъ. Здѣсь Марксъ съ замѣчательной точностью предсказалъ тѣ пагубныя послѣдствія, которыя въ самомъ дѣлѣ не замедлилъ принести съ собой этотъ захватъ: смертельную вражду между Гер-

маніей и Франціей и европейскую гегемонію Россіи. Онъ называлъ этотъ захватъ самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для превращенія предстоящаго мира въ одно только перемиріе. Такъ же точно оправдалось и его второе предсказаніе, а именно, что эта война, въ которой Германія доказала, что она безъ помощи нѣмецкой Австріи и независимо отъ другихъ державъ въ состояніи идти своей собственной дорогой, перенесетъ центръ тяжести рабочаго движенія европейскаго континента изъ Франціи въ Германію. Другое воззваніе, выпущенное Интернаціоналомъ по поводу войны, еще основательнѣе порицаетъ историческую нелѣпость этой политики захвата. „Volksstaat“ началъ выставлять въ каждомъ номерѣ слѣдующія требованія: „Справедливый миръ съ французской республикой! Никакихъ захватовъ! Наказаніе Бонапарта и его соучастниковъ!“

Націоналъ-либералы героически выступили противъ этого манифеста и отправили на него доносъ генералу Фогелю фонъ-Фалькенштейну, который былъ въ то время генералъ-губернаторомъ Ганновера, и, управляя всѣмъ побережьемъ, уже успѣлъ бросить въ тюрьму нѣсколькихъ невинныхъ датчанъ и вельфовъ, вопреки всякимъ законамъ. По его распоряженію члены Брауншвейгскаго комитета, Бракке, Бонгорстъ, Шпиръ, портной Кинъ и плотникъ Гралле были арестованы, закованы въ кандалы и отведены въ крѣпость Бойенъ Лёцена на русской границѣ. Та же участь и въ тотъ же день постигла мѣднолитейщика Эйлерса, бывшаго раньше членомъ комитета, и владѣльца типографіи Сиверса, шестидесятилѣтняго полупарализованнаго старика, который къ тому же былъ политическимъ противникомъ соціалъ-демократіи, и преступленіе котораго заключалось въ томъ, что его управляющій, безъ вѣдома хозяина и изъ чисто коммерческихъ цѣлей, напечаталъ этотъ манифестъ.

Трехдневный переѣздъ арестованныхъ по городамъ и селамъ доставилъ патріотической черни безгранич-

ное удовольствіе. Нѣкоторые называли Бракке и его товарищей мародерами, другіе видѣли въ нихъ арестованное французское правительство, третьихъ возмущало спокойствіе, съ которымъ они ѣли и пили. На эту милую критику возмущенныхъ патріотовъ путешественники отвѣчали сарказмомъ и ѣдкимъ юморомъ, отъ котораго они не отказались и тогда, когда этапный комендантъ потсдамскаго вокзала въ Берлинѣ, охваченный святою яростью войны, встрѣтилъ ихъ, какъ „негодяевъ, бродягъ и оборванцевъ“, „которымъ въ Лёценѣ воздадутъ, какъ они того заслуживаютъ“. Въ Лёценѣ съ ними, дѣйствительно, вначалѣ очень строго обходились, но затѣмъ обращеніе стало лучше.

Въ довершеніе этого патріотическаго, величайшей государственной важности, дѣла послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ арестовъ, въ томъ числѣ и арестъ Іорка въ Гамбургѣ, но всѣ арестованные оставлялись въ тюрьмахъ своихъ родныхъ городовъ, за исключеніемъ Гейба, переведеннаго въ кандалахъ въ Лёценъ въ то время, когда контрольная комиссія въ Гамбургѣ, по настоянію Либкнехта и Бебеля, организовала новый комитетъ, засѣдавшій въ Дрезденѣ, на который не распространялась власть Фалькенштейна. Послѣдній старался всячески препятствовать собраніямъ, въ которыхъ должны были протестовать противъ захвата; кромѣ того, онъ изъялъ изъ обращенія въ приморскихъ провинціяхъ „Volksstaat“. Либеральный филистеръ встрѣчалъ весь этотъ беззаконный произволъ съ тайной радостью или даже съ громкимъ ликованіемъ. И только тогда, когда былъ арестованъ Іоаннъ Якоби и перевезенъ въ Лёценъ за то, что онъ 14 сентября осмѣлился на кенигсбергскомъ собраніи порицать политику захвата, раздался протестъ въ кругахъ демократіи.

Фалькенштейнъ не имѣлъ законныхъ мотивовъ для оправданія своихъ поступковъ. Правда, въ приморскихъ провинціяхъ было объявлено военное поло-

женіе, но этимъ не отмѣнялась законно гарантированная свобода печати и собраній, равно какъ оставался въ силѣ законъ, по которому каждый долженъ былъ быть судимъ законнымъ порядкомъ. Въ своемъ отвѣтѣ на протестъ кенигсбергскаго городского правленія Бисмаркъ оправдывался слѣдующимъ образомъ: движеніе противъ захвата усиливаетъ стойкость французовъ, и военная власть можетъ обезвредить зачинщиковъ протеста въ силу своихъ правъ, устранять все то, что можетъ ей помѣшать достиженію цѣлей войны. Этотъ аргументъ, ужъ не говоря о его полной несостоятельности съ точки зрѣнія государственнаго права, страдаетъ еще тѣмъ, что онъ, такъ сказать, однимъ духомъ утверждаетъ двѣ неправды.

Во-первыхъ, нѣмецкіе протесты противъ захвата ни въ коемъ случаѣ не усиливали противодѣйствія со стороны новаго французскаго правительства, органы котораго, напротивъ, высказывали вполнѣ вѣрное предположеніе, что Бисмарка, въ его завоевательномъ походѣ, нисколько не смутятъ эти протесты; во-вторыхъ, когда раздались эти протесты, захватъ еще никѣмъ не признавался цѣлью войны. Рабочій классъ, протестовавшій противъ захвата, руководился въ этомъ случаѣ исключительно высшими соображеніями гуманности и имѣлъ такое же право на свободное выраженіе своихъ мнѣній, какъ и буржуазія, настаивавшая на обратномъ изъ жадности къ пріобрѣтенію новаго рынка. Нѣсколько робкихъ протестовъ противъ присоединенія, исходившихъ изъ среды буржуазіи, явились совершенно случайными; они принадлежали лицамъ, занимавшимся производствомъ шерсти и сильно опасавшимся конкурренціи эльзасскаго шерстяного рынка.

Нѣкоторыя обстоятельства указываютъ на то, что Бисмарку не совсѣмъ по вкусу приходилось и сатрапское хозяйничанье генерала Фалькенштейна, конечно, не изъ-за правовыхъ побужденій, а изъ-за чисто-по-

литическихъ соображеній. Однако, остановить противозаконныя дѣянія какого-нибудь прусскаго генерала было, если не противъ его желаній, то, во всякомъ случаѣ, выше его силъ; военщина не позволила бы ему тащить себя за волосы. И потому онъ воспользовался происходившими въ ноябрѣ прусскими выборами въ ландтагъ, и, по королевскому приказу отъ 24-го октября, были освобождены изъ тюрьмы тѣ „прусскіе подданные" изъ люценскихъ узниковъ, которые не были приговорены къ судебному аресту, съ назначеніемъ для нихъ законнаго слѣдствія. Между брауншвейгскими депутатами былъ Бонгорстъ, уроженецъ присоединенной къ Пруссіи провинціи Нассау, единственный прусскій подданный; остальныхъ заставили ждать до 14 ноября, и затѣмъ они были связаны веревками и брошены въ брауншвейгскую тюрьму, такъ какъ въ это время брауншвейгскій военный судъ началъ слѣдствіе по „подозрѣнію въ государственной измѣнѣ". Въ первыхъ числахъ декабря гамбургскій сенатъ набрался мужества вспомнить о своемъ согражданинѣ Гейбѣ и распорядился объ его освобожденіи, и въ Лёценѣ, такимъ образомъ, остался только одинъ Сиверсъ. Такъ какъ за нимъ не было никакой вины, то онъ, по удивительной логикѣ прусскаго правосудія, долженъ былъ особенно тяжело поплатиться; онъ былъ освобожденъ только къ Рождеству, оставшись безъ всякихъ средствъ къ существованію, благодаря закрытію его типографіи Фалькенштейномъ. Но на этотъ разъ самоуправство Фалькенштейна не осталось безнаказаннымъ: послѣ долгаго судебнаго процесса Сиверсъ добился приговора брауншвейгскаго кассаціоннаго суда, по которому Фалькенштейнъ былъ присужденъ къ возмѣщенію убытковъ.

Къ этому времени правители отдѣльныхъ германскихъ государствъ смастерили нѣмецкое объединеніе такъ плохо, какъ только могли. Если бы все зави-

сѣло отъ ихъ желанія, то нѣмецкое объединеніе не подвинулось бы ни на шагъ впередъ. Прусскій король, какъ онъ самъ писалъ своей супругѣ, былъ въ „брезгливомъ настроеніи“, потому что ему предстояло засѣсть въ этотъ „горшокъ“, а баварскій, тогда уже полусумасшедшій, король не мирился съ уздой, которую долженъ былъ наложить на Виттельсбаха Гогенцоллернъ. Одинъ только прусскій кронпринцъ, очень любезный, хотя не особенно богато одаренный человѣкъ, но настолько усвоившій себѣ современное образованіе, чтобы съ искреннимъ отвращеніемъ относиться къ ужасамъ войны, мечталъ о нѣмецкомъ объединеніи, и у него большую роль играли, конечно, побужденія династической гордости, чѣмъ національныя идеи. Теперь, какъ и при основаніи таможеннаго союза, желѣзная экономическая необходимость требовала нѣмецкаго объединенія. Она, эта необходимость, покорила своимъ крѣпкимъ кулакомъ „великихъ героевъ“, и противъ этого трезвеннаго повелѣнія не могло устоять никакое суверенное упорство. Дельбрюкъ, прусскій бюрократъ, но бюрократъ, который при всей своей сухости научился въ школѣ Таможеннаго Союза понимать неизбѣжность капиталистическаго развитія, руководилъ переговорами съ южно-германскими правительствами, результаты которыхъ были скрѣплены въ главной версальской квартирѣ. Поскольку это ознаменовало историческій прогрессъ, мы этимъ обязаны тѣмъ тысячамъ безымянныхъ, павшихъ на поляхъ сраженія, потоки крови которыхъ явились прочнымъ цементомъ для новаго зданія.

Конституція Сѣверо-Германскаго Союза заключала въ себѣ еще меньше гарантій народныхъ правъ, чѣмъ прусская конституція; про нее даже вѣрноподданный патріотъ Микель сказалъ, что она, въ лучшемъ случаѣ, должна быть разсматриваема какъ „временное вспомогательное средство для недолговѣчнаго военнаго государства сѣверной Германіи“; и эта конституція

была положена въ основаніе германской конституціи, да еще съ существенными ухудшеніями. Южно-германскія династіи подтвердили теперь слова Швейцера о томъ, что онѣ охотнѣе подчинятся кому-нибудь изъ своего класса, чѣмъ сдѣлаютъ малѣйшую уступку національнымъ интересамъ. Болѣе того: онѣ сами оправдали ироническое замѣчаніе Бисмарка, что прусская политика кажется слишкомъ либеральной южно-германскимъ правительствамъ. Баварскій партикуляризмъ имѣлъ теперь прекрасный поводъ для нанесенія тяжелаго удара „кичливымъ и надменнымъ пруссакамъ" и поддержанія интересовъ буржуазныхъ классовъ—не говоря уже о пролетаріатѣ–противъ притязаній остъ-эльбскаго юнкерства. Благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ, баварскій партикуляризмъ получилъ огромную силу, о чемъ можетъ свидѣтельствовать тотъ фактъ, что изъ семидесяти девяти параграфовъ сѣверогерманской конституціи баварцы изрѣшетили поправками двадцать шесть, нѣкоторые изъ нихъ, правда, только по чисто формальнымъ соображеніямъ, а другіе двадцать пять частью или цѣликомъ совершенно отмѣнили для себя. Но ни одно изъ баварскихъ требованій не касалось расширенія народныхъ правъ. Зато баварцы приложили много стараній, чтобы еще больше испортить нѣмецкое объединеніе, и безъ того уже достаточно испорченное прусскимъ партикуляризмомъ. Особенно чувствительной непріятностью было для баварскаго партикуляризма болѣе или менѣе современное законодательство Сѣверо-Германскаго Союза о переселеніи и о бракѣ. Одной изъ возвышенныхъ цѣлей баварскаго партикуляризма было, чтобы баварскій гражданинъ, который безъ разрѣшенія короля вступилъ въ бракъ въ Пруссіи или Саксоніи, долженъ былъ испытывать удовольствіе, отъ того, что въ предѣлахъ господства сине-бѣлаго флага дѣти его считаются незаконнорожденными; и для достиженія этой цѣли баварцы не жалѣли труда и пролили много драгоцѣннаго пота. Во время версальскихъ пере-

говоровъ въ жертву народнымъ массамъ были принесены лишь феодально-романтическія слова „императоръ“ и „имперія“, при чемъ и тутъ не обошлось безъ нѣкоторыхъ трагикомическихъ моментовъ. Прусскій король объявилъ, что это его нисколько не смущаетъ, а король Баваріи былъ вынужденъ, подъ дуломъ револьвера, подписать сочиненный Бисмаркомъ актъ „великодушія“, въ которомъ прусскому королю предлагалась германская императорская корона.

Уже съ самаго начала германскія династіи считали чрезвычайно важнымъ, чтобы не обращали вниманія на голосъ народа при устроеніи его будущей судьбы, но они были вынуждены испросить утвержденіе своихъ версальскихъ договоровъ, съ одной стороны, отъ сѣверо-германскаго рейхстага, и съ другой — отъ южно-германскихъ народныхъ представительствъ. Это было сдѣлано путемъ тонкой угрозы: принять или отклонить,—измѣненіе какой-нибудь мелочи могло разрушить все дѣло объединенія. Само собой разумѣется, что южно-германскія народныя представительства, несмотря на все свое сопротивленіе, должны были подчиниться; но и сѣверо-германскій рейхстагъ, полномочія котораго въ его іюльской сессіи были продолжены на весь годъ, тоже не осмѣлился не согласиться. Онъ былъ открытъ 24-го ноября тронною рѣчью, которая, въ рѣзкомъ противорѣчіи съ іюльской рѣчью, объясняла, что Бонапартъ предпринялъ войну „съ согласія всего французскаго народа“; въ этой рѣчи объявлялось, что присоединеніе Эльзасъ-Лотарингіи отнынѣ считается цѣлью войны, на продолженіе которой требовалось утвержденіе займа. Либкнехтъ и Бебель предложили рейхстагу отказать въ займѣ и заставить союзнаго канцлера, совершенно оставивъ мысль о какомъ бы то ни было присоединеніи французской территоріи, возможно скорѣе заключить миръ съ французской республикой; но за это предложеніе голосовали только Швейцеръ и Газенклеверъ. Кромѣ нихъ

при голосованіи о займѣ, вотировали „нѣтъ“: Фриче, Менде, Шрапсъ и вельфскій партикуляристъ Эвальдъ; Ферстерлингъ еще весной отказался отъ своего мандата. Эти шесть соціалъ-демократовъ дружно оказывали оппозицію и противъ версальскихъ договоровъ, и противъ титула „императоръ“ и „имперія“. Только при голосованіи о баварскомъ договорѣ примкнули къ нимъ прогрессисты и нѣсколько національ-либеральныхъ голосовъ.

При всемъ томъ, возрожденіе „императора“ и „имперіи“ произошло не при особенно благопріятныхъ знаменіяхъ. Дельбрюкъ положилъ эту вновь испеченную корону на столъ рейхстага, какъ образецъ неизвѣстнаго товара, относительно котораго онъ самъ не зналъ, въ какую графу таможеннаго тарифа слѣдуетъ его занести. Кронпринцъ злился за эти купеческія манеры, а Бисмаркъ находилъ, что Дельбрюкъ долженъ былъ позаботиться о лучшей декораціи. Спрашивается только, много ли выиграла бы эта „всемірно-историческая сцена“ отъ театральнаго убранства? Поскольку она разыгрывалась, она, по крайней мѣрѣ, показала настоящее положеніе вещей безъ всякихъ прикрасъ. Лидеръ свободно-консервативной партіи Фриденталь, который въ своемъ лицѣ соединялъ крупнаго землевладѣльца и крупнаго фабриканта, спросилъ въ грубомъ, дѣловомъ тонѣ, не получитъ ли нѣмецкій народъ верховнаго главу? Въ отвѣтъ на что Дельбрюкъ прочиталъ своимъ глухимъ голосомъ то „великодушное“ писаніе, которое Бисмаркъ вынудилъ у баварскаго короля. Буржуазныя партіи, бывшія въ большинствѣ, высказали свое „да“ и тѣмъ утвердили сдѣлки владѣтельныхъ князей, хорошо зная, что создаютъ не государство свободы, а царство буржуазіи. Свои политическіе идеалы они опять принесли въ жертву интересамъ своего класса, и съ дикимъ негодованіемъ набросились на Либкнехта и Бебеля, которые, какъ ораторы соціалъ-демократической оппози-

ціи, съ отважной рѣшимостью отстаивали неотъемлемыя права народа. Такое отношеніе не замедлило выразиться въ послѣдовавшихъ событіяхъ. Послѣ закрытія сессіи рейхстага, 17-го декабря, Либкнехтъ и Бебель, а съ ними и Гепнеръ, вступившій въ редакцію „Volksstaat'a“ были заключены въ тюрьму за подготовленіе къ государственной измѣнѣ; а въ то же время 30-головая депутація большинства рейхстага отправилась въ Версаль съ адресомъ, составленнымъ Ласкеромъ въ замысловатыхъ высиженныхъ выраженіяхъ, и умоляла прусскаго короля принять въ интересахъ отечества императорскую корону.

Представители нѣмецкой націи стояли во дворѣ замка Версаля точно такъ же, какъ блаженной памяти король Генрихъ стоялъ когда-то въ замковомъ дворѣ Каносы. Ихъ осыпали презрѣніемъ и насмѣшками. Придворные и юнкера всячески варьировали презрительныя слова прусскаго короля: „Ага, это я обязанъ господину Ласкеру высокой честью“. Однако, депутація нашла и въ Версалѣ одно чувствительное сердце; оно принадлежало Штиберу, котораго Бисмаркъ оцѣнилъ и сдѣлалъ шефомъ политической полиціи. Вѣроломный творецъ кельнскаго процесса противъ коммунистовъ, обладалъ тонкимъ нюхомъ и угадалъ, что люди такого сорта, какъ онъ, въ буржуазномъ государствѣ могутъ разсчитывать на еще бóльшіе оклады, чѣмъ въ государствѣ абсолютно-феодальномъ, и поэтому онъ юлилъ услужливо вокругъ депутаціи рейхстага. Она не оказалась неблагодарной, и въ торжественномъ письмѣ Штиберъ получилъ отъ нея увѣренія въ „признательности“ и „совершенной преданности“. Онъ послалъ это письмо въ Берлинъ для того, чтобы оно сохранилось для позднѣйшихъ Штиберовъ, какъ доказательство заслугъ ихъ прародителя, и при этомъ писалъ: „Мнѣ депутація доставила много хлопотъ, такъ какъ необходимо было приготовить ей приличный пріемъ. Придворная и военная

партіи выказали большую холодность, я же представлялъ здѣсь мнѣніе гражданской партіи и нѣмецкаго народа. Удивительныя времена!“ Да, времена были удивительныя, и совершенно понятно, что даже этотъ неисправимый грѣшникъ изумлялся имъ.

Нѣмецкая завоевательная война вызвала упорное и продолжительное сопротивленіе французской націи. Французскіе стрѣлки вели войну такъ, какъ будто они усвоили прусскій законъ 1813 г. о народномъ ополченіи; и Бисмаркъ бѣсился на этихъ „разбойниковъ“, которые всѣ заслуживали быть повѣшенными, подобно тому, какъ когда-то Наполеонъ приказалъ застрѣлить офицеровъ Шилля, какъ бродягъ. Только послѣ полугодовой борьбы, стоившей обоимъ народамъ безконечныхъ жертвъ, было сломлено французское упорство. 26 февраля былъ заключенъ въ Версалѣ предварительный миръ, по которому Франція обязалась отдать Германіи Эльзасъ-Лотарингію и уплатить пять милліардовъ франковъ.

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ заключеннаго мира, который въ то же время былъ и побѣдой реакціи произошли 3 марта выборы въ германскій рейхстагъ. Это было самое плохое время для соціалъ-демократіи, единственной партіи, которая съ непоколебимой послѣдовательностью противодѣйствовала политикѣ захвата, партіи, наиболѣе страдавшей отъ войны, партіи, къ которой принадлежала значительная часть гражданъ, еще стоявшихъ подъ ружьемъ во Франціи. Несмотря на это, за соціалъ-демократическихъ кандидатовъ было подано 101.927 голосовъ, что составляло три процента всѣхъ поданныхъ голосовъ, а именно, 62.952 за лассальянцевъ и 38.975 за эйзенахцевъ. Лассальянцы больше всего получили голосовъ въ Пруссіи (46.313), главными центрами ихъ были рейнскія провинціи (14.821), Шлезвигъ-Голштинія (11.182) и Ганноверъ (6.805); эйзенахцы — въ королевствѣ Саксонскомъ (31.043); за лассальянцевъ было подано въ Саксоніи только 2.246 голосовъ; за эйзенахцевъ въ Прус-

сіи было подано лишь 2.544 голоса. Въ Баваріи эйзенахцы получили 2.519, а въ Брауншвейгѣ 2.486 голосовъ; лассальянцы получили въ Гессенѣ 3.973, въ Любекѣ 543, въ Бременѣ 1.503, въ Гамбургѣ 5.071 голосъ. Всѣ эти цифры имѣютъ только относительное значеніе, въ виду тѣхъ необычайныхъ обстоятельствъ, при которыхъ происходили выборы 1871 г. Въ Берлинѣ, гдѣ еще незадолго до войны 4,000 лассальянцевъ дружными рядами, подъ предводительствомъ Швейцера, принимали участіе въ похоронахъ Вальдека, во всѣхъ шести избирательныхъ округахъ было подано за плотника Грау только 2.058 голосовъ.

Въ Вюртенбергѣ, гдѣ эйзенахцы были гораздо сильнѣе лассальянцевъ, всѣ поданные за соціалъ-демократовъ 491 голосъ пришлись на долю лассальянцевъ, выставившихъ въ Штуттгартѣ своего собственнаго кандидата. Въ южной Германіи необычность выборовъ вообще и крайне неудовлетворительное составленіе избирательныхъ листовъ оказывали неблагопріятное вліяніе на участіе рабочихъ въ выборахъ. Но чѣмъ больше были препятствія и трудности, съ которыми приходилось бороться соціалъ-демократической избирательной агитаціи, тѣмъ знаменательнѣе было, безспорно, значительное увеличеніе количества голосовъ, въ сравненіи съ выборами 1867 года. Но большинство соціалъ-демократическихъ мандатовъ ни къ чему не привело. Изъ лассальянцевъ только трое принимали участіе въ перебаллотировкѣ, въ которой они всѣ были забаллотированы: портной Бройеръ въ Альтонѣ, Гассельманъ въ ганноверскомъ избирательномъ округѣ Госларѣ и Швейцеръ въ Эберфельдъ-Барменѣ, гдѣ онъ получилъ 8,477 голосовъ противъ 2,540 голосовъ, выпавшихъ на долю коалиціи всѣхъ буржуазныхъ партій. Изъ эйзенахцевъ прошелъ въ Глахау-Мееранъ Бебель противъ Шульце-Делича, котораго буржуазія демонстративно выставила, какъ контръ-кандидата да еще Шрапсъ въ

Цвикау-Крямичау. Въ Митвейде Шрапсъ былъ забаллотированъ на перебаллотировкѣ, и выбранъ былъ націоналъ-либеральный кандидатъ.

24-го марта Швейцеръ объявилъ, что онъ намѣревается выйти изъ правленія Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза; мотивировалъ онъ свое рѣшеніе тѣмъ, что онъ цѣлый рядъ лѣтъ жертвовалъ партіи своими физическими силами, душевнымъ спокойствіемъ и деньгами, и никто не можетъ требовать отъ него дальнѣйшихъ жертвъ; онъ поэтому имѣетъ право требовать своей замѣны другимъ. Трудно установить, насколько Швейцеръ самъ въ душѣ былъ убѣжденъ въ шаткости своей диктатуры. Съ внѣшней же стороны диктатура его была уже поколеблена тѣмъ, что онъ не въ состояніи былъ дольше издавать „Sozialdemokrat"'а, тиражъ котораго, вслѣдствіе войны, упалъ до 2700 подписчиковъ. Онъ пріостановилъ изданіе газеты до общаго собранія, которое имъ было созвано на средину мая; послѣдній номеръ вышелъ 26-го апрѣля. Но если партія должна была принять на себя изданіе газеты, то, само собой, швейцеровская диктатура не могла оставаться въ прежней формѣ. Очень возможно, что на его рѣшеніе сильно повліяло пораженіе, которое онъ потерпѣлъ на выборахъ. Онъ самъ призналъ это въ томъ смыслѣ, что не хочетъ быть связаннымъ вопреки желанію своихъ избирателей. На самомъ же дѣлѣ потеря того привиллегированнаго положенія, которое ему дала его парламентская дѣятельность, лишила его диктатуру самой существенной опоры! Во время войны политическій образъ дѣйствій Швейцера былъ вполнѣ правиленъ, но онъ былъ гораздо слабѣе образа дѣйствія Либкнехта и Бебеля. Имъ все болѣе и болѣе овладѣвало сознаніе, что онъ хватилъ черезъ край въ своихъ нападкахъ на эйзенахцевъ, что послѣ Седана сліяніе обѣихъ фракцій является только вопросомъ времени, и что для его диктатуры нѣтъ болѣе мѣста въ нѣмецкомъ

рабочемъ движеніи; все это не въ малой степени повліяло на его рѣшеніе.

Десятое общее собраніе, открывшееся 18-го мая въ Берлинѣ, было представлено 34-мя делегатами отъ 5346 платящихъ въ 74 мѣстахъ членовъ. Это собраніе выразило свое сожалѣніе по поводу отказа Швейцера „по домашнимъ обстоятельствамъ“ отъ дальнѣйшаго руководительства партіей. Единогласнымъ рѣшеніемъ о вотумѣ довѣрія собраніе высказало ему свою благодарность за его „долголѣтнее и разумное руководительство“ и указало товарищамъ на Газенклевера, какъ на наиболѣе достойнаго преемника. До 1-го іюля Швейцеру было поручено продолжать веденіе дѣлъ. Тогда-же, какъ и на прошлогоднемъ общемъ собраніи, была произведена подробная ревизія всѣхъ кассовыхъ дѣлъ, которыя были найдены въ полномъ порядкѣ. Право собственности на оба партійные органа Швейцеръ передалъ партіи; съ другой стороны, общее собраніе приняло на себя долги „Sozialdemokrat'a“ около 1000 талеровъ. Было рѣшено, что до 1 іюля партійнымъ органомъ будетъ „Agitator“, послѣ чего онъ закроется, а „Sozialdemokrat“, который останется единственнымъ органомъ партіи, будетъ выходить три раза въ недѣлю. На общемъ собраніи Всеобщаго Нѣмецкаго Союза Взаимопомощи, которое состоялось 25 мая, были представлены только 4257 членовъ изъ 27-ми мѣстъ 19-ью делегатами. Значительную роль въ столь быстромъ паденіи профессіональной организаціи сыграла, безъ сомнѣнія, война, но и то обстоятельство, что въ названномъ союзѣ были собраны какъ бы въ одну кучу разнородныя отрасли производства, какъ казалось членамъ, оказывало свое вліяніе. Общее собраніе рѣшило по-возможности устранить это неудобство, предоставивъ рабочимъ каждаго ремесла право основать особую членскую группу Союза, и назвать ее именемъ ремесла. Каменщики выговорили себѣ это право съ самаго начала.

1-го іюля вступилъ въ свою должность новоизбранный президентъ Газенклеверъ; въ тотъ же день появился и первый номеръ „Sozialdemokrat'a“.

2. Просвѣтлѣніе Бисмарка.

18-го марта 1848 года прусскій принцъ, самый упрямый представитель до-мартовскаго абсолютизма, былъ изгнанъ революціей изъ Берлина. 17-го марта 1871 года тотъ же самый человѣкъ, увѣнчанный побѣдой, вступилъ въ Берлинъ, какъ германскій императоръ; съ восторгомъ встрѣтили его господствующіе классы и прославляли его, какъ достойнаго наслѣдника Оттоновъ и Гогенштауфеновъ. Онъ не могъ не сознавать, что герой 17-го марта 1871-го года тотъ же человѣкъ, что и изгнанникъ 18-го марта 1848-го года. И въ его маленькомъ умѣ возникло поэтому милое его сердцу представленіе, что внутренняя борьба за свободу, которая велась на германской почвѣ уже болѣе двухъ десятилѣтій, была однимъ только миражемъ, что его корона, предоставленная ему Богомъ, такъ же вѣчна, какъ и самъ Небесный Царь, со стола котораго онъ ее получилъ.

Но едва только успѣлъ онъ погрузиться въ свою сладкую мечту, какъ ужъ невидимая рука писала на стѣнахъ его дворца свое роковое: „мене мене текелъ уфарсинъ“. 18-го марта 1871 года поднялся парижскій пролетаріатъ и доказалъ, что европейская исторія съ 1848 года имѣла большой смыслъ, за который, правда, народы заплатили очень дорогую цѣну. Во всѣхъ германскихъ земляхъ, гдѣ былъ сознающій свои классовые интересы пролетаріатъ, вѣсть о революціонномъ подвигѣ парижскихъ рабочихъ была встрѣчена съ необычайнымъ восторгомъ. Ни лассальянцы, ни эйзенахцы не колебались ни минуты. Массовыя собранія въ Берлинѣ, Гамбургѣ, Бременѣ, Ганноверѣ, Эберфельдѣ, какъ и въ Дрезденѣ, Лейпцигѣ и Хемницѣ выразили свои горячія симпатіи соціальной революціи

въ Парижѣ; туда посылались братскія привѣтствія нѣмецкихъ рабочихъ. „Sozialdemokrat“ и „Volksstaat“ одинаково талантливо осмѣяли „наивное безстыдство“ нѣкоторыхъ буржуазныхъ газетъ, требовавшихъ отъ нѣмецкой соціалъ-демократіи отреченія отъ парижской Коммуны и ея „ужасовъ“. Возможно, что подобной лицемѣрной тактикой и удалось бы достичь той или иной выгоды, но это было бы недостойно соціалъ-демократіи, которая, дѣйствуя такъ, продала бы свою честь за нѣсколько сомнительныхъ подачекъ и растратила бы громадное историческое пріобрѣтеніе; соціалъ-демократія въ такомъ случаѣ унаслѣдовала бы постыдную немощь нѣмецкаго либерализма. Выраженіемъ своей безусловной солидарности съ парижской Коммуной нѣмецкая соціалъ-демократія выиграла очень многое. Теперь „ужасами“ Коммуны можно пугать однихъ только дѣтей; всякій хоть сколько-нибудь освѣдомленный буржуа прекрасно знаетъ то, что нѣмецкимъ рабочимъ было извѣстно съ самаго начала, а именно, что дѣйствительные ужасы творились врагами Коммуны, поборниками буржуазнаго порядка, что слабость Коммуны была не въ ея безчеловѣчности, а въ боязни передъ рѣшительными мѣрами.

Не менѣе рѣшительно выступилъ за защиту Коммуны генеральный совѣтъ Интернаціонала. Составленное Марксомъ воззваніе о гражданской войнѣ во Франціи послужило лучезарнымъ знаменемъ для арміи борющагося рабочаго класса, французское крыло котораго только что потерпѣло страшное пораженіе Марксъ, конечно, сознавалъ, что этимъ воззваніемъ онъ подвергаетъ опасности все существованіе Интернаціонала, который дѣйствительно погибъ отчасти отъ того впечатлѣнія, которое производило всюду это геніальное произведеніе. Не всѣ европейскія рабочія партіи были настолько политически зрѣлыми, какъ нѣмецкая соціалъ-демократія; особенно же англійскіе тредъ юніоны испугались краснаго призрака, который евро-

пейская буржуазія вызвала изъ обломковъ парижской Коммуны. Но Марксъ не интересовался формой тамъ, гдѣ надо было спасти сущность. И именно это воззваніе самымъ убѣдительнымъ образомъ доказало правильность его политики, именно это воззваніе, которое было имъ написано подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событій, и которое еще до сихъ поръ остается самымъ лучшимъ никѣмъ не превзойденнымъ произведеніемъ о парижской Коммунѣ, несмотря на огромную выросшую съ тѣхъ поръ литературу. Воззваніе это имѣло, конечно, цѣлью оправдать Коммуну, и въ такой моментъ, когда нужно было высказаться либо за, либо противъ Коммуны, его „за", однако, не было ослаблено тѣмъ, что тутъ же указывалось на ошибки возстанія; это воззваніе съ такой ясностью и рѣзкостью отмѣтило главныя стороны этого событія, что оно до сихъ поръ осталось классическимъ произведеніемъ въ литературѣ о французской Коммунѣ.

Бисмарку приписывали тогда слова, что Коммуна причинила ему „первую безсонную ночь". Произносилъ ли онъ эти слова на самомъ дѣлѣ, или нѣтъ, но они являются вполнѣ характерными для его тогдашняго состоянія. Возстаніе парижскихъ рабочихъ доказало ему, что его дипломатія сильна, когда она направлена противъ Бейста или Бонапарта, но что она совершенно безсильна противъ большихъ массовыхъ движеній нашего вѣка. Какъ результатъ своихъ ночныхъ размышленій, онъ преподнесъ рейхстагу свое ошеломляющее открытіе, что зерно правоты парижской Коммуны заключается въ страстномъ желаніи парижанъ получить прусское городовое положеніе, эту пародію на независимое общинное самоуправленіе. Бебель, единственный соціалъ-демократъ, засѣдавшій въ первомъ нѣмецкомъ рейхстагѣ, выразилъ свое изумленіе по поводу того, что собраніе серьезныхъ людей не пришло отъ такого объясненія въ веселое настроеніе, и прибавилъ съ своей стороны: „Будьте увѣрены, что взоры

всего европейскаго пролетаріата и всѣхъ тѣхъ, въ груди которыхъ еще живетъ чувство свободы и независимости, обращены на Парижъ. И если теперь Парижъ усмиренъ, то я вамъ предсказываю, что борьба тамъ есть только небольшая стычка, что главное еще предстоитъ у насъ въ Европѣ, и что прежде, чѣмъ пройдетъ нѣсколько десятилѣтій, боевой призывъ парижскаго пролетаріата: „Война дворцамъ, миръ хижинамъ, смерть нуждѣ и праздности!“ будетъ боевымъ лозунгомъ всего европейскаго пролетаріата“. Высокое собраніе наградило оратора дружнымъ смѣхомъ, который больше былъ бы умѣстенъ послѣ пошлой выдумки Бисмарка; но съ тѣхъ поръ оно потеряло охоту смѣяться по такимъ поводамъ.

Позже Бисмаркъ самъ признался, что эта рѣчь Бебеля была „свѣтлымъ лучемъ“, освѣтившимъ ему сущность соціалъ-демократическаго движенія. Съ этого времени онъ старался подавить это движеніе, какъ врага, противъ котораго правительство и общество стали въ оборонительное положеніе. Нельзя сомнѣваться въ искренности этого признанія, потому что со стороны такъ называемаго государственнаго мужа это было достаточное униженіе. Въ самомъ дѣлѣ, съ той поры между Бисмаркомъ и соціалъ-демократіей началась открытая борьба, вначалѣ сопровождавшаяся съ его стороны небрежнымъ высокомѣріемъ и шедшая порывисто, толчками, но затѣмъ принявшая характеръ отчаянной борьбы за собственное существованіе, пока, наконецъ, это существованіе не пришло къ своему безславному концу

Если противозаконныя дѣйствія Фалькенштейна и не доставляли Бисмарку большого удовольствія, то теперь они казались ему достаточно хорошими, чтобы нанести первый ударъ сознательному пролетаріату. Брауншвейгскіе и Лейпцигскіе узники были выпущены только въ концѣ марта, послѣ того, какъ первые просидѣли 200, а вторые—около 100 дней въ тюрем-

ныхъ стѣнахъ ни за что, ни про что. А за это время весь матеріалъ, захваченный полиціей, прокуратурой и слѣдователями при многочисленныхъ домашнихъ обыскахъ заключенныхъ или ихъ товарищей, изъ всѣхъ силъ старались обратить въ государственную измѣну и преступленіе противъ величества, однако, совершенно безуспѣшно. Полученный результатъ долженъ былъ ихъ тѣмъ болѣе обезкуражить, что составленный матеріалъ въ смыслѣ податливости не заставлялъ желать ничего лучшаго.

Благодаря внезапному нападенію Фалькенштейна, въ руки преслѣдователей достались всѣ бумаги и книги руководителей партіи эйзенахцевъ. Ни брауншвейгскіе, ни саксонскіе суды не выказали особой готовности заняться открытымъ преступленіемъ; ихъ, вѣроятно, обижала при этомъ и та манера, съ какой имъ было предложено выступить въ роли преданныхъ помощниковъ грубыхъ военныхъ насилій. Оберъ-прокуроръ въ Вольфенбютлѣ предложилъ совершенно прекратить дѣло брауншвейгскихъ заключенныхъ, обвинявшихся въ подготовленіи къ государственной измѣнѣ, и сенатъ верховнаго суда согласился съ этимъ мнѣніемъ. Хотя при этомъ было оговорено, что за проступки, не подлежащіе компетенціи уголовнаго сената, а подсудные окружнымъ судамъ, какъ противъ Бракке и товарищей, должно вестись слѣдствіе, однако ясно было для всѣхъ, что этими граціозными оборотами рѣчи думали сколько-нибудь затушевать тотъ возмутительный фактъ, что совершенно невинные люди на цѣлые мѣсяцы были лишены свободы.

Однако, этотъ брауншвейгскій планъ былъ составленъ безъ участія берлинскаго „хозяина". Бисмаркъ настаивалъ на томъ, чтобы оговорка, сдѣланная прокуратурой въ Вольфенбютлѣ, была выполнена, и десятаго октября 1871 года, т. е. болѣе чѣмъ черезъ полгода послѣ освобожденія заключенныхъ, брауншвейгскій прокуроръ Кохъ приготовилъ эту далеко

не легкую работу, и составилъ обвинительный актъ противъ Бракке, Бонгорста, Шпира и Кюна. Нѣкоторыя удобоpастяжимыя статьи стараго брауншвейгскаго и сѣверо-германскаго уложенія о наказаніяхъ послужили при этомъ главными основаніями. Обвиненіе свело все дѣло къ преступленію противъ общественнаго порядка, и окружной судъ, послѣ трехдневнаго засѣданія, приговорилъ Бракке и Бонгорста къ шестнадцати мѣсяцамъ, Шпира къ четырнадцати и Кюна къ пяти мѣсяцамъ заключенія съ зачетомъ времени предварительнаго ареста, но верховный судъ настолько смягчилъ этотъ приговоръ, что Бракке и Бонгорсту осталось отсидѣть только три мѣсяца, Шпиру два и Кюну всего лишь шесть недѣль, за принадлежность къ союзу, преслѣдующему противозаконныя цѣли. И этотъ приговоръ не былъ юридически выдержаннымъ, такъ какъ онъ цѣликомъ опирался на старый до-мартовскій законъ, но фактически этотъ приговоръ сводился къ полному освобожденію обвиненныхъ, такъ какъ верховный судъ нашелъ, что присужденное наказаніе уже отбыто обвиняемыми предварительнымъ заключеніемъ.

Податливѣй, чѣмъ ученые судьи Брауншвейга, оказались буржуазные присяжные въ Лейпцигѣ въ отношеніи берлинскихъ указаній. Въ мартѣ 1872 года Либкнехтъ, Бебель и Гепнеръ цѣлыхъ двѣ недѣли стояли передъ судомъ присяжныхъ въ Лейпцигѣ, какъ обвиняемые въ подготовленіи къ государственной измѣнѣ. Матеріалъ для обвиненія въ общемъ былъ тотъ же самый, что и въ брауншвейгскомъ дѣлѣ, но увеличенный еще цѣлой кучей „доказательствъ“, которыя всѣ доказывали не что иное, какъ только желаніе какой бы то ни было цѣной провести предвзятую тенденцію обвиненія въ начатомъ процессѣ. 140 вещественныхъ доказательствъ было представлено присяжнымъ; здѣсь были письма, рѣчи, вырѣзки изъ газетъ, программы, безпорядочная куча различныхъ

выдержекъ изъ революціонной литературы съ 1848 года, принадлежащихъ не только обвиняемымъ и ихъ товарищамъ, но также ихъ политическимъ противникамъ.

Однако, ни одинъ изъ этихъ документовъ не давалъ и тѣни доказательства того, что обвиняемые дѣйствительно подготовляли государственную измѣну въ томъ смыслѣ, какъ это понималось уложеніемъ о наказаніяхъ. Но тутъ помогъ предсѣдатель Фонъ-Мюке своимъ пристрастнымъ веденіемъ преній; къ такому явному пристрастію со стороны предсѣдателя суда тогда еще не привыкли въ Германіи, и потому оно рѣзко было осуждено всей безъ исключенія независимой прессой всѣхъ буржуазныхъ партій. Разумѣется, не было недостатка во всевозможныхъ способахъ давленія на присяжныхъ, среди которыхъ нашлось-таки восьмеро (число достаточное для осужденія), признавшихъ Либкнехта и Бебеля виновными. Судъ приговорилъ ихъ къ двумъ годамъ заключенія въ крѣпости съ зачетомъ двухъ мѣсяцевъ предварительнаго ареста; Геннеръ же былъ оправданъ.

Вполнѣ правы были Либкнехтъ и Бебель, сказавъ, что процессъ сдѣлалъ такъ много для распространенія соціалъ-демократическихъ идей, что они охотно принимаютъ эти два года заключенія. Этотъ процессъ не только привлекъ къ нимъ лично всеобщую симпатію, которую люди, уважающіе правосудіе, питаютъ всегда къ невинно-осужденнымъ, но и послужилъ весьма дѣйствительнымъ средствомъ пропаганды ихъ политическихъ и соціальныхъ стремленій. Въ то время, какъ Геннеръ, которому съ самаго начала опредѣлили въ этой судебной драмѣ второстепенную роль, выказалъ надлежащій тактъ и сумѣлъ ѣдкой шуткой осмѣять направленное противъ него обвиненіе, Либкнехтъ и Бебель съ полной серьезностью защищали дѣло соціалъ-демократіи, привлеченной въ ихъ лицѣ къ суду, и съ удивительной находчивостью отпарировали неуклюжія нападки предсѣдателя и прокурора.

Либкнехтъ, стоявшій до этого времени дальше отъ рабочихъ массъ, чѣмъ Бебель, развернулъ въ этомъ процессѣ то свое оригинальное дарованіе, благодаря которому пролетарскія сердца такъ быстро завоевывались могучимъ словомъ „солдата революціи". Такимъ образомъ, процессъ этотъ имѣлъ большое агитаціонное значеніе, онъ очистилъ рабочее движеніе отъ разныхъ широко распространенныхъ предразсудковъ; судебное слѣдствіе было превращено обвиняемыми въ поучительное введеніе къ идеямъ соціалъ-демократіи.

Въ іюлѣ 1872 года Бебель еще разъ сдѣлался жертвой классоваго правосудія. Лейпцигскій окружный судъ призналъ его виновнымъ въ оскорбленіи величества, когда онъ передъ всѣмъ собраніемъ высказалъ ту неоспоримую правду, что прусскій король не сдержалъ своего обѣщанія, по которому послѣдствіемъ войны должно было сдѣлаться единообразное и свободное образованіе германскаго государства. Приговоръ гласилъ: 9 мѣсяцевъ тюрьмы съ лишеніемъ правъ, присвоенныхъ депутату. Судъ не преминулъ оскандалить себя кассированіемъ мандата Бебеля. Уже въ первой сессіи нѣмецкаго рейхстага Бебель быстро сдѣлался опаснымъ борцомъ; безъ поддержки партіи, совершенно одинъ, онъ сумѣлъ осадить на паркетѣ парламентаризма двухъ прославленныхъ танцоровъ. Онъ загналъ въ уголъ храбраго Ласкера, который угрожалъ ему дубиной филистера, а затѣмъ сфальшивилъ въ стенографическомъ отчетѣ, потому что ему самому показалась смѣшной эта странная угроза; досталось отъ Бебеля также Симсону, котораго Бебель уличилъ въ грубомъ нарушеніи регламента, и который былъ спасенъ лишь благодаря заступничеству буржуазнаго большинства, одобрившаго его дѣйствія завѣдомо противъ собственныхъ убѣжденій. Лейпцигскій окружный судъ мстилъ „злодѣю" не только за короля, посланнаго Богомъ, но и за буржуазный парламентаризмъ.

Но на ткачей округа Глаухау-Меранъ не подѣйствовалъ патріотическій маневръ, и они послали Бебеля еще разъ въ рейхстагъ съ числомъ голосовъ на 3000 больше, чѣмъ прежде. Высокое собраніе должно было приспособиться къ роли палача. Оно отклонило предложеніе Шрапса реабилитировать Бебеля, который уже въ то время былъ заключенъ въ губертсбургскую тюрьму. И впрямь, какой патріотъ могъ бы ему поставить въ вину то, что оно не захотѣло слушать чистый звенящій голосъ, который такъ убѣдительно показывалъ, на какихъ глиняныхъ ногахъ стоитъ все великолѣпіе новой Германской имперіи.

Глава вторая.

Потоки милліардовъ.

1. Грюндерство и „борьба за культуру".

Когда революція сверху была обезпечена компромисомъ между прусскимъ военнымъ государствомъ и нѣмецкой буржуазіей, обѣ эти соединенныя силы повели завоевательную войну къ Седану и дѣлили между собой захваченную добычу. Съ наглымъ надувательствомъ либеральныхъ „именитыхъ гражданъ", увѣрявшихъ, что присоединеніе Эльзасъ-Лотарингіи поведетъ къ европейскому разоруженію, покончилъ Мольтке, холодно заявившій, что „достигнутое нами оружіемъ въ теченіе одного полугодія мы должны защищать оружіемъ же цѣлыхъ полстолѣтія и не дать отнять эти провинціи у насъ обратно". Милитаризмъ не хотѣлъ смыть съ себя грѣшной крови; онъ теперь выросъ до размѣровъ, которые показались бы невѣроятными самому большому пессимисту 60-хъ годовъ; и либеральной буржуазіи оставалось лишь акцептировать это послѣдствіе своей геніальной политики.

Гораздо лучше воспользовалась она другой стороной завоевательной войны. Удары нѣмецкаго войска широко распахнули передъ ней ворота мірового рынка. Хотя золотой дождь милліардовъ, главнымъ образомъ, достался казнѣ военнаго государства, которое на эти деньги уплачивало долги, жаловало помѣстья и пенсіи, строило крѣпости и казармы, возобновляло составъ оружія и другихъ военныхъ принадлежностей, но вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря чрезвычайному увеличенію свободнаго капитала и циркулирующей массы денегъ, сильно оживилась молодая промышленность и получила могучій подъемъ. Концентрація капитала сказалась во всѣхъ отрасляхъ промышленной жизни. Отъ 1871 до 1873 года было выпущено новыхъ акцій больше, чѣмъ на 1200 милліоновъ талеровъ, т. е. почти столько, сколько составляла военная контрибуція Франціи. Банки и промышленныя общества различныхъ формъ росли, какъ грибы. Основалось громадное множество предпріятій по разработкѣ желѣзныхъ рудъ и каменнаго угля; было проведено очень много желѣзнодорожныхъ линій. Это была дикая оргія спекуляцій, въ которой буржуазія потеряла послѣдній остатокъ своего политическаго такта.

Она пала ницъ передъ человѣкомъ, который доставилъ ей это золотое великолѣпіе. Когда Людвигъ Бамбергеръ, послѣ своего бѣгства въ Парижъ во время возстанія въ Баденъ-Пфальцѣ, близко сошелся съ банкомъ и биржей, онъ сказалъ: „разумѣется, мы собаки!“ Эти горькія слова, вышедшія изъ души измученнаго чиновника, истолковывались—характерное недоразумѣніе!—какъ политическое credo Бамбергера и его національ-либеральныхъ друзей. На почвѣ экономическихъ законовъ Бисмаркъ пока давалъ либеральной буржуазіи полную свободу. Благодаря щедрымъ пожалованіямъ, онъ изъ представителя полуобанкротившагося мелкаго дворянства сдѣлался теперь представителемъ крупнаго капиталистическо-про-

мышленнаго землевладѣнія, представителемъ класса, сильно заинтересованнаго въ полномъ устраненіи феодально-цеховыхъ развалинъ. Кромѣ того, его бонапартистскіе инстинкты были пріятно возбуждены тѣмъ грюндерскимъ опьяненіемъ, которое превратило буржуазный міръ въ игорный домъ, что давало ему возможность обмануть его en masse. Бисмаркъ ничего не нашелъ нужнымъ возразить, когда Дельбрюкъ, который тогда еще былъ его правой рукой въ экономической политикѣ, съ циническимъ самодовольствомъ заявилъ отъ лица правительства, что тайна нашего времени— не упускать барыша, и что никакіе законы не могутъ помѣшать глупцамъ потерять свои капиталы. Законы объ общихъ гражданскихъ правахъ и свободѣ передвиженія, о свободѣ промысловъ, объ общихъ мѣрахъ, монетахъ и вѣсахъ, о покровительствѣ заграничной торговлѣ и т. д. оставляли желать многаго въ частностяхъ, но въ цѣломъ представляли, безъ сомнѣнія, крупный шагъ впередъ. Но смотрѣть на это такъ, какъ смотрѣлъ Трейчке,—этотъ глашатай новой имперіи, увѣрявшій, что буржуазія подарила рабочимъ эти законы „изъ чувства долга, присущаго высокимъ сословіямъ“, изъ „истиннаго признанія своихъ соціальныхъ обязанностей“,—значитъ совершенно не понимать дѣйствительнаго характера событій; рѣдко, а можетъ быть, никогда, господствующіе классы не запротоколировали давно необходимый шагъ впередъ по пути экономическаго развитія такими узко эгоистическими мотивами, какъ въ данномъ случаѣ. Это обнаружилось очень скоро, какъ только ясно стало, что буржуазія не можетъ идти впередъ безъ того, чтобы пролетаріатъ также не пошелъ впередъ.

Собственно говоря это обнаружилось еще раньше, когда партикуляристская оппозиція объединилась въ большую парламентскую партію и выступила противъ основанія имперіи. Нѣмецкое оружіе косвенно поколебало свѣтское господство папства и тѣмъ возбудило

всѣ воинственныя силы католицизма. Подъ названіемъ центра вступила въ первый нѣмецкій парламентъ спеціально католическая фракція, состоявшая изъ 57 членовъ. Она, собственно, не явилась сюда съ явно враждебными намѣреніями противъ Бисмарка, который еще незадолго до нѣмецко-французской войны признавалъ іезуитовъ, какъ достойныхъ уваженія союзниковъ и противодѣйствовалъ всякимъ предложеніямъ высказаться дипломатическимъ путемъ противъ догмата непогрѣшимости, установленнаго Ватиканскимъ Соборомъ въ 1870 году; но новая фракція, естественно сдѣлалась сборнымъ пунктомъ всѣхъ партикуляристскихъ элементовъ. Въ католическихъ странахъ на Рейнѣ, въ Шлезвигѣ, въ Баваріи уже съ давнихъ поръ жила большая антипатія ко всему специфически прусскому. Это же чувство питали католики поляки, а нѣсколько позже и католики эльзасцы. Центръ съ самаго начала носилъ характеръ болѣе партикуляристскій, чѣмъ религіозный, такъ что къ нему примкнули даже ортодоксально-протестантскіе вельфы. Подъ общимъ знаменемъ ультрамонтанизма соединилось все, что на партикуляристскомъ основаніи противодѣйствовало великолѣпію новой германской имперіи; это была масса, составленная изъ политически и соціально различныхъ элементовъ, далеко расходившихся другъ отъ друга, начиная съ мелко-крестьянской и мелкобуржуазной демократіи до феодальнаго романтизма и цеховой обособленности; интересно, что вождемъ этой пестрой людской смѣси сталъ бывшій вельфскій министръ Виндгорстъ, отнюдь не человѣкъ принциповъ, а дипломатъ той же старой школы, что и Бисмаркъ, но превосходившій его своимъ остроуміемъ.

Не нужно было быть геніальнымъ государственнымъ мужемъ, а лишь быть немножко знакомымъ съ новѣйшей культурной жизнью, чтобы съ легкостью парализовать всю эту оппозицію. Она неминуемо распалась бы на разнородныя и, въ общемъ, исторически регрес-

сивныя составныя части, если бы новая имперія управлялась не прусской капральской палкой, а какъ подобаетъ современному культурному государству. Однако, то, что Бисмарку въ извѣстной степени удалось выполнить до 1866 года, теперь ему ужъ больше не удавалось; онъ не сумѣлъ хорошо использовать данное положеніе. Ѳиміамъ, воскуренный этому „Геркулесу девятнадцатаго столѣтія", затуманилъ его взоръ и не давалъ ему видѣть дальше его стараго юнкерскаго горизонта. Онъ былъ убѣжденъ, что колотя своей капральской палкой все, что не хотѣло танцовать по его дудкѣ, онъ будетъ стоять на высотѣ своего времени. Кто не приспособлялся къ его расположенію духа и къ его состоянію нервовъ, былъ „врагомъ имперіи" и подвергался имперской анаѳемѣ. Въ особенности возбудили его негодованіе поляки своимъ присоединеніемъ къ центру. Послѣдній, до извѣстной степени, толкнулъ его на вѣрный путь своей программой, которая была опубликована въ 1871 году, и въ которой первое мѣсто было отведено партикуляристскому принципу самостоятельности и самоопредѣленія отдѣльныхъ государствъ, и лишь на второмъ мѣстѣ отстаивалась религіозная точка зрѣнія защиты церковныхъ обществъ отъ свѣтскаго законодательства. Въ своемъ трагикомическомъ непониманіи этого положенія вещей, Бисмаркъ вообразилъ, что сумѣетъ сдержать партикуляристскую оппозицію, путемъ придирокъ къ католической церкви. Онъ издалъ для послѣдней цѣлый рядъ исключительныхъ законовъ для насильственнаго вмѣшательства во внутреннюю жизнь церкви, хотя въ годы своей молодости онъ видѣлъ, какъ отлично римскій священникъ всегда умѣетъ обойти прусскаго жандарма. Вмѣсто того, чтобы самому вооружиться оружіемъ гражданской свободы, онъ передалъ это оружіе центру, и, благодаря этому, онъ со своей реакціонной дипломатіей не въ состояніи былъ избѣжать этой ультрамонтанской оппозиціи; мало по-

могли ему и его хвастливыя завѣренья, что онъ не пойдетъ въ Каноссу.

Его глупость была превзойдена только глупостью либеральной буржуазiи, которая пошла по той же дорогѣ, что и онъ, но для нея нельзя подыскать того смягчающаго вину обстоятельства, какое имѣется для него, такъ какъ они пе выросли на феодальныхъ взглядахъ. Даже такой образованный человѣкъ, какъ Вирховъ, не постѣснялся окрестить смѣшную игру почетнымъ именемъ „борьбы за культуру". Для разъединенной же грюндерской шайки эта „борьба за культуру" служила только кулисами, за которыми ей удобнѣе было грабить массу. Съ непогрѣшимой точностью можно было каждый разъ сказать, что кто наиболѣе энергично выступалъ въ парламентѣ и прессѣ „противъ Рима", торжественно заклиналъ тѣнь бѣднаго Ульриха фонъ Гутена, тотъ до головы погрязъ въ грюндерскомъ болотѣ. Не одна дюжина депутатовъ изъ „культурныхъ борцовъ" украшала своими мандатами грюндерскiя рекламы, чтобы придать больше правдивости ихъ лживымъ обѣщанiямъ, чѣмъ содѣйствовала „патрiотическимъ денежнымъ силамъ", т. е. учетному банку и дому Блейхредеръ, этимъ двумъ великанамъ, проглотившимъ все состоянiе средняго класса. Въ парламентской когортѣ учетнаго банка особенно выдвигался Микель, бывшiй коммунистъ и теперешнiй вождь нацiоналъ-либеральной партiи. Какъ одинъ изъ директоровъ учетнаго банка, онъ получилъ въ четыре года 1338730 марокъ 10 пфениговъ дохода, но не переставалъ жаловаться со слезами на глазахъ и съ видомъ оскорбленной невинности, если кто-нибудь изъ остроумныхъ „враговъ имперiи" высказывалъ предположенiе, что онъ много потрудился, на благо учетнаго банка, соотвѣтственно этимъ доходамъ.

Микель утверждалъ, что этотъ солидный доходъ полученъ имъ только за маловажные юридическiе совѣты, которые легко могъ бы дать всякiй ассесоръ, сидящiй

на жалованьи въ пару тысячъ марокъ въ годъ. Не болѣе красиво выказалъ себя саксонскій дворянинъ и вожакъ свободно-консервативной партіи Кардорфъ, который засѣдалъ въ Блейхредерской парламентской шайкѣ. Онъ основалъ цѣлый рядъ отчаяннѣйшихъ предпріятій съ благородной цѣлью, чтобы имѣть возможность безъ потери доходовъ посвящать себя парламентской дѣятельности и сохранить для отечества свою незамѣнимую законодательную силу.

Этимъ парламентскимъ передовымъ борцамъ либеральной буржуазіи вполнѣ соотвѣтствовали ея главные публицистическіе борцы. На мѣсто Густава Фрейтага съ его „Grenzboten“ выступилъ теперь Пауль Линдау со своимъ „Gegenwart“, литературный талантъ 6-го ранга, который даже не настоящую литературу Второй Имперіи, а лишь ея отбросы импортировалъ въ Германію. Руге, послѣ 1866 года перебѣжавшій къ Бисмарку и порвавшій теперь со всѣми иллюзіями, писалъ: „Объявлено, что будетъ принимать участіе въ журналѣ Блюнчли, какъ руководящій литераторъ, и Редвицъ. Какая же это „Gegenwart“ (Современность)? Развѣ этого требуетъ наше время?.. Линдау свалилъ всѣхъ знаменитостей безъ различія направленія въ одну кучу, и вся исторія кажется простой спекуляціей“. И это на самомъ дѣлѣ были одни только спекуляціи. Гвидо Вейсъ сдѣлалъ въ „Wage“ послѣднюю попытку поднять знамя буржуазной демократіи, но хотя эта маленькая еженедѣльная газета стояла неизмѣримо выше линдаускаго „Gegenwart'a“ по характеру, духу и знанію, она все-таки выходила лишь нѣсколько лѣтъ, влача жалкое существованіе.

Въ буржуазной ежедневной печати кишѣли разные Тряпичкины, какъ черви на трупѣ. Не говоря уже о биржевой и торговой прессѣ, отъ которой только глупецъ могъ ожидать чего-нибудь лучшаго, но даже „большая“, „благородная“ политическая пресса была охвачена гніеніемъ. Биржевыя рекламы пробивали

себѣ дорогу повсюду, вплоть до столбцовъ благочестивой „Крестовой Газеты"; редакторы торговаго отдѣла въ нацiоналъ-либеральной „Нацiональной Газетѣ" и въ прогрессистской „Фоссовой Газетѣ" злоупотребляли своимъ общественнымъ положенiемъ, нагло надувая публику; демократическая „Франкфуртская Газета" получала премiю за газетную помощь отъ каждаго предпрiятiя, которое имѣло дѣло съ франкфуртской биржей. Редакторъ ея торговаго отдѣла докторъ Бернгардтъ писалъ въ „Times'ѣ": „Если бы у насъ не было вонючаго духа сумасбродныхъ демагоговъ, которые возбуждаютъ рабочихъ противъ своихъ мастеровъ и поддерживаютъ ихъ неосуществимыя мечты, тогда всѣ общественные классы чувствовали бы себя хорошо, и страна наслаждалась бы еще невѣдомымъ до сихъ поръ счастьемъ". За это Марксъ его порядкомъ потрепалъ, не подозрѣвая, при всемъ своемъ сильномъ умѣ, что не пройдетъ и пяти лѣтъ, какъ вся оффицiальная Германiя, отъ генiальнаго государственнаго мужа Бисмарка и до не менѣе генiальнаго вожака оппозицiи Евгенiя Рихтера, будетъ пѣть въ униссонъ этому темному дѣльцу биржи.

2. Аграрный соцiализмъ и катедеръ-соцiализмъ.

Среди капиталистической грюндерской плутни развился буржуазный соцiализмъ двухъ родовъ, уже не новыхъ по своему существу, но подъ влiянiемъ тогдашнихъ отношенiй въ Германiи принявшихъ особую форму, посредствомъ которой и старались воздѣйствовать на борьбу классовъ.

Аграрный соцiализмъ произошелъ изъ „нужды въ кредитѣ" прусскаго дворянства, земли котораго, по причинѣ ли расточительнаго веденiя хозяйства, по причинѣ ли измѣненiй земельныхъ отношенiй, отчужденiя или раздѣленiя наслѣдства или, наконецъ, по какимъ либо инымъ причинамъ, были заложены и перезаложены. Этотъ классъ, несмотря на свою отсталость,

тоже принялъ участіе въ развитіи крупной промышленности, такъ какъ, съ возрастаніемъ народонаселенія, поднялись и цѣны на хлѣбные продукты. Но прибыль на капиталъ росла еще быстрѣе, чѣмъ рента на землю, и, благодаря этому, обезцѣнивалось юнкерское землевладѣніе. Земля, какъ таковая, не имѣетъ своей собственной мѣновой цѣнности, потому что она не есть продуктъ человѣческой работы; ея кажущаяся мѣновая цѣнность происходитъ отъ того, что въ общественныхъ отношеніяхъ земельная рента, которая опредѣляетъ цѣнность даннаго куска земли, разсматривается какъ арендная плата на капиталъ и капитализируется по текущимъ процентамъ. Мѣновая цѣнность имѣнія, дающаго, напримѣръ, 4,000 марокъ земельной ренты, когда размѣры процентовъ на капиталъ исчисляются въ 4%, составляетъ 100.000 марокъ. Размѣры процентовъ на капиталъ регулируются прибылью на капиталъ; если послѣдняя увеличивается быстрѣе, чѣмъ земельная рента, то понижается мѣновая цѣнность земли; такъ, когда въ приведенномъ примѣрѣ земельная рента доходитъ до 4,500 марокъ, но въ то же время процентъ на капиталъ поднимается до 5%, имѣніе имѣетъ стоимость всего въ 90,000 марокъ; его доходность возросла больше, чѣмъ на 12 процентовъ, но его мѣновая цѣнность упала на 10 процентовъ. Съ средины 50-хъ до начала 70-хъ годовъ процентъ на капиталъ въ дѣйствительности увеличился съ 4 до 5 процентовъ, между тѣмъ, какъ земельная рента росла на столько медленнѣе, что цѣна обработанной земли уменьшилась почти на одну пятую.

Этимъ былъ снова поставленъ вопросъ жизни или смерти восточно-эльбскому дворянству, которое еще держалось на поверхности со временъ Фридриха Великаго лишь благодаря скрытой или даже явной поддержкѣ государства.

Роковой вопросъ этотъ предсталъ только передъ этой фракціей имущихъ классовъ, но не передъ сель-

ско-хозяйственнымъ производствомъ вообще, какъ это любили утверждать дворяне. Дворянство погибло не потому, что изсякло сельско-хозяйственное производ ство, а наоборотъ, сельско-хозяйственное производство было близко къ истощенію потому, что оно находилось въ рукахъ феодально-ограниченнаго и задолженнаго класса. Только новые капиталы могли приспособить сельское хозяйство къ новѣйшей крупной промышленности и тѣмъ довести ее до небывалой высоты развитія. Такой ходъ развитія, безспорно, вытекалъ изъ условій жизни современнаго буржуазнаго общества. А всѣ лѣкарства, которыя были здѣсь предложены и испробованы, имѣли ту же судьбу, что и всякое средство, задающееся цѣлью оказать противодѣйствіе исторической необходимости,—они усиливали то самое давленіе, которое надѣялись этими средствами ослабить. Многочисленные ипотечные банки пробовали помочь дворянамъ въ ихъ „нуждѣ въ кредитѣ“ тѣмъ, что они превращали закладные листы въ процентныя бумаги, которыя способны котироваться на биржѣ и на міровомъ рынкѣ, но напрасно этимъ путемъ старались, какъ говорилъ Родбертусъ, сдѣлать изъ лошади птицу; если искусственныя крылья помогли лошади подняться на одно мгновенье въ вышину, то въ слѣдующее же мгновенье она упала внизъ и разбила себѣ кости. Однако, средство, которое предлагалъ Родбертусъ, было не лучше; онъ предложилъ нѣчто совершенно неосуществимое, а именно—замѣнить ипотечный капиталъ, который можетъ быть цѣликомъ погашенъ во всякое время, не подлежащимъ погашенію закладнымъ письмомъ; товаръ, по его системѣ, долженъ былъ производиться, какъ товаръ, но не обмѣниваться, какъ таковой.

Съ помощью средневѣкового безсрочнаго закладного письма, бывшаго формой земельной задолженности при феодальномъ хозяйственномъ строѣ, Родбертусъ хотѣлъ охранять земельную ренту, являющуюся лишь

слѣдствіемъ буржуазнаго способа производства, отъ всѣхъ непріятныхъ неожиданностей, на которыя она можетъ натолкнуться въ буржуазномъ мірѣ. Если бы это намѣреніе было выполнимо, впослѣдствіи оно совершенно разорило бы дворянство, потому что на непогасимыя закладныя письма оно получило бы отъ буржуазнаго общества необходимый ему капиталъ на еще болѣе тяжелыхъ условіяхъ, чѣмъ на подлежащія погашенію ипотеки.

Непосредственно, вся эта исторія совершенно не касалась пролетаріата. Рабочій не имѣлъ никакого повода плакать по „историческимъ поколѣніямъ" старой Пруссіи, которыя многія столѣтія держали въ черномъ тѣлѣ мелкое крестьянство, чтобы теперь самимъ попасть въ лапы новыхъ „великихъ гражданъ", крупныхъ капиталистовъ. А превращеніе патріархальнаго сельскаго хозяйства въ крупнопромышленное ввело въ хозяйственный водоворотъ и сельскій пролетаріатъ. И тѣмъ не менѣе оказалось возможнымъ смастерить какую-то общность интересовъ между дворянствомъ и пролетаріатомъ. „Нужда въ кредитѣ" у дворянъ возникла потому, что прибыль на капиталъ росла быстрѣе, чѣмъ земельная рента.

Что же получилось бы въ томъ случаѣ, если бы доля капитала въ національныхъ продуктахъ была сокращена, вслѣдствіе увеличенія заработной платы и, если бы, съ другой стороны, увеличенное потребленіе рабочими хлѣба и мяса подняло земельную ренту? На этой мысли и основывался аграрный соціализмъ, который нашелъ въ Родбертусѣ и Рудольфѣ Мейерѣ своихъ краснорѣчивыхъ защитниковъ.

Рудольфъ Мейеръ былъ на 30 лѣтъ моложе Родбертуса. По рожденію и воспитанію онъ принадлежалъ къ восточно-эльбскимъ землевладѣльцамъ, но его непоколебимое самосознаніе и обширныя свѣдѣнія, пріобрѣтенныя имъ въ экономической и исторической областяхъ знанія, не позволили ему пойти по ложной до-

рогѣ феодальнаго романтизма и сдѣлаться литературнымъ слугой дворянства. Онъ былъ послѣдовательнѣе Вагнера, подъ руководствомъ котораго онъ занялъ выдающееся положеніе въ консервативной прессѣ.

Но онъ не былъ ни исключительнымъ послѣдователемъ Вагнера, ни безусловнымъ сторонникомъ Родбертуса. Рудольфъ Мейеръ находился уже подъ вліяніемъ новаго времени, которое ужъ было объято пролетарской классовой борьбой. Къ утопіямъ Родбертуса онъ относился съ академическимъ уваженіемъ, но не проявлялъ къ нимъ дѣйствительнаго интереса, и онъ хорошо понималъ то, что для Родбертуса всегда оставалось непонятнымъ. Какъ истинно боевая натура, Рудольфъ Мейеръ питалъ особенно горячее чувство къ „освободительной борьбѣ четвертаго сословія“, документы и факты которой онъ прилежной и опытной рукой собралъ сначала въ журналѣ „Berliner Revue“, а послѣ—въ объемистомъ сочиненіи. Либеральному манчестерству онъ объявилъ строго-обдуманную войну, охотно посѣщалъ соціалъ-демократическія собранія и, какъ честный человѣкъ, прямо и искренно отстаивающій свою собственную точку зрѣнія, онъ всегда былъ пріятнымъ гостемъ у рабочихъ. Помимо своей честности, онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы увлечься соціальной демагогіей; онъ не скрывалъ отъ рабочихъ, что ихъ и его дороги въ концѣ концовъ разойдутся, но онъ считалъ, что можетъ пройти нѣкоторое разстояніе съ рабочими вмѣстѣ; и это разстояніе не вело въ какія-то болотныя дебри, а дѣйствительно лежало на пути рабочихъ, хотя бы до нормальнаго рабочаго дня.

У рабочихъ Рудольфъ Майеръ нашелъ условное пониманіе, соотвѣтствовавшее его условному дружелюбному къ нимъ отношенію. Но дворяне, которымъ онъ безусловно хотѣлъ помочь, отказали ему безусловно во всякомъ пониманіи. Они были недовѣрчивы даже къ Родбертусу, всегда предлагавшему имъ свои лѣкарства въ дипломатически подслащенномъ видѣ, и тѣмъ

болѣе возмущалъ ихъ „баррикадный стиль“ Рудольфа Мейера.

„Деревенщина слишкомъ глупа“, жаловался Родбертусъ.

Аграрный соціализмъ не могъ, конечно, надолго спасти дворянства, но онъ могъ ему обезпечить исторически приличныя похороны послѣ такой будничной его дѣятельности, которая мало могла претендовать на историческое приличіе. Охотнѣе ухватились эти бравые юнкеры, по своему обыкновенію, за „щеколду законодательства“, чтобы путемъ еще большаго угнетенія и эксплоатаціи народныхъ массъ продолжать свое существованіе, осужденное на гибель; и пока земельная рента продолжала расти, они еще не чувствовали ножа на своемъ горлѣ.

Политически въ дни грюндерской плутни и „культурной борьбы“ они распадались на три фракціи. Свободные консерваторы рекрутировались изъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которые были въ то же время и крупными капиталистами, вели свое сельское хозяйство на промышленный манеръ. Они принимали энергичное участіе въ грюндерскихъ предпріятіяхъ и дѣятельно соревновали съ буржуазіей; какъ Кардорфъ былъ парламентскимъ герольдомъ Блейхредера, такъ герцоги Уйэстъ и Ратиборъ запрягли себя въ тріумфальную колесницу авантюриста Штроусберга. Сдѣлавшись классовыми товарищами буржуазіи, дворяне этого направленія не стѣснялись, елико возможно, использовать „кредитную нужду“ своихъ товарищей по сословію. Испросивъ себѣ умѣренный комиссіонный процентъ, они образовали распорядительный совѣтъ того пресловутаго центральнаго землевладѣльческаго кредитнаго общества, которое было вызвано къ жизни шестью крупными грюндерскими фирмами: Ротшильда, Оппенгейма, Фульда, Фреми, Блейхредера и Ганземана-Микеля. Правительство снабдило это кредитное общество чрезвычайными привилегіями, зачастую совершенно противозакон-

ными, чтобы якобы спасти землевладѣніе, а въ дѣйствительности, чтобы отдать землевладѣніе во власть капитала. Ново-консервативная фракція состояла изъ дворянъ, которые или совсѣмъ не имѣли помѣстій, или имѣли такъ мало земли, что всецѣло зависѣли отъ правительства, изъ того „сонма ландратовъ“, который постоянно держалъ носъ по вѣтру. Наконецъ, третья фракція, старо-консерваторы, была, собственно, боевымъ отрядомъ самаго отсталаго помѣстнаго дворянства, которое все еще не могло понять того, что дѣлается на свѣтѣ. Они думали, что молитвами и проклятіями имъ удастся вернуть патріархальныя времена, „они считали,—какъ выражался подтрунивавшій надъ ними Рудольфъ Майеръ,—шумъ колесъ и свистки паровыхъ машинъ за дрожаніе прялки и за звуки пастушьяго рожка“, а рабочихъ они хотѣли исправить „наказаніями“ и, такимъ образомъ, покончить съ соціалъ-демократическимъ движеніемъ.

Гораздо меньшую прямоту, чѣмъ аграрный соціализмъ Родбертуса и Рудольфа Майера обнаруживалъ катедеръ-соціализмъ, выросшій въ академической оранжереѣ. По своему происхожденію, онъ являлся революціей ученыхъ противъ манчестерской мудрости, которая уже начала терять равновѣсіе; она трубила про каждый прибыльный интересъ капитала, какъ про святое пріобрѣтеніе всего человѣчества, и самое пустое раскрашиваніе, едва вызывавшее въ Англіи и во Франціи сострадательное пожиманіе плечъ, выдавалось ею на нѣмецкомъ рынкѣ за „политико-экономическое знаніе“. Лассаль сказалъ въ бичующемъ преувеличеніи, что нѣмецкіе манчестерцы охотнѣе всего устранили бы государство, а судебную власть продали-бы съ публичнаго торга; а острякъ Браунъ вполнѣ серьезно, хотя не безъ горечи заявилъ, что государство, когда оно завѣдуетъ судебными учрежденіями, играетъ роль гражданскаго прокуриста, лучше сказать капиталистическаго, общества, не имѣя па то пору-

ченія послѣдняго. Произнесеніе и составленіе приговоровъ есть дѣло юридическихъ техниковъ, которымъ общество высказываетъ свое довѣріе; государству эти приговоры остается только исполнять. Бамбергеръ наградилъ биржу названіемъ гигантской мастерской. Онъ думалъ, что формы общественной жизни, отличныя отъ настоящихъ, такъ же недоступны человѣческому уму, какъ представленіе о внѣміровомъ существованіи; даже изслѣдованіе настоящаго общества посредствомъ статистики манчестерцы вообще считали лишней головоломкой, такъ какъ народное хозяйство, по ихъ мнѣнію, управляется вѣчными незыблемыми законами.

Противъ этого обскурантизма выступали нѣкоторые молодые ученые, которые почерпнули свои знанія изъ исторіи и статистики. Статистика вселила въ нихъ еретическое сомнѣніе въ „вѣчности фактовъ" манчестерства, а изъ исторіи они узнали о формахъ человѣческаго существованія, отличающихся отъ формъ капиталистическаго производства. Чтобы выдать ихъ за такое святотатство въ руки правительства и вызвать противъ нихъ подозрительность мелкаго мѣщанства, обозленные манчестерцы окрестили ихъ „катедеръ-соціалистами", и одна изъ этихъ сильно возбужденныхъ личностей выжала изъ своей прозаической дѣловой души стишокъ: „До Либкнехта и Бебеля имъ не хватаетъ только мужества". Въ дѣйствительности же катедеръ-соціалисты не имѣли ничего общаго ни съ научнымъ коммунизмомъ, ни съ классовой борьбой пролетаріата. Это вообще не было замкнутой отдѣльной школой. Ихъ правое крыло, представляемое Гельдомъ, питало „принципіальное отвращеніе къ принципамъ" и очень мало отличалось отъ болѣе благоразумныхъ манчестерцевъ; ихъ лѣвое крыло, представляемое Адольфомъ Вагнеромъ, повременамъ копировало весьма неуклюже лассалевскій полемическій пріемъ или кокетливо заигрывало съ Родбертусомъ, чтобы затѣмъ

принять на себя снова роль добровольныхъ пособниковъ всякой реакцiи въ церкви и государствѣ.

Не случайно центръ тяжести катедеръ-соцiализма попалъ въ сердину между этими двумя направленiями. Въ этомъ среднемъ направленiи буржуазная идеологiя реагировала противъ разслоенiя общества на два враждебныхъ класса—буржуазiю и пролетарiатъ. Книга Шмоллера о нѣмецкомъ мелкомъ производствѣ и книга Брентано объ англiйскихъ профессiональныхъ союзахъ—два историческихъ труда, имѣющихъ большую цѣнность, какъ опредѣляющiе сущность катедеръ-соцiализма, насколько послѣднiй представляетъ собою исторически значительное явленiе. Катедеръ-соцiализмъ высказывался за фабричное законодательство, профессiональные союзы, но не въ смыслѣ научнаго коммунизма, не разсматривая ихъ, какъ этапные пункты пролетарской эмансипацiонной бобрьбы, а, наоборотъ, въ духѣ буржуазной экономiи, которая стремится къ сохраненiю буржуазнаго общества при тѣхъ условiяхъ, при которыхъ оно можетъ быть сохранено. Эти катедеръ-соцiалисты меньше всего были противниками буржуазныхъ классовъ, они скорѣе были ихъ друзьями, но друзьями болѣе толковыми. Они ошибались въ томъ, что вѣрили въ возможность спасенiя буржуазнаго общества; но если бы такое спасенiе вообще было возможно, то къ нему могли привести только такiе пути, какiе рекомендовали Брентано и Шмоллеръ. И если бы заблаговременно были приняты во вниманiе ихъ совѣты, революцiонное движенiе рабочихъ въ Германiи не было бы, разумѣется, подавлено, но могло бы быть значительно замедлено.

Но все, что сдѣлано было катедеръ-соцiалистами, было ими сдѣлано, какъ отдѣльными лицами. Ихъ попытка сорганизоваться и основать высшую инстанцiю для борющихся классовъ съ самаго начала потерпѣла полную неудачу. У нихъ не было общей руководящей идеи, и они могли покрыть только нѣсколько различ-

ныхъ головъ однимъ общимъ покрываломъ „этическаго паѳоса“. Это создало почву для всевозможной путаницы. Вліяніе катедеръ-соціализма на классовую борьбу послѣднихъ десятилѣтій сводилось совершенно къ нулю.

Со своей стороны, буржуазія въ 1873 году на дѣлѣ показала, что именно она понимаетъ подъ „этическимъ паѳосомъ“. Вагенеръ, который съ 1866 года опять поступилъ на государственную службу, не устоялъ противъ соблазна полакомиться грюндерскими плутнями. Онъ не былъ болѣе грѣшенъ, чѣмъ другіе, онъ участвовалъ въ проведеніи центральной линіи въ Помераніи, предпріятіи самомъ по себѣ полезномъ, при основаніи котораго совершены были гораздо меньшія закононарушенія, чѣмъ при сотнѣ другихъ грюндерскихъ предпріятій; въ сравненіи, напримѣръ, съ желѣзными дорогами Ганноверъ-Альтенбекенъ и Лёне-Биненбургъ, которыя строилъ Бенигсенъ, центральная желѣзная дорога въ Помераніи выглядѣла чистой и невинной, какъ дитя. Пара тысячъ талеровъ, полученныя Вагенеромъ отъ этого предпріятія, была въ ту пору милліардовъ сущей бездѣлицей, и биржевики только посмѣивались: Вагенеръ былъ подѣломъ наказанъ, охота ему изъ-за такихъ пустяковъ испортить все дѣло. Вагенеръ же, котораго либералы считали злымъ геніемъ Бисмарка, долженъ былъ по старшинству быть назначеннымъ въ первый совѣтъ государственнаго министерства, и, въ качествѣ таковаго, онъ имѣлъ бы право личнаго доклада государю. Необходимо было предупредить, что бы этотъ вліятельный постъ, до сихъ поръ занятый довѣреннымъ лицомъ учетнаго общества, ни въ коемъ случаѣ не перешелъ къ лишившемуся мѣста противнику, да при томъ еще большому знатоку капитализма; и Ласкеръ, во фракціи котораго, по меньшей мѣрѣ, было три дюжины гораздо болѣе нагрѣшившихъ грюндеровъ, выступилъ съ „этическимъ паѳосомъ“ противъ Вагенера и изобличилъ въ немъ воплощеніе всякихъ грюндерскихъ подкуповъ.

Это была несказанно смѣлая комедія, но она удалась. Висмаркъ пожертвовалъ своего стараго друга „патріотическимъ денежнымъ силамъ“, и на мѣсто, отъ котораго рѣшили подальше держать Вагенера, назначено было опять довѣренное лицо учетнаго общества. Была назначена также королевская слѣдственная комиссія, которая должна была очистить страну отъ грюндерскихъ плутней, не болѣе и не менѣе. Аграрный соціализмъ не встрѣтилъ никакого сочувствія въ дворянствѣ, и такими же малыми симпатіями пользовался катедеръ-соціализмъ въ средѣ буржуазіи. Буржуазные мудрецы находили, что хорошій совѣтъ дешево стоитъ. Они продолжали свои спекуляціи, которыя выросли до того, что оказались не по плечу даже ихъ огромнымъ золотымъ мѣшкамъ, которые большой крахъ уже началъ опустошать.

Глава третья.

Лассальянцы и Эйзенахцы.

1. Пролетаріатъ подъ дождемъ милліардовъ.

Рабочее движеніе скоро оправилось отъ нанесенныхъ ему войной ударовъ. Если кризисъ послѣ 1866 года научилъ рабочихъ задумываться надъ своимъ положеніемъ, то промышленный подъемъ послѣ 1870 года научилъ ихъ дѣйствовать. Благодаря притоку милліардовъ, деньги стали дешевле, а предметы первой необходимости вздорожали. Желая удержать свой реальный заработокъ на томъ же уровнѣ, что прежде, рабочіе должны были добиться повышенія заработной платы; стачечное движеніе охватило нѣмецкій пролетаріатъ.

Этотъ совершенно неизбѣжный актъ самозащиты буржуазная печать назвала актомъ своевольнаго напа-

денія. Она очутилась при этомъ въ забавномъ противорѣчіи. Такъ какъ по манчестерской теоріи всякая стачка должна была разбиться о вѣчные естественные законы народнаго хозяйства, то послѣ каждой выигранной стачки путемъ недобросовѣстной подтасовки фактовъ доказывалось, что рабочіе проиграли стачку; но такъ какъ кромѣ того приходилось доказывать, что рабочіе и не имѣли никакого повода къ стачкѣ, то ихъ изображали кутилами, которые пили шампанское изъ пивныхъ стакановъ. Нравственное возмущеніе буржуазныхъ органовъ имѣло весьма недурной видъ, когда рядомъ съ этимъ, съ чувствомъ искренняго удовольствія, разсказывалось, какъ на вечерахъ у грюндеровъ наливалось шампанское въ бассейны съ золотыми рыбками, чтобы забавлять гостей предсмертными судорогами рыбокъ. Въ извѣстномъ смыслѣ дѣло обстояло совсѣмъ не такъ, какъ утверждали манчестерскія газеты. Одна изъ нихъ проговорилась разъ по неосторожности спеціально по поводу берлинскихъ стачекъ, что онѣ, хотя часто кончаются побѣдой рабочихъ, которые такимъ путемъ въ той или другой формѣ добиваются повышенія заработной платы, но онѣ не улучшаютъ положенія рабочихъ, такъ какъ то, что рабочіе сегодня отвоевали отъ прибыли капиталиста, они завтра должны будутъ отдать земельной рентѣ домовладѣльца; въ общемъ же повышеніе заработной платы берлинскихъ рабочихъ не покрываетъ увеличенія квартирной платы. Здѣсь имѣется въ виду нужда въ квартирахъ, которая ощущалась послѣ войны въ цѣломъ рядѣ старыхъ городовъ, особенно въ Берлинѣ, и причинила соціальнымъ лѣкарямъ много заботъ, хотя это явленіе всегда бываетъ связано съ большими промышленными переворотами. Когда въ старыхъ городахъ развивается крупная промышленность, она привлекаетъ цѣлую армію рабочихъ и упраздняетъ узкіе переулки, чтобы создать широкія улицы соотвѣтственно требованіямъ современнаго сооб-

щенія; съ возрастаніемъ спроса на рабочія квартиры падаетъ ихъ предложеніе. Въ Берлинѣ, Бреславлѣ, Кёльнѣ нужда въ квартирахъ, начиная съ 40-хъ годовъ, сдѣлалась хронической; съ 1870 года она еще болѣе обострилась, благодаря сильному развитію крупной промышленности. Но это не было единственнымъ признакомъ рабочей нужды. Вздорожаніе предметовъ первой необходимости чувствовалось повсюду; только въ одномъ мѣстѣ оно выражалось въ чрезмѣрномъ ростѣ квартирной платы, а въ другомъ — въ крайнемъ подъемѣ цѣнъ на хлѣбъ и мясо; въ Берлинѣ рабочіе толпами блуждали безъ крова, не зная куда преклонить голову, а въ Нюрнбергѣ ходили сотни голодныхъ рабочихъ, отыскивая, гдѣ легче было разбить окна въ пекарняхъ и мясныхъ лавкахъ. Высчитано, что тогда квартирная плата возросла на 114 процентовъ, весь домашній обиходъ—на 64, одежда—на 18 процентовъ. Изъ берлинскихъ рабочихъ только каменщики и плотники добились повышенія платы на 90 процентовъ; столярамъ и малярамъ удалось повысить свой заработокъ на 70 процентовъ; всѣ же остальные рабочіе добились увеличенія платы далеко не въ такой мѣрѣ, въ какой вздорожали продукты.

Одной части рабочихъ дѣйствительно удалось нѣсколько улучшить свой образъ жизни, а другая часть рабочихъ имѣла возможность покрывать ростъ цѣнъ на жизненные продукты повышеніемъ своей заработной платы, но была и третья часть рабочихъ, которымъ никакъ не удавалось добиться улучшенія условій труда. Если вторая часть была многочисленнѣе первой, то третья превосходила численностью обѣ первыя, вмѣстѣ взятыя. Какъ разъ въ наиболѣе важныхъ отрасляхъ крупной промышленности дѣло не доходило до массовыхъ стачекъ, благодаря чрезмѣрному истощенію рабочихъ, какъ, напримѣръ, въ текстильной промышленности, или же массовыя стачки кончались неудачей, какъ, напримѣръ, у горныхъ рабочихъ и

въ металлическомъ производствѣ. 16.000 горныхъ рабочихъ въ Рурской долинѣ должны были лѣтомъ 1872 года сложить оружіе, послѣ того, какъ они въ продолженіе нѣскольких недѣль храбро боролись за восьмичасовую смѣну и 25-процентное повышеніе платы. Та же участь постигла въ ноябрѣ 1871 года 8000 рабочихъ машиностроительнаго завода въ Хемницѣ, и въ то же самое время столь же безрезультатно прошла борьба за повышеніе платы у 3000 рабочихъ машиннаго и вагоннаго завода Крамен-Клетъ въ Нюрнбергѣ; впрочемъ, эти рабочіе, предвидя свое пораженіе, не пріостановили работы. Также неудачно прошли 2 стачки въ берлинскихъ машино-строительныхъ заводахъ. Въ общемъ, притокъ милліардовъ принесъ нѣмецкимъ рабочимъ рѣшительное ухудшеніе ихъ классоваго положенія. Меньшинство получило нѣкоторое временное облегченіе, зато у громаднаго большинства жизненный уровень еще понизился, благодаря вздорожанію жизненныхъ продуктовъ, въ то время какъ ихъ заработная плата весьма мало или совсѣмъ не повысилась.

Рабочимъ это послужило важнымъ урокомъ, они получили ясное представленіе о характерѣ капиталистическаго общества, которое, даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, не можетъ обезпечить пролетаріату сноснаго существованія; а изъ отношенія господствующихъ классовъ къ рабочимъ стачкамъ они ясно увидѣли, чего имъ можно ожидать отъ этихъ своихъ „лучшихъ друзей“. Когда предприниматели грозили увольненіями, издавали разныя репрессивныя правила, составляли между собой союзы для борьбы съ рабочими и вводили черные листы, то на буржуазной почвѣ это могло еще считаться болѣе или менѣе законными пріемами войны; не новымъ явленіемъ было и то, что государственная власть, гдѣ только она могла, вмѣшивалась въ борьбу за заработную плату, поддерживая предпринимателей. Такъ, при

большой стачкѣ каменщиковъ въ Берлинѣ, „соціальное правительство" нашло возможнымъ удлинить срокъ контракта хозяевъ-подрядчиковъ по государственнымъ сооруженіямъ и предоставило въ распоряженіе мастеровъ тѣхъ подмастерьевъ, которые должны были отбывать воинскую повинность. Все это было не ново и никого не могло поражать. Но удивляться можно было тому, что буржуазныя партіи, безъ различія политическаго направленія, одинаково обрушивались съ безпримѣрнымъ негодованіемъ на рабочихъ-стачечниковъ. Ни одна изъ буржуазныхъ партій не дала себѣ труда объективно разсмотрѣть причины, вызвавшія борьбу рабочихъ за повышеніе платы. Вся ихъ соціальная мудрость сводилась къ обличенію стачекъ, какъ „соціалъ-демократическихъ махинацій".

Все это должно было въ рабочихъ массахъ вызвать сознаніе, что они изъ всѣхъ политическихъ партій только въ соціалъ-демократахъ имѣютъ надежныхъ друзей, несмотря на то, что соціалъ-демократы отнюдь не разжигали стачечныхъ страстей рабочихъ. Соціалъ-демократическія фракціи всегда поддерживали борьбу рабочихъ за повышеніе заработной платы, доказывая всю ея справедливость, и всѣми силами старались привести стачку къ успѣшному результату, разъ она уже возникла, но ничто не было имъ столь чуждо, какъ возбужденіе стачекъ, и они не уставали твердить рабочимъ, что они должны позаботиться о хорошей организаціи прежде, чѣмъ прибѣгать къ такому обоюдо-острому оружію, какъ прекращеніе работы. Даже такая неспокойная натура, какъ переплетчикъ Іоаннъ Мостъ изъ Аугсбурга, — который раньше принималъ участіе въ восточно-австрійскомъ рабочемъ движеніи, а въ 1871 году примкнулъ къ партіи эйзенахцевъ, при чемъ онъ съ самаго начала возбудилъ къ себѣ нѣкоторыми экстравагантностями неудовольствіе въ партіи,—даже и онъ старался до послѣдняго момента не давать вспыхнуть машиностроительной

стачкѣ въ Хемницѣ. Его старанія, однако, ни къ чему не привели. Зато слесарю Карлу Гриллербергу, руководившему борьбой рабочихъ Крамеръ-Клетшской фабрики, удалось обезпечить за рабочими отступленіе, ставшее неизбѣжнымъ, безъ тѣхъ громадныхъ потерь, которыя связаны съ проигранной стачкой. Въ благодарность за это, буржуазная пресса и прогрессивный магистратъ, который въ то же время былъ и полицейскимъ присутствіемъ, заявили, что Гриллербергу и еще нѣсколько демократовъ, собственно, всѣ тогдашніе соціалъ-демократы Нюрнберга, устроили извѣстный хлѣбный бунтъ. Это раскрыло глаза нюрнбергскимъ рабочимъ, которые еще послѣ войны принадлежали къ вѣрнѣйшимъ послѣдователямъ прогрессистской партіи, но теперь всѣ перешли къ соціалъ-демократіи.

Правительство и буржуазныя партіи выступили съ явной враждой противъ всего профессіональнаго движенія, развившагося на почвѣ стачекъ. Вражда эта сильнѣе всего была въ королевствѣ Саксоніи, гдѣ политическая обстановка совершенно измѣнилась со времени эйзенахскаго конгресса и со времени Седана, когда саксонскій партикуляризмъ увидѣлъ, что онъ не можетъ играть рабочими и не въ силахъ ничего предпринять противъ прусской гегемоніи. Стоило только саксонскимъ рабочимъ открыто стать на точку зрѣнія пролетарской классовой борьбы, какъ буржуазный радикализмъ въ Саксоніи растаялъ, какъ снѣгъ на солнцѣ. Уже при выборахъ 1871 года саксонскіе радикалы перебѣжали въ лагерь націоналъ-либерализма, и лейпцигскій директоръ полиціи Рюдеръ, старый товарищъ Роберта Блюма, теперь принадлежалъ къ самымъ жестокимъ палачамъ саксонскаго рабочаго. Всѣ полицейскія средства, которыя когда-то выдумалъ пронырливый умъ Бейста, чтобы задавить буржуазную оппозицію, теперь употреблялись этой же самой буржуазной оппозиціей въ трогатель-

номъ согласіи со всѣми регрессивными элементами для подавленія рабочаго движенія, при чемъ профессіональное движеніе еще больше преслѣдовалось, чѣмъ политическое. Въ этой странѣ, гдѣ концентрирована гибельная для здоровья текстильная промышленность съ ея гигантскими заведеніями, съ ея женскимъ и дѣтскимъ трудомъ, съ ея кустарной промышленностью, отъ которой такъ чахнутъ рабочіе, съ ея зависимостью отъ иностранныхъ рынковъ, кризисовъ и застоевъ, гдѣ слабое, скудно оплачиваемое рабочее населеніе, скученное по 8000 душъ на квадратной милѣ, ведетъ полуголодное существованіе, въ этой странѣ господствующіе классы, начиная съ реакціоннаго правительства и вплоть до буржуазныхъ героевъ свободы, работали не покладая рукъ надъ тѣмъ, чтобы закрыть рабочимъ всякій выходъ изъ этого полуголоднаго существованія. Въ началѣ 1872 года Моттелеръ описывалъ коварные пріемы, къ которымъ прибѣгали власти для подавленія профессіональнаго движенія въ Саксоніи: „То называли насъ союзомъ разныхъ обществъ, каковой союзъ запрещенъ закономъ, то на насъ наклеивали ярлыкъ политическихъ союзовъ, чтобы имѣть возможность подвести подъ извѣстныя статьи закона, то находили, что мы поддерживаемъ сношенія съ лондонскимъ Интернаціоналомъ, то, наконецъ, оказывалось, что мы угрожаемъ общественному порядку тѣмъ, что занимаемся общественными дѣлами“. Если саксонское правительство особенно отличилось въ этой политической партизанской борьбѣ, то прусское правительство однимъ ударомъ хотѣло покончить съ ненавистнымъ ему движеніемъ; въ 1873 году оно внесло въ законодательныя корпораціи имперіи законопроектъ о примѣненіи уголовныхъ наказаній за нарушеніе условій договора рабочими; этимъ хотѣли свести къ нулю только что отвоеванную свободу союзовъ.

Всѣ жалостливые упреки, посылаемые по адресу нѣмецкихъ рабочихъ, что они, въ отличіе отъ своихъ

англійскихъ товарищей, предаются лишь революціоннымъ утопіямъ, вмѣсто того, чтобы на почвѣ буржуазнаго общества добиваться улучшенія своего классоваго положенія, всѣ эти упреки разбиваются тѣмъ простымъ фактомъ, что раффинированная система полицейскаго гнета гонитъ нѣмецкихъ рабочихъ въ область политики каждый разъ, когда они хотятъ обосноваться въ области профессіональной борьбы. Вообще говоря, мало такихъ объектовъ на свѣтѣ, которые такъ трудно было бы ставить подъ одну скобку, какъ профессіональныя организаціи современнаго рабочаго класса въ разныхъ странахъ. Возможность такой организаціи и интересъ къ ней со стороны рабочихъ мѣняются въ зависимости отъ окружающихъ условій. Интересъ рабочихъ къ профессіональнымъ организаціямъ сильнѣе тамъ, гдѣ господствуетъ въ разныхъ отрасляхъ производства ремесленный трудъ или мануфактура; онъ значительно ослабѣваетъ при капиталистическо-эксплоататорскомъ кустарномъ способѣ производства, а также при машинномъ производствѣ крупной промышленности, въ которомъ большую роль играетъ работа женщинъ и дѣтей; онъ снова возрастаетъ въ томъ машинномъ производствѣ, въ которомъ конкурренція между рабочими нѣсколько ограничена, благодаря особымъ требованіямъ физической силы или технической подготовки, а также и тамъ, гдѣ фабричное законодательство нѣсколько защищаетъ рабочихъ отъ неограниченной эксплоатаціи. Всѣ эти и другіе моменты слагаются въ пеструю картину возможностей и невозможностей и, какъ извѣстно, англійскіе профессіональные союзы — въ продолженіе цѣлыхъ десятилѣтій дорого платили за уроки жизни, прежде чѣмъ они выросли въ общественную силу.

Если англійскіе профессіональные союзы достигли внушительной силы, то они обязаны этимъ исключительно тому, что у нихъ были необходимыя условія для профессіональной организаціи. Англійскіе запреты

коалиціи грозили союзамъ, пожалуй, еще болѣе суровыми карами, чѣмъ нѣмецкіе; но англійскіе рабочіе имѣли то, чего у ихъ нѣмецкихъ товарищей никогда не было: свободу печати и союзовъ. Съ свободой коалиціи дѣло обстоитъ такъ же, какъ съ всеобщимъ избирательнымъ правомъ: безъ свободы печати и союзовъ она подобна ножу, лишенному клинка; ея могучее вліяніе можетъ только тогда вполнѣ развиться, когда она опирается на работоспособные союзы, а такіе союзы не могутъ создаться при отсутствіи свободы союзовъ. Если зачатки профессіональныхъ союзовъ подавляются придирчивымъ примѣненіемъ реакціонныхъ законовъ о печати и союзахъ, то рабочимъ ничего другого не остается, какъ политическая борьба противъ реакціи, отнимающей у нихъ всѣ необходимыя условія для классовой организаціи.

Вотъ почему нѣмецкіе рабочіе съ самаго начала должны были вступить въ сферу политической борьбы; и, конечно, безспорно то, что это дѣйствительно иногда затемняло ихъ взглядъ на значеніе профессіональной организаціи, подобно тому, какъ, съ другой стороны, профессіональная организація „тредъ-юніоновъ“ совершенно затемняла взглядъ англійскихъ рабочихъ на значеніе политической организаціи, и при томъ на гораздо болѣе продолжительное время. Уже въ началѣ 70-хъ годовъ интересы нѣмецкихъ рабочихъ были направлены столько же, если не больше, на профессіональную, сколько на политическую организацію. Естественно, что и здѣсь давали себя чувствовать разныя степени возможности и невозможности, которыя лежатъ въ природѣ профессіональной организаціи. Если изъ двухъ самыхъ старшихъ профессіональныхъ организацій Германіи Союзу наборщиковъ удалось добиться бо́льшихъ уступокъ въ ихъ борьбѣ за повышеніе заработной платы, чѣмъ Союзу рабочихъ въ табачномъ производствѣ, то этимъ еще не сказано, что рабочіе табачнаго производства вели свое

дѣло хуже, чѣмъ наборщики. Нельзя искать причины малыхъ успѣховъ рабочихъ табачнаго производства въ томъ, что они принимали болѣе дѣятельное участіе въ политической междуфракціонной борьбѣ, такъ какъ Фриче, вожакъ ихъ профессіональной организаціи, прекрасно умѣлъ лавировать. Дѣйствительная причина ихъ меньшихъ успѣховъ заключалась въ томъ, что кустарный и женскій трудъ, сильно распространенный въ табачномъ производствѣ, постоянно служили имъ помѣхой во всѣхъ ихъ начинаніяхъ. Наборщики и рабочіе табачнаго производства имѣли свои собственные органы; такіе организаціонные успѣхи имѣлись также за шляпочниками, рабочими по золоту и серебру и рабочими по фаянсу. Способные къ развитію зачатки профессіональныхъ организацій имѣлись и у строительныхъ рабочихъ,—у каменщиковъ, плотниковъ, столяровъ и полировщиковъ. Слабѣе ихъ въ этомъ направленіи подвигались впередъ рабочіе металлическихъ производствъ отчасти потому, что они организовались не по отдѣльнымъ отраслямъ, чѣмъ смѣшивались различные и даже противоположные интересы. Ткачи собирались въ 1871 году въ Глаухау и въ 1872 году въ Берлинѣ; и у нихъ было сильное стремленіе къ образованію профессіональной организаціи, но имъ приходилось бороться съ значительными трудностями.

Въ политическихъ организаціяхъ рабочаго класса все еще существовало направленіе, враждебное профессіональнымъ организаціямъ. У лассальянцевъ оно давало себя чувствовать сильнѣе, чѣмъ у эйзенахцевъ; однако, это не мѣшало лассальянцамъ выдвинуть способныхъ дѣятелей въ профессіональномъ движеніи, каковы, каменщикъ Гротткау и и плотникъ Капелль, изъ которыхъ, послѣ отъѣзда Любкерта, первый руководилъ союзомъ каменщиковъ, а второй—союзомъ плотниковъ. Изъ эйзенахцевъ сѣдельникъ Игнацъ Ауэръ, по рожденію баварецъ, за-

нялся организацией въ Берлинѣ своихъ товарищей по ремеслу; въ Саксоніи Моттелеръ и, еще больше его, тогдашній секретарь партіи Іоркъ дѣятельно работали надъ укрѣпленіемъ и развитіемъ профессіональныхъ союзовъ. Послѣдній созвалъ въ Эрфуртѣ въ іюнѣ 1872 года конгрессъ профессіональныхъ организацій, на который явились представители отъ 9920 организованныхъ рабочихъ. Изъ нихъ 6152 принадлежали къ интернаціональнымъ профессіональнымъ товариществамъ и 3768—къ мѣстнымъ союзамъ. Но цифры эти были незначительны, и потому конгрессъ не имѣлъ особенно важныхъ послѣдствій. Чѣмъ труднѣе было побороть препятствія, заключавшіяся въ самомъ положеніи вещей, тѣмъ рѣшительнѣе были вырваны грубой рукой полиціи нѣжные ростки, гдѣ только они успѣли взойти.

Напрасно господствующіе классы старались замаскировать свое враждебное настроеніе заявленіемъ, что они не противъ профессіональныхъ организацій вообще, но противъ злоупотребленія профессіональными организаціями для цѣлей соціалъ-демократической агитаціи. Своей двуличностью они могли ввести въ заблужденіе мѣщанъ, но не рабочихъ. Соціалъ-демократическіе дѣятели въ профессіональномъ движеніи, конечно, не хотѣли съ ихъ помощью притупить освободительную борьбу пролетаріата, но они также не хотѣли фривольно спекулировать ими. Такой ревностный партійный человѣкъ, какъ Іоркъ, всегда доказывалъ, что профессіональное и политическое движеніе должны быть обособлены другъ отъ друга; оба они вполнѣ обоснованы, каждое изъ нихъ имѣетъ спеціальное обоснованіе; профессіональное движеніе можетъ развиваться лишь тогда, когда оно самостоятельно и не плетется только въ хвостѣ политическаго движенія. То, что имѣли въ виду Іоркъ и его товарищи при основаніи профессіональныхъ союзовъ, это—создать самостоятельную и независимую организацію рабочихъ

на экономической почвѣ. Они лучше поняли сущность трэдъ-юніоновъ, чѣмъ буржуазныя газеты, и даже лучше, чѣмъ катедеръ-соціалистскіе профессора, которые вначалѣ увлеклись прогрессистскими профессіональными союзами, чтобы чрезъ нѣсколько лѣтъ въ лицѣ Брентано признаться, что это вообще не профессіональныя организаціи, а лишь больничныя инвалидныя и похоронныя кассы, члены которыхъ питаютъ платоническую любовь къ извѣстнымъ профессіональнымъ идеаламъ. Правительство и буржуазія терпѣли прогрессистскіе профессіональные союзы съ плохо скрываемымъ неудовольствіемъ; даже кажущаяся организація экономическихъ интересовъ рабочихъ была для нихъ несносной, а, разбивая политическимъ оружіемъ дѣйствительные зачатки профессіональной организаціи, они тѣмъ самымъ открывали глаза рабочимъ на то, что прежде всего должно разбить политическую силу имущихъ классовъ, и дали громадный толчокъ революціонному рабочему движенію.

Не менѣе сильный толчокъ получило это движеніе и на чисто-политической почвѣ. Старый прусскій образъ правленія, который продолжалъ существовать въ неизмѣнномъ видѣ и въ новой Германской имперіи, не представлялъ подходящихъ условій для мечтательныхъ восторговъ и воодушевленія императоромъ и имперіей. Военныя тяготы и налоги не уменьшались и не пользовались никакой популярностью въ тѣхъ мѣстахъ Германіи, гдѣ народъ еще не привыкъ къ этимъ милымъ ежевымъ рукавицамъ. Вмѣстѣ съ солдатчиной и платежами налоговъ сохранилось и запрещеніе свободы слова въ старо-прусскомъ духѣ. Въ новомъ сѣверо-германскомъ уголовномъ кодексѣ были помѣщены весьма растяжимыя статьи старыхъ прусскихъ законовъ, съ еще болѣе суровыми карами. Въ 1873 г. былъ внесенъ въ рейхстагъ новый законопроектъ о печати, 20-ый параграфъ котораго угрожалъ тюрьмой

или крѣпостью до двухъ лѣтъ тому, „кто въ печати нападаетъ на семью, собственность, всеобщую воинскую повинность или другія основы государственнаго порядка, пріемами, подрывающими нравственность, чувство законности или любви къ отечеству, или же кто выставляетъ поступки, осуждаемые закономъ, какъ достойные подражанія, похвальные или обязательные, или же кто нападаетъ на существующія отношенія въ гражданскомъ обществѣ, если его нападки угрожаютъ порядку и общественному спокойствію". Какъ законъ о нарушеніи условій договора, на экономической почвѣ, такъ и этотъ параграфъ, на почвѣ политической, былъ первымъ исключительнымъ закономъ Бисмарка противъ соціалъ-демократіи; но по своимъ каучуковымъ свойствамъ, оставившимъ далеко позади растяжимость параграфовъ Мантейфеля, этотъ законъ могъ уничтожить и всякую буржуазную оппозицію, и поэтому съ нимъ не могли мириться и буржуазныя партіи. Такъ какъ приближалось время выборовъ, то Ласкеръ осмѣлился пробормотать что-то „о правахъ народа", но это доставило ему только много непріятностей. Онъ получилъ за это нагоняй отъ Бисмарка: „Къ народу мы принадлежимъ всѣ, къ народу и я принадлежу такъ же, какъ и вы; я тоже имѣю право народа, и я никому не позволю монополизировать имя народа и исключить меня изъ него". На такой презрительный вызовъ либеральная оппозиція не нашлась дать подходящій отвѣтъ. Прогрессисты едва отличались отъ націоналъ-либераловъ. Составленное Вирховымъ избирательное воззваніе, которое было выпущено въ 1873 году, было встрѣчено оффиціозной газетой вполнѣ заслуженной похвалой, что даже самый последовательный консерваторъ не можетъ не одобрить этого воззванія; и когда другая правительственная газета сдѣлала предположеніе, что лѣвое крыло прогрессистской партіи не будетъ согласно съ вирховскимъ лойяльнымъ упражненіемъ въ стилѣ, эти храбрецы

не постѣснялись разыграть изъ себя обиженныхъ патріотовъ; они увѣряли, что ни одно ихъ воззваніе не пользовалось такимъ успѣхомъ у всѣхъ партійныхъ членовъ, какъ именно это воззваніе Вирхова.

Такимъ образомъ, постоянно возростало политическое неудовольствіе тѣхъ партій, которыя сохранили твердость духа передъ Бисмаркомъ: у краснаго и чернаго интернаціонала, какъ называли на патріотическомъ нарѣчіи соціалъ-демократическую и ультрамонтанскую партіи. Католическая церковь, поставила на боевую ногу свою старую, еще крѣпкую организацію, когда Бисмаркъ и либеральные „культурные борцы" стали вторгаться въ ея внутреннюю жизнь. Со змѣиной хитростью, которую она постоянно проявляла въ мірскихъ дѣлахъ, она удачно использовала оружіе гражданскихъ свободъ. Въ католическихъ странахъ имперіи ей удавалось направить растущее политическое неудовольствіе въ желательное для нея русло, и она поощряла даже, до извѣстной степени, рабочее движеніе. На Рейнѣ и въ Шлезвигѣ соціалъ-демократическая агитація послѣ 1870 года приняла болѣе медленное теченіе, а въ Баваріи центръ соціалъ-демократической агитаціи перемѣстился изъ католическихъ городовъ Аугсбурга и Мюнхена въ протестантскій Нюрнбергъ-Фюртъ. Ультрамонтанизмъ пустилъ въ ходъ всякія средства, чтобы привлечь рабочихъ подъ свое духовное знамя, не стѣсняясь также пропагандой за соціалистическія требованія. Его широко распространенные союзы, которые онъ ловко сумѣлъ раскинуть сѣтью по всей странѣ, представляли для ремесленниковъ - подмастерьевъ много привлекательнаго; соціалистическая программа, которую выставилъ соборный каноникъ Муфангъ въ Майнцѣ, издали походила на программу Лассаля. Гоненія, которымъ подвергались католическіе священники, подкупали католическихъ рабочихъ больше, чѣмъ земныя и небесныя блага, которыя они имъ обѣщали.

Но въ протестантскихъ областяхъ, гдѣ прусскій тесакъ не былъ дотолѣ извѣстенъ, соціалъ-демократическая агитація приняла такіе размѣры, которые въ большей или меньшей степени перешли границы, отмежеванныя для нея историческими условіями. Такъ было въ протестантской Баваріи, въ Ганноверѣ, въ Шлезвигъ-Гольштиніи. Послѣдняя, избалованное дитя нѣмецкой націи, очень изумилась, когда ей, наконецъ, дозволили приникнуть къ материнской груди и впитывать въ себя благочестивую покорность наряду съ нѣкоторыми промышленными мѣстностями, какъ Альтона, Оттензенъ, Пиннебергъ, Киль, Новый Мюнстеръ, гдѣ Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ имѣлъ уже изстари много членовъ. Шлезвигъ-Гольштинія, съ ея земледѣльческимъ населеніемъ, съ ея зажиточнымъ классомъ крестьянъ, съ ея укоренившимся партикуляризмомъ, а также, что имѣетъ не малое значеніе, съ ея верхне-нѣмецкимъ діалектомъ, казалась недоступной для соціалъ-демократической агитаціи; и все-таки лассальянцы послѣ 1870 года сдѣлали здѣсь сравнительно еще большіе успѣхи, чѣмъ эйзенахцы въ саксонскомъ королевствѣ. Правда, господствовавшія здѣсь соціальныя отношенія способствовали этому. На латифундіяхъ Восточной Голштиніи возникли крупныя волненія среди сельскаго пролетаріата вслѣдствіе того, что помѣстное дворянство массами выбрасывало на улицу своихъ поденщиковъ, которые и безъ того жили въ самыхъ жалкихъ условіяхъ. Дѣлало оно это потому, что новое нѣмецкое законодательство давало неимущему уже послѣ двухлѣтняго пребыванія на одномъ мѣстѣ право на вспомоществованіе со стороны коммуны, тогда какъ гольштинское законодательство признавало это право только послѣ 15-лѣтняго пребыванія. Въ общемъ же, помимо этого частнаго случая, негодованіе противъ политическихъ гостинцевъ берлинскаго правительства сыграло роль попутнаго вѣтра, раздувшаго паруса соціалъ-демократической агитаціи

въ расположенныхъ на Эльбѣ герцогствахъ, а остальное сдѣлала шлезвигъ-гольштинская полицейская практика, подобная которой существовала развѣ только въ одной Саксоніи.

До извѣстной степени здѣсь жили еще прежнія, старыя отношенія. Многіе пролетаріи, которые по своему классовому положенію принадлежали къ партіи, стремящейся къ соціальной революціи, были до поры до времени привержены къ знамени — реакціоннаго по своей сущности—ультрамонтанизма, тогда какъ между приверженцами соціалъ-демократіи въ ново-прусскихъ областяхъ находилось много ненадежныхъ элементовъ. Сфера распространенія партіи въ Шлезвигъ-Гольштиніи подвергалась рѣзкимъ колебаніямъ. Тѣмъ не менѣе многочисленные неофиты становились вѣрными членами партіи и, что было особенно важно, соціалъ-демократія достигла того, чего либерализмъ вообще не могъ достигнуть, а ультрамонтанизмъ достигъ только временно,—на нихъ можно было постоянно полагаться и въ чисто политическихъ вопросахъ. Въ то время, какъ страждущіе и угнетенные классы населенія, даже и внѣ чисто рабочихъ круговъ, начинали смотрѣть на эту партію, какъ на надежную опору, для нея открылся новый источникъ могущества, который становился тѣмъ значительнѣе, чѣмъ больше усиливалась руководимая Бисмаркомъ политика эксплоатаціи и угнетенія.

2. Гаагскій конгрессъ.

Парижская Коммуна открыла глаза Бисмарку не только насчетъ нѣмецкой соціалъ-демократіи, но и просвѣтила его и ему подобныхъ относительно Интернаціонала. Европейская реакція вооружилась противъ Союза рабочихъ и стала преслѣдовать его во всѣхъ странахъ континента. Общему плану полицейскаго воздѣйствія, предложенному испанскимъ правительствомъ, воспротивилась Англія къ большому неудовольствію

Бисмарка, который въ своей оффиціозной прессѣ поносилъ ее, какъ свободное государство, подрывающее святое дѣло порядка. Но и англійское правительство выступило противъ секцій Интернаціонала въ Ирландіи и поручило своимъ иностраннымъ представителямъ собрать свѣдѣнія о развѣтвленіяхъ этого союза, въ то самое время, когда съ трудомъ удалось воспрепятствовать республиканскому правительству Швейцаріи выдать эмигрантовъ Коммуны по проискамъ французской буржуазіи.

Рука объ руку съ репрессіями, изобрѣтенными соединеннымъ разумомъ европейскихъ правительствъ, на союзъ сыпался градъ клеветническихъ выпадовъ, который ниспосылала вся сила лжи, таящаяся въ цивилизованномъ мірѣ. Апокрифическія исторіи и тайны Интернаціонала, кричащія телеграммы и безсовѣстныя поддѣлки оффиціальныхъ документовъ сочинялись наперерывъ одна за другой. Съ быстротой электрической искры облетѣло весь міръ извѣстіе, будто пожаръ въ Чикаго есть исполненіе адскаго замысла Интернаціонала, и приходилось еще удивляться, по мѣткому замѣчанію Генеральнаго Совѣта, что его демоническому вліянію не былъ приписанъ и ураганъ, который тогда опустошилъ Вестъ-Индію. Эта европейская травля достигла своего апогея, когда, въ сентябрѣ 1872 года, состоялся въ Берлинѣ съѣздъ трехъ государей, со времени котораго патріотическіе „трубачи“ считаютъ новую эру всеобщаго мира и всеобщаго счастья. По ихъ утвержденію, старый феодально-реакціонный союзъ восточныхъ государствъ былъ возстановленъ для спасенія современной цивилизаціи; и, забывая про то, что птицы, которыя утромъ слишкомъ рано начинаютъ пѣть, вечеромъ обыкновенно поѣдаются кошкой, они объяснили появленіе русскаго царя въ Берлинѣ, какъ окончательный отказъ въ поддержкѣ всѣхъ французскихъ стремленій къ реваншу.

Не совсѣмъ безъ основанія, повидимому, раздались ихъ торжественныя пѣсни. На той самой осенней недѣлѣ, когда германскій, австрійскій и русскій государи засѣдали въ замкѣ на Шпре, Интернаціоналъ закончилъ на пятомъ конгрессѣ свое историческое существованіе. Разгромомъ Коммуны союзъ былъ приведенъ въ очень тяжелое положеніе. Энгельсъ, который въ 1870 году прекратилъ свою купеческую дѣятельность и сотрудничалъ тогда вмѣстѣ съ Марксомъ въ Генеральномъ Совѣтѣ, выразился по этому поводу: „Интернаціоналъ былъ выдвинутъ на авансцену европейской исторіи въ такой моментъ, когда ему была отрѣзана всякая возможность къ успѣшной практической агитаціи. Событія, которыя его сдѣлали седьмой великой державой, не позволили ему вмѣстѣ съ тѣмъ привести въ движеніе свои боевыя силы и употребить ихъ въ дѣло, подъ страхомъ неминуемаго пораженія и задержки рабочаго движенія на десятилѣтія“. Дѣйствительно, именно такъ, а не иначе обстояло дѣло. „Респектабельные“ трэдъ-юніоны ушли изъ Интернаціонала изъ-за приверженности Генеральнаго Совѣта къ Коммунѣ, и французскому пролетаріату, послѣ изнурительной войны, продолжительной голодовки Парижа и страшнаго кровопусканія Коммуны необходимо было порядочно времени, чтобы собраться съ новыми силами. Очень сомнительнымъ вознагражденіемъ за опору, которую Интернаціоналъ потерялъ во французскихъ секціяхъ, было то обстоятельство, что бѣглецы Коммуны наводнили Генеральный Совѣтъ въ Лондонѣ и начали вести безконечные споры, которыми неизбѣжно сопровождается всякая побѣжденная революція. Нѣкоторое представленіе объ этой сумятицѣ можно получить изъ письма госпожи Марксъ къ Іоанну-Филиппу Беккеру, въ которомъ она пишетъ, что сходишь уже за пруссака, если не хочешь подтверждать всякій французскій вздоръ, полный лжи и обмана; а этого она положительно была не въ силахъ дѣлать.

Въ то время, какъ Интернаціоналъ въ Англіи и Франціи въ большей или меньшей степени терялъ почву подъ ногами, онъ въ цѣломъ рядѣ экономически или политически менѣе развитыхъ странъ, а именно: въ Бельгіи, Голландіи, Италіи, Испаніи и одной части Швейцаріи былъ расшатанъ внутренними раздорами. Пролетаріатъ этихъ странъ находился отчасти еще въ періодѣ развитія, который англійскій, французскій и германскій пролетаріатъ пережили еще въ до-мартовское время, въ томъ періодѣ соціализма, когда соціалисты о политикѣ ничего знать не хотѣли, на томъ основаніи, что рабочіе всегда оказывались обманутыми въ политической борьбѣ имущими классами. Этотъ соціализмъ не доросъ еще до пониманія капиталистическаго общества, взятаго во всей совокупности историческихъ условій его существованія; онъ не постигалъ ни необходимости его появленія, ни необходимости его исчезновенія; ему потому совершенно непонятны были средства, которыми пролетаріатъ можетъ быть освобожденъ. Въ политической борьбѣ рабочаго класса онъ видитъ повтореніе старыхъ ошибокъ и новый обманъ, который вызоветъ новыя репрессіи. Онъ хочетъ до основанія срыть буржуазное общество, уничтожить всякій слѣдъ экономическаго и политическаго господства, но онъ хочетъ осуществить этотъ идеалъ будущаго въ настоящемъ рекомендуя пролетаріату „политическое воздержаніе,“ отказъ отъ организаціи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отказъ отъ единственнаго оружія, которое можетъ доставить ему побѣду надъ сконцентрированными силами господствующихъ классовъ.

Пренебрегающій политикой соціализмъ есть переходная стадія въ историческомъ развитіи пролетарскаго классового сознанія. Онъ нашелъ своихъ представителей и въ Интернаціоналѣ, задача котораго какъ разъ состояла въ томъ, чтобы объяснить различнымъ рабочимъ партіямъ отдѣльныхъ странъ всемірно-историческую роль современнаго пролета-

ріата и тѣмъ сократить необходимыя стадіи ихъ развитія. Однако, этотъ неполитическій соціализмъ сталъ опаснымъ для Интернаціонала, когда Бакунинъ, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, началъ мобилизировать силы подъ лозунгомъ анархизма и съ его помощью пытался получить господство надъ великимъ союзомъ рабочихъ. Часто утверждали, что Бакунинъ былъ агентомъ русскаго правительства, но это никогда не было доказано; основанія, которыя говорятъ въ пользу этого предположенія, черпались изъ панславистскихъ склонностей Бакунина, изъ-за которыхъ еще въ годы революціи съ нимъ много спорили его старые друзья Марксъ и Энгельсъ. Также было-бы преувеличеніемъ объяснять анархистскую теорію Бакунина единственно его личнымъ честолюбіемъ. Русскій родомъ, онъ происходилъ изъ страны, гдѣ пролетарская классовая борьба не была извѣстна даже въ начальной формѣ, и, находясь болѣе десяти лѣтъ вдали отъ европейской духовной жизни, онъ придерживался еще цѣликомъ взглядовъ до-мартовскаго соціализма, когда онъ, въ 1860 году, бѣжалъ изъ своего заточенія въ ледяной Сибири. Теоретически. онъ примыкалъ своимъ анархизмомъ, къ Прудону и Штирнеру, а въ практической дѣятельности соприкасался во многомъ съ Вейтлингомъ. Въ растущемъ обѣдненіи массы онъ видѣлъ дѣйствительный рычагъ соціальной революціи, а въ ея деклассированныхъ членахъ—сильнѣйшихъ борцовъ. Тѣмъ не менѣе, нельзя сомнѣваться въ томъ, что личное честолюбіе и личная зависть къ Марксу оказывала свое вліяніе при попыткахъ Бакунина получить господство надъ Интернаціоналомъ и для этой цѣли расшатать организацію и отбросить европейское рабочее движеніе далеко назадъ, на давно пройденную ступень его историческаго развитія.

Очевидно, что неполитическій соціализмъ обладаетъ головой Януса, которая, съ одной стороны, имѣетъ совершенно безобидное лицо, а съ другой есть вопло-

щеніе кровожадности. Соціализмъ, который рекомендуетъ политическое воздержаніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ хочетъ разрушить буржуазное общество, ударяется или въ невинную самопомощь, въ образованіе сектъ и утопій, или вступаетъ на путь тайныхъ заговоровъ, покушеній и неподготовленныхъ возстаній. Поэтому ясно, что въ сороковыхъ годахъ, когда утопіи были еще въ большомъ ходу, этотъ соціализмъ показывалъ, главнымъ образомъ, свое невинное лицо, а въ шестидесятыхъ годахъ, когда естественное наростаніе классовыхъ противорѣчій между буржуазіей и пролетаріатомъ было уже рѣзко выражено, онъ обернулся своей кровожадной стороной. „Пропагандой дѣйствіемъ" анархисты пріобрѣли извѣстную духовную близость съ бланкистами, самымъ рѣшительнымъ крыломъ эмигрантовъ Коммуны. Хотя въ своихъ цѣляхъ анархисты и бланкисты очень далеко расходились, — такъ какъ приверженцы Бланки хотѣли овладѣть политической властью при помощи внезапнаго государственнаго переворота, посредствомъ котораго они надѣялись получить революціонную диктатуру, но какъ тѣ, такъ и другіе сошлись на практикѣ революціонныхъ переворотовъ, на практикѣ, которая должна была представить правительствамъ пріятный случай ввести противъ рабочихъ практику реакціонныхъ контръ-аттакъ, и при томъ такой разрушительной силы, что противъ нихъ всѣ покушенія и возстанія, которыя бакунисты и бланкисты, отдѣльно или вмѣстѣ, могли подготовить, показались бы незрѣлой мальчишеской игрой.

Генеральный Совѣтъ Интернаціонала и Марксъ, какъ его руководящій глава, напрягли всѣ силы на то, чтобы оказать сопротивленіе проискамъ Бакунина, и при обыкновенныхъ условіяхъ они очень скоро обуздали бы его. Справились-же они со своей задачей даже при тѣхъ условіяхъ, которыя наступили послѣ паденія парижской коммуны. Конечно, возникалъ вопросъ, не влекло ли за собой дальнѣйшее суще-

ствованіе Интернаціонала, который извнѣ и извнутри одинаково испытывалъ напоръ враждебныхъ силъ, черезчуръ большихъ жертвъ для европейскаго рабочаго движенія. Марксъ разрѣшилъ этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ и принялъ твердое рѣшеніе очистить выкованное интернаціональнымъ пролетаріатомъ для его практическихъ дѣйствій и наступательной борьбы оружіе отъ анархической ржавчины и сложить его въ фехтовальномъ залѣ впредь до возвращенія болѣе благопріятнаго времени. На Гаагскомъ конгрессѣ онъ привелъ въ исполненіе это свое намѣреніе.

Международное распространеніе и расширеніе рабочаго движенія на этомъ конгрессѣ выступило еще яснѣе и рельефнѣе, чѣмъ на прежнихъ конгрессахъ союза. Среди шестидесяти четырехъ делегатовъ было: 20 французовъ, 16 нѣмцевъ, 8 бельгійцевъ, 6 англичанъ, 3 голландца, 3 испанца, 2 швейцарца, 2 венгерца, 1 полякъ, 1 ирландецъ, 1 датчанинъ и 1 корсиканецъ. Скоро обнаружилось, что Генеральный Совѣтъ, существовавшій до этого времени, имѣлъ за собой значительное большинство, а именно, къ нему примыкали нѣмцы и, за нѣкоторыми исключеніями, французы, тогда какъ англичане раздѣлились и голосовали разно. Стремленіе бакунистовъ, согласно ихъ анархистской доктринѣ, низвести Генеральный Совѣтъ на степень простого „почтоваго ящика“, бюро для корреспонденціи и статистики, не увѣнчалось успѣхомъ, и Генеральный Совѣтъ былъ утвержденъ въ своихъ полномочіяхъ, какъ исполнительный комитетъ ассоціаціи. Въ торжественномъ заявленіи конгрессъ отказался отъ всякой отвѣтственности за поступки Бакунина и исключилъ его, вмѣстѣ съ однимъ изъ его помощниковъ, изъ числа членовъ союза. Труднѣе оказалось побѣдившему большинству перенести Генеральный Совѣтъ въ Нью-Іоркъ, какъ этого хотѣла большая часть его тогдашнихъ членовъ, а между ними

и Марксъ, который, вмѣстѣ съ Энгельсомъ, присутствовалъ на конгрессѣ. Этому предложенію воспротивились нѣмецкіе делегаты, и оно прошло лишь незначительнымъ большинствомъ. Перевѣсомъ въ пользу принятія предложенія послужило то обстоятельство, что члены тогдашняго Генеральнаго Совѣта, за немногими исключеніями отклонили свое переизбраніе, въ частности Марксъ и Энгельсъ, потому что, въ противномъ случаѣ, послѣднимъ невозможно было бы продолженіе ихъ научной работы,—основаніе которое, естественно, должно было быть и было понятно не въ субъективномъ, а въ объективномъ смыслѣ. Насколько охотно Марксъ всегда прерывалъ свою научную работу тамъ, гдѣ являлась возможность практическаго дѣла для рабочаго класса, настолько же охотно онъ принимался за нее опять, когда этой возможности больше не представлялось. Но разъ теперешнее большинство Генеральнаго Совѣта вышло изъ его состава, то верховное руководство союзомъ не могло оставаться въ Лондонѣ, не рискуя попасть въ руки либо французскихъ бланкистовъ съ ихъ бунтарской тактикой, либо вождей англійскаго рабочаго класса съ ихъ „респектабельными“ тенденціями. И если въ виду этого отпадалъ Лондонъ, то Нью-Іоркъ былъ теперь единственнымъ мѣстомъ, которое соединяло въ себѣ оба необходимыхъ условія: безопасность архивовъ и международный составъ Генеральнаго Совѣта.

Безъ сомнѣнія, при совѣщаніяхъ и рѣшеніяхъ на Гаагскомъ конгрессѣ не обошлось безъ дипломатіи, что въ достаточной степени объяснялось и оправдывалось тогдашнимъ положеніемъ Интернаціонала. Нѣсколько лѣтъ спустя, Энгельсъ писалъ короче и откровеннѣе: „Въ виду всеобщей реакціи и невозможности для Интернаціонала удовлетворить обращеннымъ къ нему требованіямъ и развивать свою дѣятельность иначе, какъ посредствомъ ряда жертвъ, которыми поплатилось бы рабочее движеніе,—въ виду этого Интернаціоналъ

временно сошелъ со сцены, и Генеральный Совѣтъ долженъ былъ быть перенесенъ въ Америку". Но онъ ушелъ не временно, а навсегда. Въ 1873 году въ Женевѣ состоялся еще одинъ конгрессъ Интернаціонала, но фактически выяснилось потомъ съ достаточной опредѣленностью, что его историческая роль уже закончилась. Идея интернаціональной солидарности пустила такіе глубокіе корни въ современномъ пролетаріатѣ, что онъ не нуждался больше во внѣшней опорѣ, а національныя рабочія партіи, благодаря промышленнымъ переворотамъ семидесятыхъ годовъ, развились такъ своеобразно и сильно, что переросли рамки Интернаціонала, подобно тому, какъ европейское рабочее движеніе, благодаря промышленнымъ переворотамъ пятидесятыхъ годовъ, переросло границы Союза Коммунистовъ.

3. Послѣднія столкновенія фракцій.

Кризисъ Интернаціонала совсѣмъ или почти не коснулся рабочаго движенія въ Германіи. Генеральный Совѣтъ союза въ одномъ, направленномъ противъ Бакунина, воззваніи высказываетъ мимоходомъ совершенно неосновательный взглядъ, будто лассальянцы превратились въ простое орудіе полиціи послѣ того, какъ они въ продолженіе многихъ лѣтъ препятствовали организаціи германскихъ рабочихъ; и эта несправедливая вылазка вызвала со стороны „Новаго Соціалъ-демократа“ не менѣе несправедливую вылазку противъ Маркса и Интернаціонала. Однако, съ бакунинской анархистской теоріей и практикой лассальянцы имѣли такъ же мало общаго, какъ и эйзенахцы. Со времени Седана обѣ партіи были солидарны по національному вопросу и вполнѣ согласно вели борьбу противъ берлинской правительственной системы. Также и въ принціпіальномъ пониманіи научнаго коммунизма обѣ партіи сходились, поскольку имъ обѣимъ была все еще чужда историко-матеріалистическая діалектика. Гассельманъ, исходя изъ „естественнаго права“, раз-

вивалъ въ „Новомъ Соціалъ-демократѣ“ тотъ взглядъ, что рабочимъ принадлежатъ продукты, „произведенные исключительно ихъ трудомъ“, а страховой дѣятель Шраммъ, который печаталъ въ „Volksstaat'ѣ“ рядъ достойныхъ вниманія статей объ основныхъ понятіяхъ экономической науки, подобнымъ же образомъ умозаключалъ, что изъ теоріи цѣнности Маркса вытекаетъ справедливость соціалистическихъ требованій, право рабочихъ на ими же созданныя цѣнности. Даже самъ Либкнехтъ считалъ историка манчестерства Бокля великимъ новаторомъ въ области исторической науки, подобно тому какъ Маркса — въ соціальной, а Дарвина — въ естественной.

Единственнымъ изъ тогдашнихъ партійныхъ писателей, который по-своему проникъ въ существо историческаго матеріализма, былъ Дитцгенъ, наиболѣе прилежный теоретикъ эйзенахцевъ, но его остроумныя произведенія слишкомъ тѣсно двигались въ философской колеѣ, чтобы могли повліять на рабочихъ, находящихся въ центрѣ практической борьбы. Рядъ прежнихъ и позднѣйшихъ работъ Маркса и Энгельса, появившихся на страницахъ „Volksstaat'a“, статьи о крестьянской войнѣ, возваніе по поводу парижской коммуны и др. предполагали наличность слишкомъ значительныхъ познаній, чтобы войти въ плоть и кровь рабочихъ; практическіе же вопросы дня, по которымъ наиболѣе наглядно могло быть объяснено матеріалистическо-историческое міровоззрѣніе, основатели научнаго коммунизма рѣдко затрагивали. Приверженцы часто жаловались на слишкомъ ученыя и тяжеловѣсныя статьи „Volksstaat'a“, и комитетъ партіи даже указывалъ редакціи на способъ писанія „Новаго Соціалъ-демократа“, какъ на достойный подражанія. Главную духовную пищу для рабочихъ этого послѣдняго направленія все еще составляли агитаціонныя произведенія Лассаля. „По организаціи мы были эйзенахцами, по принципу и агитаціи — лас-

сальянцами“, писалъ позже, вспоминая объ этомъ времени, Карлъ Грилленбергеръ, одинъ изъ самыхъ способныхъ среди молодого поколѣнія эйзенахцевъ.

„Новый Соціалъ-демократъ“, несомнѣнно, превосходилъ „Volksstaat“ не только популярностью изложенія, но также болѣе точнымъ пониманіемъ экономическо-соціалистическихъ проблемъ. Когда вопросъ о квартирной нуждѣ обратилъ на себя всеобщее вниманіе, Гассельманъ взялся за эту тему, чтобы въ серіи образцово ясныхъ статей изложить вопросъ о городской землѣ, тогда какъ „Volksstaat“ по этому самому вопросу предоставилъ слово прудонисту Мюльбергеру, преподнесшему свою галиматью, съ которой потомъ Энгельсу пришлось „считаться“ въ своихъ классическихъ трудахъ о квартирномъ вопросѣ. На заносчивый тонъ, который эйзенахцы позволяли себѣ такъ часто по отношенію къ лассальянцамъ въ теоретическихъ вопросахъ, они не имѣли никакого права. Походъ, открытый Бракке противъ „лассалевскаго предложенія“ о производительныхъ ассоціаціяхъ, учреждаемыхъ при матеріальной поддержкѣ государства, поставилъ этого превосходнаго человѣка на ложный путь. Каррикатура, которую онъ нарисовалъ на „лассалевское предложеніе“, названное имъ „королевско-прусскимъ правительственнымъ соціализмомъ, тщетно жаждущимъ одобренія придворныхъ круговъ“, существовала лишь въ его фантазіи; Гассельманъ, какъ до него Швейцеръ, защищалъ всегда производительныя ассоціаціи съ государственнымъ кредитомъ, лишь исходя изъ той точки зрѣнія, что послѣ побѣды пролетаріата онѣ сумѣютъ доставить первую практическую возможность къ обобществленію средствъ производства. Стремленіе къ основательному пересмотру своей программы сильно проявлялось среди эйзенахцевъ, но всегда въ такой формѣ, которая именно и обнаруживала большую теоретическую слабость этой фракціи. Планы земельной реформы, унич-

тоженіе права наслѣдованія и всякій прочій эклектическій соціализмъ, который у лассальянцевъ былъ упраздненъ еще Швейцеромъ, крѣпко держался даже въ лучшихъ головахъ эйзенахцевъ, и самъ Бракке еще не совсѣмъ потерялъ склонность къ тому, чтобы, путемъ временнаго затушеввыанія принципіальнаго коммунизма, пойти навстрѣчу радикальной мелкой буржуазіи.

Только одинъ вопросъ, а именно вопросъ о профессіональныхъ союзахъ, теоретически былъ гораздо лучше выясненъ у эйзенахцевъ, чѣмъ у лассальянцевъ. Въ маѣ 1873 года появилось на страницахъ „Volksstaat'a" по этому вопросу много превосходныхъ статей, которыя еще и теперь могутъ быть прочитаны съ пользой и интересомъ. Въ этихъ практическихъ указаніяхъ на направленіе освободительнаго движенія" доказывается, что профессіональное движеніе — такое же значительное и въ такой же степени вѣрное орудіе пролетарской „освободительной борьбы, какъ и политическое движеніе, но что между обоими движеніями должна быть проведена рѣзкая граница. Ясно и убѣдительно изложены здѣсь отдѣльныя задачи профессіональныхъ союзовъ, указано на то, что могутъ дать дѣлу освобожденія пролетаріата эти союзы, въ качествѣ сильнаго рычага пролетарскаго классоваго сознанія, какъ арена для демократическаго самоуправленія, какъ зародыши будущей общественной организаціи и, наконецъ, какъ органы сознательной борьбы, при той непремѣнной предпосылкѣ, что профессіональное движеніе будетъ преслѣдовать общую съ политическимъ движеніемъ цѣль своимъ самостоятельнымъ путемъ. Эти статьи, появившіяся подъ анонимомъ, принадлежали перу писателя Карла Гилльмана и представляли значительный шагъ впередъ по сравненію съ преніями, которыя происходили на Штуттгартскомъ конгрессѣ по вопросу о профессіональныхъ союзахъ. Конечно, въ „Volksstaat'ѣ" сейчасъ же стали раздаваться протестующіе голоса противъ нихъ, но мнѣніе Гилльмана

явно перевѣшивало въ партіи эйзенахцевъ. Между тѣмъ, сами профессіональные союзы находились въ тяжеломъ положеніи, и положеніе это было бы еще хуже, если бы не поддержка берлинскихъ плотниковъ, проведшихъ успѣшную стачку и занявшихъ видное мѣсто во Всеобщемъ Германскомъ Рабочемъ Союзѣ. Общій Союзъ Вспомоществованія оказался безсильнымъ въ дѣлѣ серьезнаго стачечнаго движенія, а попытка обновить его дѣятельность, какъ мѣстной организаціи, въ формѣ Берлинскаго Рабочаго Союза, также не увѣнчалась успѣхомъ. Профессіональные же союзы, расчлененные по спеціальностямъ, какъ, напр., союзъ каменщиковъ и плотниковъ, поддерживали свое существованіе, только уступая неумолимому давленію жизни, но доктринерскіе выпады противъ нихъ не умолкали. На каждомъ общемъ собраніи они заявляли о себѣ и всегда добивались такихъ рѣшеній, которыя имѣли въ виду уничтожить существующіе союзы, или, по крайней мѣрѣ, превратить ихъ въ отдѣленія Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза.

Въ отношеніи же организаціи перевѣсъ былъ на сторонѣ лассальянцевъ. Ихъ армія была лучше вооружена, болѣе способна къ бою и многочислен2ѣе. На своихъ общихъ собраніяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ 1871 и въ 1872 году въ Берлинѣ, а въ 1873 году во Франкфуртѣ на Майнѣ, они были представлены во все возрастающемъ количествѣ, доходя до двадцати тысячъ активныхъ членовъ; тогда какъ эйзенахцы на своихъ конгрессахъ въ 1871 году въ Дрезденѣ, въ 1872 году въ Майнцѣ и въ 1873 году въ Эйзенахѣ едва достигали десяти тысячъ. Конечно, организація лассальянцевъ имѣла также и свои слабыя стороны. Приноровленная къ диктаторскому руководительству, она должна была привести къ вредному соперничеству изъ-за господствующаго вліянія въ томъ случаѣ, когда президентомъ былъ, напр., такой человѣкъ, какъ Гавенклеверъ, который, какъ положительными, такъ и отрица-

тельными сторонами своего характера, не обнаруживалъ натуры диктатора. На ряду съ нимъ стояли Гассельманъ, въ качествѣ редактора союзнаго органа, шапочникъ Деросси изъ Дюссельдорфа, въ качествѣ секретаря, и кассиръ Грювель, которые ежегодно выбирались на общемъ собраніи, равно какъ и президентъ, который избирался путемъ непосредственнаго голосованія всѣхъ членовъ. Въ органѣ Союза Гассельманъ ревниво слѣдилъ за тѣмъ, чтобы ни одна значительная литературная сила не появилась на страницахъ руководимой имъ газеты. Такимъ образомъ, духовная жизнь Союза получила все же нѣкоторую сектантскую окраску, какъ ни мало сектантски онъ вообще былъ настроенъ. Также и остальные члены комитета Гроткау и Капелли получили при Газенклеверѣ гораздо больше вліянія, чѣмъ они имѣли при Швейцерѣ; особенно имъ пользовался возвратившійся въ Изерлонъ Тёльке. Если бы правленіе партіи получило демократическое устройство, при которомъ отдѣльныя силы могли-бы работать другъ около друга, это принесло бы громадную пользу для дѣла; но такъ какъ для этого имъ недоставало легальной почвы, то у нихъ нерѣдко имѣли мѣсто враждебныя столкновенія. Культъ, котораго лассальянцы придерживались по отношенію къ своей организаціи, имѣлъ свои логическія основанія, но они чрезмѣрно развили его. Самымъ закоренѣлымъ представителемъ этого культа былъ Тёльке, который находилъ берлинское правленіе еще недостаточно централизованнымъ, хотя самъ находился въ провинціи.

Эйзенахцы имѣли свой комитетъ, начиная съ 1871 года въ Гамбургѣ, гдѣ Гейбъ и Іоркъ были главными руководителями, ихъ контрольная коммиссія была въ 1871 году переведена въ Берлинъ, въ 1872 году въ Бреславль, въ 1873 году — во Франкфуртъ на Майнѣ. Ихъ организація была менѣе строга, чѣмъ организація лассальянцевъ. Ихъ члены дѣлали свои взносы

не такъ аккуратно и болѣе скудно. По сравненію съ цвѣтущимъ состояніемъ финансовъ лассальянцевъ, эйзенахцы никогда не выходили изъ долговъ и нужды. Однако, при всѣхъ своихъ, безспорно, тѣневыхъ сторонахъ, ихъ организація имѣла и свои преимущества. Уже одно то, что неизбѣжныя столкновенія между различными органами партійнаго правленія могли всегда открыто и по существу обсуждаться, нельзя достаточно высоко оцѣнить.

Но самымъ важнымъ было то, что эйзенахцы имѣли болѣе богатую литературу и періодическую печать, чѣмъ лассальянцы. Уже въ 1871 году появились рядомъ съ „Кримичаускимъ Другомъ Крестьянъ и Горожанъ" (Crimmitschauer Bürger-und Bauernfreund), „Дрезденскій Народный Вѣстникъ" (Dresdener Volksbote), „Хемницкая Свободная Пресса" (Chemnizer Freie Presse), „Брауншвейгскій Другъ Народа" (Braunschweiger Volksfreund), какъ мѣстныя газеты партіи; вскорѣ также въ Нюренбергъ-Фюртѣ сталъ издаваться „Демократическія Недѣльный Листокъ" (Demokratisches Wochenblatt), который въ 1873 году перешелъ въ собственность партіи. Можно сказать, что въ почти чрезмѣрномъ обиліи появлялись все новыя мѣстныя газеты, какъ-то: въ Гофѣ, Герѣ, Эйзенахѣ, Майнцѣ и Мюнхенѣ; въ послѣднемъ городѣ тѣмъ временемъ прекратилъ свое существованіе „Пролетарій". Изъ предпологавшагося литературнаго акціонернаго предпріятія возникла товарищеская типографія въ Лейпцигѣ, которая рядомъ съ „Volksstaat'омъ", создала быстро развивающуюся брошюрную литературу. Бракке, который издавалъ „Брауншвейгскаго Друга Народа", тоже далъ рядъ партійныхъ произведеній.

„Интеллигенты" отнюдь не оказались для эйзенахцевъ настолько вредными, какъ ихъ считали лассальянцы. Только въ Нюрнбергъ-Фюртѣ непріятная схватка между весьма талантливыми литераторами Меммингеромъ и Моокомъ привела къ значительнымъ

помѣхамъ въ рабочемъ движеніи Франконіи, которое, послѣ устраненія этихъ причинъ, въ испытанныхъ рукахъ рабочихъ Гриллeнбергера, Габріэля Левенштейна, Шерма и Вёрлейна тѣмъ успѣшнѣе развилось. То, что Бернгардъ Беккеръ находился у эйзенахцевъ, было выигрышемъ сомнительной цѣнности; его редакторство въ „Брауншвейгскомъ Другѣ Народа" и особенно его злостно-непріязненныя записки объ агитаціи Лассаля и о концѣ его жизни много способствовали распрѣ съ лассальянцами. Но, помимо этого, молодыя литературныя силы эйзенахцевъ проявляли себя повсюду. Бруно Гейзеръ и Максъ Нейсеръ въ Бреславлѣ, Іоаннъ Ведде въ Гамбургѣ, Вильгельмъ Блосъ, который перешелъ въ соціалъ-демократическій лагерь изъ южно-германской народной партіи и вскорѣ вмѣстѣ съ Гепнеромъ сталъ редактировать „Volksstaat" въ то время, когда Либкнехтъ отбывалъ наказаніе въ тюрьмѣ. Въ далекомъ Кенигсбергѣ референдарій Кокоскій издавалъ ежемѣсячный журналъ: „Демократическіе Листки" (Demokratische Blätter), которые, конечно, не могли особенно долго выходить; Кокоскій послѣ ихъ закрытія началъ сотрудничать въ „Брауншвейгскомъ Другѣ Народа" (Volksfreund).

Также и рабочіе у эйзенахцевъ были гораздо больше причастны къ брошюрной и газетной литературѣ, чѣмъ у лассальянцевъ, у которыхъ преобладала устная агитація. Историческое развитіе привело къ тому, что рабочее движеніе въ семидесятыхъ годахъ не могло выставить такихъ теоретиковъ, какъ въ сороковыхъ годахъ, когда Союзъ Коммунистовъ внимательно слѣдилъ за литературной борьбой нѣмецкихъ философовъ и англо-французскихъ соціалистическихъ школъ, а также принималъ въ ней участіе; единственный, кто напоминалъ собой Вейтлинга, Эккаріуса, Пфендера, былъ Дитцгенъ. Новое рабочее движеніе съ самаго начала было тяжело обременено практическими задачами, а теоретическая работа была

предварительно исполнена великими мыслителями научнаго коммунизма. Популяризировать ихъ изслѣдованія и вести ежедневную борьбу съ буржуазными экономистами—вотъ скромная, но полезная задача, которую съ успѣхомъ выполняли писатели-рабочіе эйзенахской фракціи. Особенно удалось отличиться наборщику Францу, убѣжавшему въ 1870 году съ одобренія своихъ партійныхъ товарищей въ Цюрихъ отъ угрожавшаго ему процесса за оскорбленіе величества, въ каковомъ преступленіи его обвиняло баварское правительство, какъ редактора „Пролетарія". Здѣсь тогда жилъ Викторъ Бёмертъ, германскій манчестерецъ, бывшій профессоромъ при университетѣ, и такъ какъ онъ принадлежалъ къ болѣе свѣдущимъ представителямъ своей школы, то считалъ себя обязаннымъ доказать данными оффиціальной статистики кантона Цюриха тотъ манчестерскій, „вѣчный естественный законъ", по которому съ накопленіемъ капитала растетъ также благосостояніе мелкой буржуазіи и пролетаріата, и этимъ думалъ весьма просто опрокинуть весь соціализмъ. Но Францъ не замедлилъ доказать въ своемъ нѣсколько грубоватомъ и „крѣпкомъ", но по содержанію превосходномъ сочиненіи, что ученый чиновникъ вычиталъ изъ приведенныхъ имъ чиселъ статистики какъ разъ противоположное тому, что на самомъ дѣлѣ тамъ написано. Эрнестъ Энгель, наиболѣе авторитетный германскій статистикъ, который, благодаря свойственной ему честности, еще раньше оказалъ поддержку Лассалю, призналъ по этому поводу въ „Журналѣ Королевскаго Прусскаго Статистическаго Бюро", что Бёмертъ основательно разбитъ Францемъ, который неопровержимо доказалъ, что уменьшеніе средняго сословія и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличеніе пролетаріата, несомнѣнно, имѣло мѣсто какъ абсолютно, такъ и относительно, и что даже въ идиллической Швейцаріи, въ этой свободной республикѣ, „бѣшенная концентрація капи-

тала во все меньшемъ количествѣ рукъ“ есть неопровержимый фактъ.

Различія между обѣими соціалъ-демократическими фракціями коренились въ неодинаковомъ характерѣ ихъ историческаго развитія. Лассальянцы были старшей фракціей и, по сравненію съ эйзенахцами, имѣли за собой шестилѣтнюю боевую опытность; лучшія позиціи были уже въ ихъ рукахъ, когда эйзенахцы принялись за свою работу. Лассальянцы были представлены въ гораздо большемъ количествѣ въ единственномъ великомъ государствѣ новой имперіи; они имѣли въ своихъ рукахъ главный городъ имперіи и завоевали чрезъ него провинцію Бранденбургъ, колыбель новоиспеченныхъ императоровъ. Они владѣли теченіемъ Одера отъ Бреславля до Штеттина. Ихъ флагъ развѣвался надъ старымъ могучимъ Гамбургомъ съ примыкающей къ нему Шлезвигъ-Голштиніей, надъ Бременомъ, Любекомъ и Ганноверомъ, надъ старинными ганзейскими городами, въ которыхъ процвѣтали новѣйшая торговля и промышленность. На западѣ они владѣли Эльберфельдъ-Барменомъ съ его горнопромышленной областью, на югозападѣ — Франкфуртомъ на Майнѣ съ его округомъ. Хотя эйзенахцы тоже господствовали надъ передовой страной нѣмецкой культуры, но королевство Саксонія уже съ начала столѣтія въ политическомъ отношеніи отстало въ дѣлѣ національнаго развитіи Германіи, чѣмъ страдали, за единственнымъ исключеніемъ Лейпцига, всѣ большіе города королевства. Въ главномъ городѣ Дрезденѣ долгіе годы правленія Бейста сильно понизили темпъ общественной жизни, и фабричный городъ Хемницъ былъ далеко кругомъ извѣстенъ духовнымъ убожествомъ своихъ невѣжественныхъ выскочекъ-буржуевъ; „Volksstaat“ однажды на очень убѣдительныхъ примѣрахъ воочію доказалъ, что ни одинъ городъ въ Германіи, при тожественности прочихъ условій, не находится на столь низкой ступени культурнаго развитія,

какъ „саксонскій Манчестеръ". Наиважнѣйшая сфера господства эйзенахцевъ распространялась еще на капиталистически эксплоатируемую кустарную промышленность средне-германскихъ мелкихъ государствъ и на промышленные округа южно-германскихъ государствъ, которые, подобно островамъ, высоко выступали надъ безбрежнымъ моремъ ремесленнаго производства. Стремленіе къ группировкѣ по землячествамъ, которое у эйзенахцевъ сильно проявлялось, обусловливалось многими обстоятельствами. Если повременная печать этой фракціи иногда чрезмѣрно мечтала о децентрализаціи, то это вытекало скорѣе изъ желанія скрыть трудность отказа отъ децентрализаціи, нежели изъ отрицанія преимуществъ централизаціи.

Такимъ образомъ, уже на первый взглядъ ясно обнаруживается, что различія между обѣими фракціями были такого рода, что онѣ скорѣе дополняли другъ друга, и отнюдь не представляли непримиримыхъ противоположностей. Каждой сильной сторонѣ лассальянцевъ соотвѣтствовала слабая сторона эйзенахцевъ, и—наоборотъ. Взаимная поддержка во время стачекъ, совмѣстная работа въ профессіональныхъ союзахъ, практическая борьба противъ общихъ враговъ — все это заставляло членовъ обѣихъ фракцій во многихъ случаяхъ идти вмѣстѣ; въ Вюртембергѣ, гдѣ, правда, лассальянцы занимали сильную позицію лишь въ столицѣ, было даже достигнуто полное соглашеніе; „Южно-германская народная газета" (Süddeutsche Volkszeitung), которая начала выходить въ 1873 году въ Штуттгартѣ подъ редакціей Карла Гилльмана, была основана совмѣстно лассальянцами и эйзенахцами. Но созданныя практикой жизни нити примиренія большею частью вновь лопались при неизбѣжныхъ столкновеніяхъ изъ-за районовъ обоюдной дѣятельности. Особенно разсержены были эйзенахцы, когда Фроме и сапожникъ Гартманъ изъ Гамбурга лѣтомъ 1872 года повели обширную агитацію въ южной

Германіи. Дѣйствительнаго примиренія возможно было достигнуть лишь оффиціальнымъ путемъ, а съ этимъ вопросомъ дѣло обстояло довольно своеобразно.

Лассальянцы въ нѣкоторой степени разыгрывали роль старшаго сына въ домѣ, которому младшій сынъ обязанъ повиноваться; они по собственной иниціативѣ не подымали вопроса объ объединеніи, но поскольку имъ приходилось высказываться по этому поводу, дѣло было далеко не безнадежно: ихъ мнѣнія о непрактичной организаціи и о „половинчатомъ соціализмѣ“ эйзенахцевъ, который не удѣлялъ-де серьезнаго вниманія пролетарской классовой борьбѣ, можетъ быть, были преувеличены или даже совсѣмъ невѣрны, но они допускали, по крайней мѣрѣ, возможность обсужденія. Иначе держались эйзенахцы, которые были гораздо болѣе ревностными проповѣдниками мира, но гораздо менѣе удачными примирителями. Они упрекали лассальянцевъ, главнымъ образомъ, въ мнимой — умышленной или неумышленной — зависимости отъ прусскаго правительства, и этимъ естественно дѣлали невозможными съ самаго начала всякіе дѣйствительные переговоры. На самого Лассаля пресса эйзенахцевъ смотрѣла, какъ на довольно туманнаго поэта, и какъ на очень дурного политика. Въ „Volksstaat'ѣ“ была даже однажды допущена слѣдующая весьма злая фраза: „Не появись Лассаль самъ собою, Бисмаркъ долженъ былъ бы его изобрѣсти“.

Единственнымъ основаніемъ для всѣхъ этихъ клеветъ былъ тотъ фактъ, что лассальянцевъ не тревожила ни полиція, ни прокуратура, въ то время какъ эйзенахцы должны были переносить самыя тяжелыя преслѣдованія. Это утвержденіе само по себѣ было крайне несправедливо. Въ Шлезвигъ-Голштиніи лассальянцы подвергались преслѣдованію такъ же, какъ и эйзенахцы въ Саксоніи. Фроме, который агитировалъ, будто бы, какъ полицейскій агентъ, въ южной Германіи подвергся за эту агитацію цѣлому ряду бо-

виненій, и его таскали изъ мѣста постояннаго его жительства, Бремена, какъ обыкновеннаго преступника, часто даже скованнымъ совмѣстно съ уголовными, изъ одной тюрьмы въ другую; путь по горной дорогѣ отъ Бенсгейма въ Лёршъ, гдѣ онъ совершилъ пре-преступленіе „государственной измѣны", онъ долженъ было пройти пѣшкомъ въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ, хотя у него была тяжелая рана на ногѣ; наконецъ, въ виду ничтожности выставленнаго противъ него обвиненія, онъ былъ освобожденъ изъ-подъ предварительнаго ареста; надо сознаться, что все это было крайне удивительнымъ исходомъ для „полицейскаго агента"... Вѣрно только то, что „Volksstaat" дѣйствительно страдалъ отъ литературныхъ процессовъ больше, чѣмъ „Новый Соціалъ-демократъ", но это было переходное состояніе и такъ же мало что-нибудь означало, какъ сравнительная свобода печати, которой „Демократическій Еженедѣльникъ" пользовался въ свое время въ Лейпцигѣ. Тѣмъ не менѣе „Новый Соціалъ-демократъ" хвалился, не безъ нѣкотораго основанія, что онъ лучше умѣетъ избѣгать капкановъ реакціонныхъ уголовныхъ законовъ печати, чѣмъ „Volksstaat".

Однако, оправданіемъ безнадежнаго взгляда эйзенахцевъ на примиреніе можетъ служитъ то, что лассальянцы сами давали къ этому нѣкоторые поводы. Тэльке предполагалъ на общемъ собраніи 1872 года внести предложеніе, которое должно было уничтожить всѣ профессіональные союзы лассальянцевъ. Но Гассельманъ отказался напечатать въ союзномъ органѣ содержаніе этого предложенія, и литературная комиссія на жалобу Тэльке высказала поступку Гассельмана свое одобреніе. Безспорно, она имѣла большое основаніе поступить такъ: было совершенно безполезно бросать въ рабочій міръ это яблоко раздора въ тотъ моментъ, когда стачечное движеніе такъ широко развивалось. Но Тэльке, въ своемъ рвеніи о чистотѣ

и цѣлости организаціи Лассаля, усмотрѣлъ въ отрицательномъ рѣшеніи интригу со стороны Швейцера, и въ засѣданіи комитета, происходившемъ 3-го марта 1872 года, выставилъ противъ Гассельмана обвиненіе, что тотъ дѣйствуетъ заодно со Швейцеромъ, который, будучи-де подкупленъ прусскимъ правительствомъ, вступился за профессіональные союзы, чтобы разрушить силу рабочаго движенія раздробленіемъ его по различнымъ русламъ. Тэльке утверждалъ, что Швейцеръ находился въ связи съ берлинскимъ полицей-президіумомъ и доносилъ полицейской власти все, что происходило въ рабочемъ движеніи.

При этомъ онъ передалъ слѣдующій фактъ, относящійся къ тому времени, когда онъ исполнялъ временное руководительство союзомъ: „Швейцеръ передалъ мнѣ незадолго передъ своимъ арестомъ, чтобы я во всякое время, когда что-нибудь случится, обратился къ полицей-президіуму. Онъ пошелъ со мной туда и представилъ меня, при чемъ обнаружилъ большое знакомство съ помѣщеніемъ“. Сверхъ того, Тэльке обвинялъ Швейцера въ томъ, что тотъ употреблялъ въ свою пользу притекающія суммы членскихъ взносовъ, а изъ кассы вспомоществованія взялъ, будто бы, 500 талеровъ и отнесъ ихъ своему банкиру.

Первое впечатлѣніе, полученное отъ этого разоблаченія слушателями, должно было вызвать очень естественный возгласъ: если все это правда, и если ты все это зналъ, и тѣмъ не менѣе всегда держалъ сторону Швейцера, то ты еще большій измѣнникъ, чѣмъ самъ Швейцеръ. Этотъ выводъ былъ неминуемъ. Одно изъ двухъ: или положеніе вещей было дѣйствительно таково, какъ утверждалъ это Тэльке, — и тогда онъ съ осени 1868 года игралъ еще болѣе позорную роль, нежели Швейцеръ; или Тэльке, благодаря своему фантастическому культу организаціи, сжился со всевозможными химерами, чтобы объяснить непонятное ему сопротивленіе противъ возстановленія въ чистомъ

видѣ организаціи Лассаля. Теперь, когда всѣ относящіеся къ данному вопросу факты лежатъ на ладони, не остается сомнѣнія въ томъ, что вѣрнымъ было второе предположеніе. Тэльке былъ честнымъ человѣкомъ и искренно вѣрилъ въ созданныя его воображеніемъ небылицы; нравственно его здѣсь оправдывало то, что онъ себѣ самому удѣлилъ во всей исторіи самую худшую роль, но въ этомъ случаѣ полная несуразность его обвиненія дѣлается еще очевиднѣе. Предположеніе, что Швейцеръ предалъ профессіональное движеніе, дабы услужить прусскому правительству, не имѣетъ никакого основанія, да и все неприличіе посѣщенія канцеляріи полицей-президента устраняется, если припомнить обстоятельства, при которыхъ Тэльке былъ вызванъ Швейцеромъ въ Берлинъ. Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ былъ тогда закрытъ въ Лейпцигѣ и снова открытъ въ Берлинѣ безъ всякой программы; когда Швейцеръ, придававшій большое значеніе формальной сторонѣ организаціи союзовъ и старавшійся возможно дольше держаться на почвѣ законности, пошелъ съ Тэльке къ полицей-президенту для того, чтобы убѣдиться, что полиція признаетъ замѣстительство Тэльке, то онъ въ этомъ случаѣ поступилъ не хуже, чѣмъ годомъ позже Бракке, который также обратился въ полицейскую дирекцію Брауншвейга, чтобы узнать, не встрѣчаетъ ли полиція препятствій къ открытію въ этомъ городѣ комитета эйзенахцевъ. Швейцеръ былъ бы не только негодяемъ, но и большимъ глупцомъ, если бы, желая оставить рабочее движеніе въ предательскихъ рукахъ, онъ выписалъ для этого изъ-за тысячи верстъ умнѣйшаго изъ своихъ приверженцевъ и далъ ему мѣсто шпіона при полицей-президентѣ. Онъ вѣдь не могъ не знать, что старый борецъ на баррикадахъ поднялъ бы сильнѣйшій шумъ, если бы дѣло обстояло дѣйствительно такъ, какъ пять лѣтъ спустя Тэльке себѣ вообразилъ.

Также и обвиненія въ растратахъ, возведенныя на

Швейцера, разсѣиваются какъ дымъ, если разсмотрѣть ихъ внимательнѣе. Онъ дѣйствительно взялъ 500 талеровъ изъ общественной кассы и отдалъ ихъ своему банкиру; но этотъ послѣдній былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и банкиромъ общества, къ которому доходы Союза, какъ только они достигали извѣстной суммы, должны были быть относимы. Швейцеръ совершилъ только ту формальную ошибку, что, при внесеніи суммы, онъ не взялъ съ собой двухъ членовъ комитета Союза, какъ это предписывалъ статутъ. Похищенія онъ вообще не могъ сдѣлать безъ соучастія кассира Союза; къ тому же, по поводу возникшихъ упрековъ эйзенахцевъ противъ Швейцера, общее собраніе 1871 года разсмотрѣло самымъ точнымъ образомъ состояніе кассы и единогласнымъ заключеніемъ признало, что все было въ порядкѣ.

Во время этихъ споровъ Швейцера обвиняли также въ томъ, что касса Союза была имъ ограблена не противозаконнымъ образомъ, а въ силу его диктаторскихъ полномочій. Между тѣмъ, Швейцеръ работалъ для Союза совершенно безвозмездно до тѣхъ поръ, пока ему не навязали въ 1869 году, противъ его воли, 45 талеровъ ежемѣсячнаго жалованья, которое онъ самъ уменьшилъ до 25 талеровъ и долго ихъ совсѣмъ не бралъ; если же позже онъ ихъ и сталъ брать, то это случилось только въ концѣ его предсѣдательства, когда онъ предпринялъ свое послѣднее большое путешествіе въ ноябрѣ и декабрѣ 1869 года, и когда долженъ былъ получать обычныя агитаторскія суточныя деньги. Прежнія же тысячи талеровъ, которыя онъ будто бы поглотилъ, были истрачены на печатный органъ Союза и мало превышали размѣръ судебныхъ издержекъ и штрафовъ, которымъ „Соціалъ-демократъ“ подвергся въ продолженіе своего шестилѣтняго существованія. Въ первые годы штрафы, падавшіе на газету, оплачивались изъ средствъ Гофшттетена; послѣ ихъ истощенія помогала касса Союза до того времени,

пока Швейцеръ, по смерти своего отца, не получилъ собственнаго состоянія; съ этого момента онъ на свой счетъ велъ балансы „Соціалъ-демократа“, до тѣхъ поръ, пока партія не приняла газету и отчасти ея обязательства на себя. Такимъ образомъ, суммы, которыя номинально получалъ Швейцеръ, но въ дѣйствительности — органъ Союза, состояли изъ 2,000 талеровъ, выдача которыхъ воспослѣдовала по разрѣшенію общихъ собраній въ 1868 и 1871-мъ годахъ; сюда же присоединились менѣе значительныя суммы, какъ напр., нѣсколько сотъ талеровъ, которые берлинскіе члены собрали въ пользу партійной газеты, во время франко-прусской войны. Противники Швейцера опредѣлили однажды эту сумму въ 2500 талеровъ; можетъ быть, она была именно такой, или выше, или ниже ея, но все же дѣло идетъ объ употребленіи ея для важной, если не сказать важнѣйшей цѣли партіи, объ употребленіи, принесшемъ громадные проценты. Это употребленіе занесено въ исторію партіи какъ вполнѣ достойное, ибо „Соціалъ-демократъ“ для 60-хъ годовъ былъ такимъ же классическимъ органомъ пролетаріата, какимъ „Новая Рейнская Газета“ (Neue Rheinische Zeitung) была для годовъ революціи и какимъ „Цюрихскій Соціалъ-демократъ“ (Züricher Sozialdemokrat) впослѣдствіи сдѣлался для 80-хъ г.

Еще другіе утверждали, что Швейцеръ не принесъ кассѣ Союза никакого вреда, но, напротивъ, будто бы онъ поддерживалъ ее изъ тайнаго фонда правительства и изъ этого же источника черпалъ средства для своей роскошной жизни. Однако общія собранія 1870 и 1871 годовъ, послѣ тщательнаго разслѣдованія, единогласно признали, что никогда ни одинъ пфенигъ не попадалъ въ кассу изъ недостаточно чистыхъ источниковъ, а роскошный образъ жизни Швейцера начался только послѣ того, какъ онъ получилъ наслѣдство отъ отца; до тѣхъ же поръ онъ велъ очень скромную жизнь и послѣ своего отказа отъ агитаціи съ

трудомъ перебивался въ качествѣ драматическаго писателя.

Мы останавливаемся на этихъ частностяхъ нѣсколько подробнѣе, потому что онѣ когда-то играли большую роль въ исторіи Соціалъ-демократической Партіи, а также потому, что онѣ затрагиваютъ честь человѣка; но для историческаго вопроса о виновности Швейцера онѣ не имѣютъ никакого значенія. Этотъ вопросъ разрѣшается въ двухъ другихъ вопросахъ: проводилъ-ли Швейцеръ послѣдовательную и строго продуманную политику, которая, при всей спорности въ частностяхъ, въ общемъ исходила изъ интересовъ рабочаго класса, а не изъ интересовъ правительства? И могъ-ли полицейскій агентъ вести на буксирѣ своихъ цѣлей мощно развивающееся движеніе, охватившее сильнѣйшіе и прогрессивнѣйшіе слои пролетаріата? Отвѣтъ на эти вопросы даютъ историческіе факты.

Дебаты комитетскаго засѣданія продолжались на общемъ собраніи, которое состоялось въ маѣ 1872 г. въ Берлинѣ. Снова поднялись обвиненія противъ Тэльке, и одинъ депутатъ предложилъ исключить его, что было бы вполнѣ резонно, если бы все обстояло такъ, какъ утверждалъ Тэльке. Но это угрожало новымъ кризисомъ Союзу, и тутъ-то начали обнаруживаться вредныя стороны культа, предметъ котораго составляла самая строгая централизація. Эйзенахцы исчерпали-бы конфликтъ, каковъ бы онъ ни былъ, до конца со свойственной имъ послѣдовательностью, которой не хватало у лассальянцевъ; послѣдніе выше ставили интересы Союза. Еще во время переговоровъ, когда Швейцеръ присутствовалъ на нихъ въ качествѣ посторонняго лица, его заставили покинуть залу, такъ какъ-де онъ не былъ членомъ Союза. Все дѣло для изслѣдованія было передано особой комиссіи, которая нашла, что противъ Швейцера имѣются важныя и тяжкія улики, заставляющія относиться къ нему съ недовѣріемъ; однако, опредѣленныхъ фактовъ для его

обвиненія она не могла представить. Гассельману удалось очиститься отъ всякихъ подозрѣній; относительно же Тэльке комиссія высказалась, что онъ не могъ раньше поступать иначе, такъ какъ не располагалъ еще точными доказательствами. Оба послѣднихъ объяснились-де между собой, чѣмъ и исчерпывается все предложеніе объ исключеніи Тэльке; общее собраніе должно выразить имъ обоимъ свое довѣріе. Это рѣшеніе комиссіи было принято всѣми голосами противъ одного; тогда же общее собраніе вынесло то постановленіе, по которому Швейцеръ не могъ быть болѣе принятъ во Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ; 5595 голосовъ было подано за это рѣшеніе, 1177 противъ него и 1219 воздержалось отъ голосованія.

Какъ только эти происшествія стали извѣстны изъ протокола общаго собранія, они, естественно, вызвали среди эйзенахцевъ большое возбужденіе. „Volksstaat“ писалъ по этому поводу: „Теперь, наконецъ, подтвердилось все, что съ нашей стороны приводилось противъ Швейцера“, и такъ же, какъ и многіе лассальянцы, прибавилъ: „Но если Швейцеръ виноватъ, то не менѣе виноваты и Газенклеверъ, Гассельманъ и Тэльке“. Эйзенахцамъ было простительно, если они выказали такое усердіе въ обвиненіи Тэльке, который въ 1859 году величалъ Либкнехта и Бебеля обманщиками, тогда какъ онъ, согласно своему теперешнему утвержденію, будто уже тогда зналъ, что Швейцеръ состоитъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ прусской полиціей. Лассальянцы слишкомъ поздно спохватились въ своей грубой ошибкѣ и старались ее теперь какъ-нибудь замаскировать. „Новый Соціалъ-демократъ“ съ этой цѣлью сказалъ, что при осужденіи Швейцера имѣли въ виду не его отношенія къ прусскому правительству, которыя не были доказаны, его и не въ этомъ укоряли, а дѣло шло о „совершенно иныхъ вещахъ“. Эти отношенія, конечно, не были доказаны, но упрекали его именно въ нихъ, а „совершенно иныя вещи“ за-

ключались въ невинныхъ запискахъ объ исторіи Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза, которыя Рудольфъ Мейеръ получилъ отъ Швейцера для своихъ историческихъ трудовъ о рабочемъ движеніи. Швейцеръ случайно разсказалъ эту невинную исторію въ редакціи „Новаго Соціалъ-демократа", и маленькая литературная услуга, которую онъ оказалъ хотя консервативному, но независимому писателю, симпатизирующему рабочему движенію, могла быть только потому раздута въ „измѣну", что „Новый Соціалъ-демократъ" приписалъ форму, которую придалъ этимъ сообщеніямъ Мейеръ, самому Швейцеру.

Такимъ образомъ, дѣло примиренія обѣихъ фракцій совершенно разстроилось. Тѣмъ не менѣе, Volksstaat еще не терялъ надежды и настаивалъ на томъ, что лассальянцы должны отказаться и отъ „швейцаровъ", послѣ того какъ они освободились отъ Швейцера. Но эти старанія вызывали какъ разъ противоположное дѣйствіе. Своимъ рѣзкимъ постановленіемъ, отпечатаннымъ на самомъ видномъ мѣстѣ газеты „Volksstaat", контрольная коммиссія въ Бреславлѣ положила конецъ всей тактикѣ объединенія, которая, по ея вѣрному замѣчанію, должна была вырыть еще большую пропасть между ними, вмѣсто того, чтобы примирить ихъ.

Тѣмъ временемъ, замѣтка о томъ, что Швейцеръ выброшенъ и лассальянцами, обошла всю буржуазную прессу; въ пылу своего перваго возбужденія Швейцеръ направилъ въ органы этой прессы статью, въ которой онъ говоритъ, что такія явленія „неблагодарности или тупоумія" неудивительно встрѣтить „у людей, изъ которыхъ только небольшая часть способна воодушевиться новой идеей, тогда какъ значительно бóльшая часть изъ нихъ руководится завистью къ высшимъ классамъ или другими еще болѣе некрасивыми побужденіями, никогда не выходя изъ своего ограниченнаго кругозора". Это были несправедливыя слова, которыхъ Швейцеръ изъ-за уваженія къ самому

себѣ не долженъ былъ говорить, но это были не послѣднія его слова. Когда изъ сочувствія къ Швейцеру отъ союза отпалъ гамбургскій уполномоченный Брауеръ со своими 100 приверженцами, то Швейцеръ рѣшительно отказался принять на себя руководительство ими, чтобы ради своихъ личныхъ интересовъ не нагромоздить препятствій на пути рабочаго движенія. Вмѣсто новаго разъединенія онъ рекомендовалъ въ прокламаціи, обращенной „къ рабочимъ Германіи", объединеніе обѣихъ фракцій партіи. Объ обидѣ, которую онъ потерпѣлъ, онъ выражался слѣдующимъ образомъ: „Если я невиненъ, то общее собраніе совершило надо мной постыдную несправедливость; если я виновенъ, то общее собраніе совершило постыдную несправедливость по отношенію ко Всеобщему Германскому Рабочему Союзу, оставляя на службѣ партіи тѣхъ лицъ, которыя цѣлыми годами были со мной въ ближайшемъ соприкосновеніи, могли слѣдить за каждымъ моимъ шагомъ, которые при всѣхъ моихъ поступкахъ по должности были орудіемъ исполненія, и потому такъ же виноваты, какъ и я". Далѣе Швейцеръ обосновываетъ въ кристаллически-ясномъ изложеніи, напоминающемъ его лучшіе дни, необходимость и возможность объединенія: „Съ вождями, если они хотятъ его; безъ нихъ, если они остаются бездѣятельными; вопреки имъ, если они противодѣйствуютъ; единеніе во что бы то ни стало". Не безъ душевнаго волненія читаешь пожелтѣвшіе листы, честное и умное прощальное слово человѣка, который въ самыя трудныя времена испытанной рукой управлялъ рулемъ соціалъ-демократіи и оказалъ сознательному пролетаріату неизгладимыя услуги, который, опутанный послѣдствіями своихъ лучшихъ стремленій, совершилъ ту или иную несправедливость, но самъ до этого потерпѣлъ еще худшую. Вслѣдъ за этимъ, спустя не полныхъ три года, Швейцеръ умеръ въ Швейцаріи.

Практическихъ результатовъ его прокламація не

имѣла, даже „брауерцы" остались отдѣльной маленькой фракціей безъ всякаго вліянія. Распря между обѣими большими фракціями продолжалось въ 1875-мъ году въ формѣ еще болѣе рѣзкой, чѣмъ когда-либо раньше. „Volksstaat" соглашался съ объясненіемъ, которое далъ Зоннеманъ весной того же года по поводу пивного бунта во Франкфуртѣ на Майнѣ, а именно, что это лассальянцы устроили его по порученію прусскаго правительства, чтобы потрясти желѣзную скалу гражданской добродѣтели, человѣческаго дружелюбія и пароднаго суверенитета — разумѣй: франкфуртскую биржевую демократію; а Тэльке опубликовалъ брошюру, въ которой онъ доказывалъ, что графиня Гатцфельдъ, Либкнехтъ и Швейцеръ были всегда тайными союзниками, которые, прикинувшись противниками, своей публичной борьбой хотѣли погубить рабочее движеніе. Это было похоже на то, какъ если бы фракціи всѣ свои заботы направляли лишь на то, чтобы въ предстоящіе дни примиренія ни одна изъ нихъ не имѣла возможности въ чемъ-либо упрекнуть другую.

4. Эра Тесендорфа.

Новые выборы въ рейхстагъ, которые произошли 10 января 1874 года, открыли передъ всѣмъ свѣтомъ тотъ фактъ, что Бисмаркъ въ теченіе трехъ короткихъ годовъ упустилъ случай использовать чрезвычайно благопріятную ситуацію, благодаря чрезвычайной своей недальновидности. И вотъ онъ былъ наказанъ тѣмъ же самимъ, чѣмъ самъ грѣшилъ. Наемная пресса называла каждое противодѣйствіе его деспотизму „антигосударственнымъ умысломъ", а теперь выборы показали, что, не считая полумилліона прогрессивныхъ голосовъ, которые по счету Бисмарка оцѣнивались на половину „дружественно" и на половину „враждебно къ государству", 2408549 голосовъ, расположенныхъ безусловно „дружественно къ государству", имѣли про-

тивъ себя 2.339,936 голосовъ, безусловно „враждебныхъ государству“. Такимъ образомъ, друзья государства имѣли скромное большинство изъ 74613 голосовъ, да и это большинство фактически было очень сомнительнымъ, если принять во вниманіе то обстоятельство, что многія сотни тысячъ „дружественныхъ къ государству“ голосовъ получаются при выборахъ извѣстными средствами.

Благопріятнѣе, чѣмъ отношеніе поданныхъ голосовъ, представлялось для Бисмарка, конечно, распредѣленіе мандатовъ. Націоналъ-либералы и партія центра въ среднемъ дали полтора милліона голосовъ, на долю первыхъ пришлось около 150, а на долю вторыхъ около 100 мандитовъ Особенно не повезло въ этомъ отношеніи соціалъ-демократамъ. Они пріобрѣли значительное число голосовъ (351.670), что составило больше шести процентовъ всѣхъ поданныхъ голосовъ, изъ нихъ лассальянцы получили 180.319, эйзенахцы — 371.351 голосовъ. Но лассальянцы пріобрѣли во время первыхъ выборовъ только два избирательныхъ округа въ Шлезвигъ-Голштиніи: Альтона (Газенклеверъ) и Плэнъ-Зегебергъ (Реймеръ), а эйзенахцамъ досталось лишь 6 избирательныхъ округовъ въ королевствѣ Саксоніи: Фрейбергъ (Гейбъ), Миттвейде (Вальтейхъ), Хемницъ (Мостъ), Глауахау-Меранъ (Бебель), Цвиккау-Криммичау (Моттелеръ) и Штольбергъ-Шнеебергъ (Либкнехтъ). На выборахъ находилось еще 11 соціалъ-демократовъ: въ Берлинѣ VI и Вестгавелландѣ, въ Гамбургѣ I и II, въ Ицегое и Килѣ, въ Дрезденъ-Альтштадтѣ, Лейпцигѣ—сельскаго округа и Борнѣ, въ княжествѣ Рейсъ ст. линіи и въ Эберфельдъ-Барменѣ. Изъ нихъ вышелъ побѣдителемъ только Гассельманъ въ Эберфельдъ-Барменѣ и Іоганнъ Якоби въ Лейпцигскомъ сельскомъ округѣ. Однако, Якоби отказался отъ избранія, и его избирательный округъ, при вторичныхъ выборахъ, былъ опять потерянъ. Якоби послѣ Лейпцигскаго процесса о государственной измѣнѣ присое-

динился къ эйзенахцамъ путемъ публичнаго заявленія, практически же онъ не хотѣлъ теперь работать, такъ какъ не могъ признать правонарушенія, которое лежало въ основаніи новой имперіи. На это „Volksstaat“ отвѣтилъ, со всѣмъ подобающимъ Якоби уваженіемъ: „Настолько, насколько законенъ прусскій государственный строй и прусскій Ландтагъ, гдѣ Якоби такъ долго работалъ, законна и новая имперія, и разъ Якоби уже сталъ на эту точку зрѣнія, то онъ не долженъ былъ выставлять свою кандидатуру въ подающемъ столь большія надежды избирательномъ округѣ“. Какъ сильно отличался языкъ, которымъ это было высказано, отъ языка демократической еженедѣльной газеты, шесть лѣтъ тому назатъ еще питавшей столь большія надежды на политическіе протесты Якоби!

Несмотря на малое число — только девять — пріобрѣтенныхъ мандатовъ, соціалъ-демократическіе избиратели могли съ большимъ удовлетвореніемъ смотрѣть на результаты своихъ усилій. Въ королевствѣ Саксоніи, въ Шлезвигъ - Голштиніи, въ ганзейскихъ городахъ: Гамбургѣ, Бременѣ и Любекѣ больше трети всѣхъ голосовъ подано было за ихъ кандидатовъ; въ сѣверныхъ и средне-нѣмецкихъ мелкихъ государствахъ, а именно, въ Брауншвейгѣ и въ Тюрингіи, они могли указать на весьма крупныя цифры; изъ всѣхъ прусскихъ провинцій — Познань была единственной, гдѣ они еще не имѣли приверженцевъ; въ восточной Пруссіи они обладали уже 3662 голосами, въ Помераніи 4918-ью; 11279 голосовъ, поданныхъ за нихъ въ Берлинѣ, не стояли, правда, на уровнѣ ожидаемыхъ успѣховъ, но все же Газенклеверъ попалъ въ главной цитадели свободомыслящихъ, въ участкѣ машиностроительныхъ рабочихъ, на перебаллотировку съ Шульце-Деличемъ; и паническій ужасъ буржуазіи по поводу этого симптоматическаго предзнаменованія для будущаго положенія вещей вполнѣ вознаградилъ за послѣдо-

вавшее затѣмъ легкое разочарованіе. Относительно медленнѣе прогрессировала Рейнская провинція — Вестфалія, Шлезвигъ и Баварія, три округа, откуда, главнымъ образомъ, беретъ своихъ приверженцевъ партія центра. Тѣмъ не менѣе, протестантская Франконія составляла въ Баваріи съ 11,029 голосами похвальное исключеніе. Въ Вюртембергѣ политика партіи еще не предуказала совершенно ясный путь; въ нѣкоторыхъ избирательныхъ округахъ соціалъ-демократія съ самаго начала вступила въ компромиссы съ народной партіей, и въ самомъ Штуттгартѣ изъ-за выборовъ еще разъ вспыхнула ссора между эйзенахцами и лассальянцами. Послѣдніе пріобрѣли 1977, первые — 434 голоса; всего въ странѣ считалось 8954 соціалъ-демократическихъ голоса.

Въ Баденѣ вели агитацію изъ Маннгейма въ пользу лассальянцевъ—Дресбахъ и въ пользу эйзенахцевъ—обойщикъ Эргартъ; на обѣ фракціи вмѣстѣ выпало 3,516 голосовъ. Въ рейнской Баваріи, гдѣ со времени войны стала развиваться крупная промышленность, въ Кайзерслаутернѣ и, главнымъ образомъ, въ переднемъ Пфальцѣ пролетаріату недоставало необходимой школы; когда совершенно обѣднѣвшіе ткачи городка Ламбрехта при общинныхъ выборахъ рѣшительно выступили и прокатили на вороныхъ всѣхъ фабрикантовъ изъ ратуши, то новые пролетарскіе общинные совѣтники были очень легко устранены, такъ какъ въ хитрости и злоупотребленіяхъ они далеко уступали своимъ эксплоататарамъ.

Соціалъ-демократическія фракціи выступали отдѣльно въ избирательной борьбѣ и, казалось, во вредъ себѣ, потому что, если бы они съ самаго начала дѣйствовали совмѣстно, то, можетъ быть, этимъ выиграли бы нѣсколько лишнихъ мандатовъ; на самомъ же дѣлѣ, къ своей выгодѣ, потому что почти одинаковое число голосовъ, которые получила каждая изъ нихъ, дѣйствовало охлаждающе на обоюдную раздражи-

тельность. Лассальянцы видѣли, что эйзенахцы вовсе не плетутся въ хвостѣ буржуазной демократіи; въ свою очередь эйзенахцы признавали, что дружба лассальянцевъ съ правительствомъ — простая сказка. Политическая позиція и тактика лассальянцевъ были безупречны; такъ, во Франкфуртѣ на Майнѣ, гдѣ они имѣли рѣшающее значеніе при перебаллотировкѣ, имѣвшей мѣсто между Ласкеромъ и Зонеманомъ, они подали голосъ въ пользу своего стараго противника Зонемана. Тамъ, гдѣ ихъ собственные кандидаты попадали на перебаллотировку, обѣ фракціи поддерживали другъ друга; и дѣйствительно начало ихъ объединенія знаменуетъ собой день 10-го января 1874 года. Внѣшнее тяжкое положеніе партіи дало въ этомъ направленіи послѣдній толчокъ и повело къ полному сліянію, но оно не было главнымъ движущимъ стимуломъ его. Солидарность пролетаріата — его безусловно успѣшное, но и его единственное орудіе — обладаетъ стихійной мощью, свойственной силамъ природы; она можетъ дѣйствовать опустошительно и разрушительно тамъ, гдѣ она еще не уяснила себѣ своихъ цѣлей и гдѣ она чуетъ близость угрожающей ей опасности. Этимъ объясняется жестокая борьба фракцій, взаимныя обвиненія людей, которые одинаково показали себя во всѣ дни своей жизни вѣрными и испытанными борцами за интересы рабочаго класса, тяжкая судьба Швейцера. Но тамъ, гдѣ солидарность пролетаріата ясно видитъ передъ собою дорогу, она напираетъ съ непреоборимой силой, подобно рѣкѣ, которая, шумя и пѣнясь, пробивается чрезъ скалистый грунтъ, чтобы потомъ спокойно протекать въ широкомъ глубокомъ руслѣ. Для буржуазнаго разума явленіе это, конечно, непостижимо, иначе онъ не бился бы вотъ уже цѣлыя десятилѣтія въ безнадежномъ тупоуміи надъ вопросомъ: когда возможенъ расколъ въ рядахъ сознательнаго пролетаріата и когда онъ невозможенъ?

Вслѣдъ за выборами былъ созванъ рейхстагъ и

соціалъ-демократическіе депутаты пришли, такимъ образомъ, въ болѣе тѣсное соприкосновеніе другъ съ другомъ. Новый президентъ Форкенбекъ являлся, если это только было возможно, еще болѣе партійнымъ, чѣмъ его предшественникъ Симсонъ, и Бамбергеръ осмѣлился рекомендовать парламентскимъ представителямъ рабочаго класса утрированную сдержанность, чтобы не впасть въ немилость у хозяина дома. Конечно, буржуазное большинство и слышать не хотѣло о предъявленіи требованія о томъ, чтобы Либкнехтъ и Бебель, которые продолжали еще сидѣть въ крѣпости Губертусбургъ, были выпущены на свободу на все время сессіи рейхстага. Такимъ образомъ, всѣ семь соціалъ-демократическихъ депутатовъ были вынуждены къ тѣсному единенію. Правда, вначалѣ еще происходили разногласія во мнѣніяхъ, но они разрѣшались уже въ чисто-партійномъ духѣ и, кромѣ того, сами показывали, какъ былая враждебная обособленность стала мало-по-малу исчезать. Лассальянцы внесли демонстративное предложеніе о введеніи народной милиціи, направленное противъ новаго военнаго закона, и которое Либкнехтъ хотѣлъ внести еще въ 1867 году; а когда Мотелеръ провозгласилъ Имперію національнымъ общественнымъ организмомъ, то Гассельманъ возразилъ: „Безъ нѣмецкой Австріи новая имперія не представляетъ собой національный общественный организмъ; соціалъ-демократія должна желать цѣлокупной Германіи, которая, конечно, только при условіи свободы можетъ стать единой“. Во всѣхъ практическихъ вопросахъ политики обѣ партіи стояли плечо-о-плечо; онѣ единодушно протестовали противъ жандармской политики, направленной противъ католической церкви, и не менѣе единодушно бичевали тотъ безобразный пріемъ, который оказало шовинистское большинство эльзасъ-лотарингскимъ депутатамъ при ихъ первомъ вступленіи въ рейхстагъ.

Бисмаркъ опять внесъ въ новый рейхстагъ тѣ два

спеціальныхъ закона противъ пролетаріата, которые потерпѣли крушеніе въ предыдущій разъ, это—законъ о нарушеніи договора о наймѣ и 20-ый параграфъ положенія о печати; послѣдній, правда, въ нѣсколько смягченной формѣ. Однако, и на этотъ разъ ему не посчастливилось. Законъ о нарушеніи договора о наймѣ застрялъ въ комиссіи послѣ того, какъ Гассельманъ заклеймилъ его при первомъ чтеніи, назвавъ его „вызовомъ, брошеннымъ рабочему классу", также и о 20-мъ параграфѣ закона о печати либеральныя партіи пока и слышать не хотѣли. Законъ о печати, продиктованный Бисмаркомъ, былъ стереотипіей стараго прусскаго закона о печати, и, включая въ себѣ для самой Пруссіи небольшія льготы, въ отношеніи многихъ среднихъ и мелкихъ государствъ являлся рѣшительнымъ шагомъ назадъ; его, конечно, утвердили первымъ. Главными виновниками этой слабости были прусскіе либералы, которыхъ Бисмарку удалось соблазнить обѣщаніями капиталистической прибыли; за уничтоженіе залога и штемпельнаго налога на періодическую печать они продали свой политическій идеалъ свободной прессы. „Прогрессистская партія вмѣстѣ съ полученной прибылью была бы не прочь спасти и свою политическую послѣдовательность, но не успѣла она еще произнести свое страшное проклятіе по адресу національ-либеральной измѣны и снять съ себя всякую отвѣтственность за этотъ уродливый законъ о печати, какъ Ласкеръ сухо возразилъ ей: „Мы съ вами, господа, одного поля ягода, — и какъ ни полезно въ общемъ, что вы, прогрессисты, развертываете знамя принципа въ своей непреклонной рукѣ, тогда какъ мы, національ-либералы, беремъ на себя заботу о практическихъ интересахъ буржуазіи, — все же вы на этотъ разъ слишкомъ далеко зашли въ своихъ словопреніяхъ и принуждены уже голосовать вмѣстѣ съ нами за этотъ законъ, разъ вы не рѣшаетесь вмѣстѣ съ нами голосовать противъ него". Послѣ этого дружескаго

окрика прогрессисты пожертвовали партійнымъ принципомъ, чтобы спасти только прибыль. Суммы, попавшія въ карманы либеральныхъ собственниковъ газетъ, были немалыя, но въ общемъ либеральная буржуазія этимъ сдѣлала очень невыгодную сдѣлку. По крайней мѣрѣ, одинъ буржуазный публицистъ прекрасно разглядѣлъ сущность этой сдѣлки; это былъ Гидо Вейсъ, который вѣрно предсказалъ въ своихъ „Вѣсахъ", что если политическое давленіе на печать останется неизмѣннымъ и если послѣдуетъ облегченіе только въ отношеніи ея матеріальнаго положенія, то она приметъ еще болѣе промышленный характеръ, чѣмъ это было доселѣ, и самое идейное содержаніе ея станетъ въ возрастающей степени приноравливаться къ требованіямъ рынка. Буржуазное свободомысліе, которое такъ жалостно вопіетъ о безпринципности „дѣловой" печати, теперь „само себя высѣкло".

Еще важнѣе, чѣмъ законъ о печати, былъ военный законъ, который подлежалъ обсужденію въ рейхстагѣ весной 1874 года. Онъ затрагивалъ вопросъ буржуазнаго парламентаризма, который не былъ рѣшенъ въ эпоху „прусскаго конфликта", но былъ снятъ съ очереди революціей сверху. Образованіе сѣверонѣмецкаго союза и франко-прусская война представили удобный случай, послѣ вотированія рейхстагомъ неограниченныхъ суммъ, отложить въ долгій ящикъ вопросъ о томъ, надлежитъ ли парламенту ежегодно вотировать военный бюджетъ. Теперь нельзя было уже обойти молчаніемъ этотъ вопросъ — онъ долженъ былъ быть рѣшенъ. Проектъ военнаго закона, предложенный правительствомъ, требовалъ въ своихъ первыхъ параграфахъ, чтобы военная сила нѣмецкаго войска въ мирное время доходила до 401.659 человѣкъ, и чтобы это было навсегда утверждено закономъ. Этимъ провозглашался, что понимали въ 1867 г. даже самые уступчивые либералы, ничѣмъ неприкрытый абсолютизмъ. Отрекись рейхстагъ отъ

самаго значительнаго изъ числа немногихъ имѣющихся въ его распоряженіи средствъ политическаго воздѣйствія — и лже-конституціонный строй былъ бы увѣковѣченъ. Конечно, не нужно было либеральной буржуазіи обнаружить весною 1874 года ни особенной прозорливости, ни большого мужества, чтобы отбить покушеніе Бисмарка на цѣлость излюбленнаго ими конституціонализма. Прогрессисты вмѣстѣ съ національ-либералами обладали уже незначительнымъ большинствомъ, но такъ какъ они, въ дѣлѣ охраненія бюджетнаго права парламента, имѣли за своей спиной всѣхъ „крамольниковъ", то въ ихъ распоряженіи оказалось уже подавляющее большинство. Однако, Бисмаркъ зналъ этихъ людей, которымъ онъ однажды бросилъ уже въ лицо съ нескрываемымъ презрѣніемъ фразу: „Вы не представляете себѣ, господа, какъ много вы могли бы вынудить у меня въ 1867 г., если бы твердо стояли на своемъ". Не менѣе презрительно высказалъ онъ теперь національ-либераламъ, что они „избраны подъ паролемъ его имени" и потому должны просто повиноваться. Этой угрозы и шумнаго негодованія, которое Бисмаркъ заставилъ разыграть наемныхъ писакъ, было достаточно, чтобы приручить громадную массу національ-либераловъ; а ихъ вожакъ Бенигсенъ пошелъ еще дальше: онъ — нѣкогда руководитель Національнаго Союза—запятналъ свое все же безукоризненное прошлое, заявивъ, что со времени 1848 года не подымалось еще ни одного стихійнаго движенія изъ нѣдръ народныхъ массъ, подобнаго этому оффиціозному шуму, поднятому противъ бюджетнаго права рейхстага. Весьма незначительная часть національ-либераловъ подъ предводительствомъ Ласкера сдѣлала еще попытку къ сопротивленію, но когда послѣдній запросилъ прогрессистовъ, можно ли на нихъ разсчитывать, онъ получилъ въ отвѣтъ страшную вѣсть, что и между „непоколебимыми" многіе уже бѣгутъ. Такъ получилъ Бисмаркъ свой септеннатъ, законода-

тельную фиксацію на семь лѣтъ, что соотвѣтствовало его желаніямъ еще въ большей степени, чѣмъ безпредѣльная ея фиксація, потому что придворная и военная партіи, которыя съ завистью смотрѣли на его диктатуру, легче могли бы его обуздать, если бы военный бюджетъ былъ совершенно изъятъ изъ компетенціи парламента; а съ другой стороны—бюджетное право парламента тѣмъ, что его обрекли на семилѣтнюю летаргію, получило уже непоправимый ударъ. Бисмаркъ вынужденъ былъ нѣсколько рано прибѣгнуть къ помощи „плебисцита", но онъ все-же испыталъ удовольствіе замѣтить, что это послѣднее убѣжище бонопартизма оказалось болѣе дѣйствительнымъ средствомъ у положительныхъ нѣмцевъ, чѣмъ у вѣтреныхъ французовъ, а потому онъ впредь отвелъ для него почетное мѣсто въ домашней аптекѣ своей дипломатіи.

Во всѣхъ этихъ вопросахъ соціалъ-демократическіе уполномоченные стояли на стражѣ своихъ интересовъ. Невѣрно и то, что они постоянно произносили одну и ту же „соціалъ-демократическую рѣчь". Не мечтая о сомнительныхъ лаврахъ парламентскаго краснорѣчія, они говорили по существу, просто, ясно, по каждому вопросу, затрагиваемому ими; только въ общемъ прекрасныя рѣчи Гассельмана принимали порою сильную агитаціонную окраску. Ненависть враговъ уже не дѣлала болѣе различія между обѣими фракціями и обрушивалась какъ перомъ, такъ и механическими средствами репрессіи, одинаково какъ на эйзенахцевъ, такъ и на лассальянцевъ.

Со времени выборовъ „красный призракъ" наводилъ трепетъ повсюду, начиная кабинетомъ пресловутаго „сверхъ-человѣка" и кончая пивнымъ столомъ филистера. Тупой страхъ и тупое раздраженіе...—дальше этого не шли ни Бисмаркъ, ни филистеръ, хотя у нихъ не было недостатка въ разумномъ совѣтѣ. Послѣ поверхностной макулатурной литературы манчестерской

школы, посвященной рабочему движенію, мостъ къ ихъ историческому пониманію былъ перекинутъ аграрнымъ соціализмомъ и катедеръ-соціализмомъ, а въ 1874 году появилось два сочиненія, въ которыхъ передъ господствующими классами достаточно внушительно демонстрировались послѣдствія ихъ самоубійственнаго ослѣпленія.

Самое значительное изъ этихъ сочиненій было третье изданіе книжки Альберта Ланге о рабочемъ вопросѣ. Нѣкоторыя условія заставили Ланге приблизиться снова къ буржуазному міропониманію. Онъ былъ почти смертельно боленъ, когда его пригласили въ 1872 году въ Марбургскій университетъ; въ Швейцаріи онъ велъ съ непоколебимой твердостью славную борьбу во главѣ мелкобуржуазной и мелкокрестьянской демократіи; сочиненіе Брентано о „трэдъ-юніонахъ" также не осталось безъ вліянія на него. Ланге думалъ, что „значительныя работы" Брентано поколебали „крайніе взгляды" Маркса, по которымъ сильная профессіональная организація и широко развитое фабричное законодательство теряютъ все свое значеніе предъ необходимостью соціальной революціи. Но даже, когда Ланге ужъ не обращался спеціально по адресу рабочихъ, онъ все-таки не переставалъ быть ихъ вѣрнымъ другомъ. Онъ всегда выставлялъ высшей цѣлью всякой серьезной соціальной реформы „дѣйствительную и полную эмансипацію рабочихъ отъ ихъ недостойной зависимости отъ предпринимателей", и, ясно намекая на катедеръ-соціалистическій флюгеръ—проф. Адольфа Вагнера — высказался, что кто приводитъ цитаты изъ Франклина для того, чтобы доказать, что рабочіе могутъ улучшить свою судьбу только прилежаніемъ и бережливостью,—тому уже не помочь. Ланге, при всемъ его уваженіи къ работамъ Брентано, былъ также того мнѣнія, что вполнѣ законенъ вопросъ, не позволительно ли разсматривать достигнутыя съ большими усиліями завоеванія рабочихъ, столь часто каждый

разъ сызнова отымаемыя капиталомъ, — лишь какъ прелюдію къ коренному преобразованію отношеній, которое распространится какъ на формы государства, такъ и на формы собственности или владѣнія.

Такимъ образомъ, онъ подошелъ очень близко къ пониманію Маркса, который никогда не считалъ профессіональную организацію и фабричное законодательство лишенными значенія, но постоянно смотрѣлъ на нихъ только, какъ на „подготовленіе къ рѣшительному преобразованію“. Но по существу Ланге въ третьемъ изданіи своей книги обращался къ буржуазнымъ кругамъ читателей, тогда какъ въ ея первомъ изданіи онъ имѣлъ въ виду читателей изъ рядовъ пролетаріата. Онъ показалъ всю тщету иллюзій заинтересованныхъ буржуазныхъ экономистовъ и выступилъ съ ясными доводами въ рукахъ противъ предразсудковъ „образованныхъ“ филистеровъ: болѣе вѣрнаго Экарта (предостерегающаго пророка) не могла себѣ желать буржуазная культура, если она вообще заслуживала это названіе.

Значительно ниже по своему достоинству была другая книга, которая весною 1874 года явилась предостерегающимъ призывомъ, обращеннымъ къ буржуазнымъ кругамъ: „Квинтъ-эссенція соціализма“ — Шеффле. Въ политическомъ отношеніи весьма путанная голова, нѣкогда ненавистникъ пруссаковъ, исходившій изъ идей швабскаго демократическаго сепаратизма, впослѣдствіи австрійскій министръ торговли въ феодальномъ министерствѣ и, наконецъ, состоявшій при Бисмаркѣ и его „соціализмѣ подачекъ“ въ роли Эгеріи, — Шеффле никогда не понималъ историческаго основанія рабочаго движенія, которое Ланге такъ тонко понималъ. Онъ изложилъ научный коммунизмъ, какъ утопическую систему, которая, исходя изъ понятія о „капиталистической“ цѣнности, стремится обобществить средства производства; естественно, что такимъ путемъ пришелъ онъ къ цѣлому ряду грубыхъ ошибокъ. Что

онъ дѣйствительно сдѣлалъ и что сдѣлать въ 1874 году было дѣйствительной заслугой, это — открытая оппозиція „противъ тлетворнаго вліянія безсмысленныхъ паролей, извращеній, страстей, предразсудковъ, самообмана и доносовъ“, при помощи которыхъ буржуазія надѣялась опровергнуть и уничтожить мнимыхъ приверженцевъ „поравненія“. Шеффле считалъ обобществленіе производства средствъ вещью, возможность достиженія которой, по его мнѣнію, очень сомнительна, но онъ въ то же время показалъ, что если бы оно было возможно, то оно безконечно превосходило бы частное капиталистическое производство — этотъ „лучшій изъ міровъ“. Но его доказательства оказали столь же мало вліянія на буржуазную идеологію, какъ и доказательства Ланге; однако, раньше, чѣмъ это вліяніе могло расшириться и углубиться, пришелъ уже глашатай и пророкъ новаго царствія, чтобы своими громоносными ударами снова оглушить патріотовъ.

Это былъ Трейчке, опубликовавшій лѣтомъ 1874 года свои статьи о „соціализмѣ и его покровителяхъ“, въ которыхъ онъ предостерегаетъ всѣхъ патріотовъ отъ катедеръ-соціалистическаго лимонада, а также отъ неподдѣльнаго вина научнаго коммунизма, считая ихъ опасной отравой. По своему образованію и развитію Трейчке самъ долженъ бы принадлежать къ катедеръ-соціалистическому направленію, но, какъ наиболѣе честный и духовно одаренный между фанатиками „единства“ изъ среды буржуазіи, онъ почуялъ не обманувшимъ его инстинктомъ, что въ соціалъ-демократіи растетъ сила, которая въ побѣдоносномъ шествіи своемъ опрокинетъ всѣ идеалы буржуазіи, съ большими усиліями склеенные кровью и желѣзомъ. Понявъ это, онъ становится самымъ страстнымъ противникомъ соціализма. Никогда не занимаясь серьезно изученіемъ экономическихъ вопросовъ, онъ принужденъ былъ оперировать съ самыми застарѣлыми предубѣжденіями манчестерства, которыя онъ такъ

торжественно провозглашалъ, какъ будто приносилъ съ собой начало новаго божественнаго откровенія съ горы Синая. Своимъ утвержденіемъ, что соціально-политическую премудрость свою онъ почерпнулъ изъ соціальной статистики господъ манчестерцевъ, т. е. изъ источника, нигдѣ и никогда не существовавшаго, онъ самъ себѣ выдалъ свидѣтельство полнѣйшаго невѣжества въ области экономическихъ вопросовъ и самоотверженно принесъ свою славу историка на алтарь любезнаго отечества, дѣлая неожиданное заявленіе, что англійскіе фритредеры — родоначальники англійскаго фабричнаго законодательства. Гдѣ ему, однако, не удавалось выѣзжать на теоріи свободной торговли, тамъ онъ прибѣгалъ къ помощи естественно-научной доктрины. Если теорія всеисцѣляющей конкурренціи, какъ регулятора общественныхъ отношеній, теряла свой кредитъ, тогда онъ съ неменьшими удобствами плылъ подъ флагомъ борьбы за существованіе. Развитіе человѣческаго рода, по его утвержденію, зависитъ отъ вѣчнаго неравенства людей, ибо оно питается нищетой массъ и обновляется въ кровавой банѣ на поляхъ битвы. То, что Дарвинъ считалъ съ добросовѣстностью изслѣдователя у животныхъ инстинктомъ самосохраненія, то Трейчке провозглашалъ нравственнымъ закономъ человѣчества. Удачно замѣтилъ Гедо Вейсъ по этому поводу, что звѣрство впредь не должно стыдиться своего имени—идите и учитесь у хищнаго звѣря.

И они шли и учились у хищника. Какъ ни кадила и ни пѣла гимны консервативная и либеральная пресса по поводу новоявленнаго борца съ дракономъ, но Бисмаркъ былъ все-таки слишкомъ практичнымъ политикомъ, чтобы вѣрить въ библейское чудо, чтобы надѣяться на то, что стѣны Іерихона рушатся даже отъ такой могучей трубы. Онъ полагался только на конкретныя средства воздѣйствія; и такъ какъ рейхстагъ пока еще отказалъ ему въ исключительныхъ законахъ противъ рабочаго класса, то онъ

пришелъ къ тому довольно справедливому выводу, что можно дать орудіямъ мантейфельской реакціи болѣе широкое примѣненіе въ борьбѣ съ соціалъ-демократіей, чѣмъ это практиковалось до того времени. Главнымъ орудіемъ его при проведеніи этой политики былъ прокуроръ Тессендорфъ, ограниченный бюрократъ и плохой юристъ, но одна изъ тѣхъ раболѣпныхъ натуръ, которыя не гнушаются никакимъ пособничествомъ. Тессендорфъ, обратившій на себя вниманіе въ качествѣ прокурора, какъ ревностный преслѣдователь соціалъ-демократической агитаціи, былъ призванъ въ Берлинъ и нашелъ въ лицѣ седьмой депутаціи берлинскаго городского суда коллегію, вполнѣ достойную такого прокурора.

Уже въ январѣ 1874 года Тессендорфъ проявилъ себя въ качествѣ ретиваго охранителя государственныхъ основъ въ процессѣ наборщика Гейнша, бывшаго берлинскимъ довѣреннымъ лицомъ эйзенахцевъ,—который ни въ рѣчахъ, ни письменно ни въ чемъ не согрѣшилъ, но, какъ превосходный организаторъ рабочаго класса, уже заслуживалъ тяжелаго наказанія. Гейншъ былъ обвиненъ въ подстрекательствѣ и иныхъ преступленіяхъ за то, что онъ на одномъ рабочемъ праздникѣ раздавалъ карточки, на обратной сторонѣ которыхъ была напечатана широко распространенная и никогда не бывшая запрещенной рабочая пѣсня. Тессендорфъ за это преступленіе предложилъ два года тюрьмы, а седьмая депутація уменьшила наказаніе до одного года. При этомъ прокуроръ заявилъ, что онъ не замедлитъ привлечь къ отвѣтственности и Моста за то, что послѣдній помѣстилъ это стихотвореніе въ издаваемомъ имъ сборникѣ пѣсенъ. Сейчасъ же послѣ закрытія сессіи рейхстага, Мостъ, дѣйствительно, былъ арестованъ въ Майнцѣ и отправленъ въ Берлинъ, гдѣ его заперли въ одну камеру вмѣстѣ съ ворами и мошенниками, а послѣ предъявили ему обвиненіе въ томъ, что онъ въ своей рѣчи о парижской коммунѣ явился подстрекателемъ, такъ

какъ утверждалъ, что революція неизбѣжна, если господствующіе классы заблаговременно не рѣшатся дать необходимыя реформы. За эту „дерзкую угрозу“, которая въ сущности даже у самыхъ кроткихъ катедеръ-соціалистовъ была нерѣдко въ обращеніи, Тессендорфъ предложилъ три съ половиной года, а почтенные берлинскіе судьи признали полтора года тюремнаго заключенія.

Вообще Тессендорфъ и прочіе подобнаго пошиба прокуроры не находили нужнымъ стѣсняться въ преслѣдованіи эйзенахцевъ. Въ первые семь мѣсяцевъ 1874 года, не считая незначительныхъ проступковъ, за которые виновные поплатились денежными штрафами, въ одномъ только прусскомъ государствѣ въ 104 процессахъ было присуждено 87 лассальянцевъ, въ общемъ итогѣ—къ 211 мѣсяцамъ и тремъ недѣлямъ тюрьмы, и притомъ сплошь только на основаніи растяжимыхъ параграфовъ, наказующихъ за осмѣяніе государственнаго порядка, за подстрекательство различныхъ классовъ другъ противъ друга, за сопротивленіе властямъ, за оскорбленіе величества и тому подобные проступки, даже за оскорбленіе Бисмарка, въ чемъ провинился, на ряду со многими другими, и Газенклеверъ, приговоренный къ 3 мѣсяцамъ тюрьмы. Бисмаркъ додумался, наконецъ, до оригинальной мысли, на которую его старому покровителю Мантейфелю не удалось напасть; приказавъ отлитографировать тысячи обвинительныхъ формуляровъ, онъ въ часы досуга украшалъ ихъ своей собственноручной подписью, чтобы, по мѣрѣ надобности, направлять ихъ противъ критиковъ своей системы, какъ противъ оскорбителей своей персоны. Приговоры, обвинявшіе лассальянцевъ, оказались сплошь того же самаго юридическаго колибра, какъ и приговоры по дѣлу Гейнша и Моста, и такимъ образомъ слава седьмой депутаціи, какъ единственной въ своемъ родѣ, должна была вскорѣ потускнѣть. Здѣсь еще разъ подтвердилось то, что Гель-

веціусъ однажды сказалъ о судьяхъ-чиновникахъ и что подтвердилъ въ нѣсколько смягченной формѣ такой знаменитый юристъ, какъ Твестенъ: если бы чума раздавала ордена и пенсіи, тогда юристы доказывали бы, что чума существуетъ во имя Бога и права, и избѣгать ее — значитъ измѣнять престолу и отечеству.

Одинаково суровое преслѣдованіе лассальянцевъ и эйзенахцевъ снова удалило значительную часть стараго мусора, который еще залегалъ между двумя соціалъ-демократическими фракціями. Все же общее собраніе лассальянцевъ, которое состоялось на Троицѣ въ Ганноверѣ, отклонило предложеніе о соединеніи съ эйзенахцами, тогда какъ конгрессъ эйзенахцевъ, который пару мѣсяцевъ спустя засѣдалъ въ Кобургѣ, обнаружилъ склонность къ объединенію; но обсужденіе практическихъ средствъ къ его осуществленію было отложено до будущаго года. Единственнымъ препятствіемъ къ полному сліянію былъ теперь вопросъ объ организаціи. Эйзенахцы не хотѣли подчиняться черезчуръ централистической организаціи лассальянцевъ, между тѣмъ, какъ послѣдніе не хотѣли отъ нея отказаться, хотя общее собраніе, въ Ганноверѣ же, показало, что и на этотъ разъ не обошлось безъ столкновенія между вожаками фракціи, какъ неминуемаго слѣдствія характера ихъ организаціи. Но въ это именно время Тессендорфъ напалъ на эту счастливую мысль, что если онъ уничтожитъ соціалъ-демократическую организацію, то и сама соціалъ-демократическая партія перестанетъ существовать. Ничто не могло быть болѣе заслужено, какъ тѣ лавры, которыми соціалъ-демократическія газеты 70-хъ годовъ увѣнчали этого, такъ своевременно явившагося въ минуту жизни трудную — помощника.

Тотчасъ послѣ общаго собранія въ Ганноверѣ, были предприняты въ Берлинѣ многочисленные домашніе обыски у извѣстныхъ лассальянцевъ, и полныя кор-

зины найденныхъ у нихъ бумагъ были отвезены въ полицейскую дирекцію. Намѣренія правительства были, разумѣется, понятны, и Газенклеверъ, не медля, перенесъ мѣсто пребыванія Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза въ Бременъ. Но ужъ прошли тѣ времена, когда реакція считалась, по крайней мѣрѣ, со смысломъ и точнымъ содержаніемъ своихъ собственныхъ законовъ. Тэльке еще разъ попытался доказать въ „Новомъ Соціалъ-демократѣ", что къ организаціи союза нельзя придраться даже съ помощью прусскаго закона о союзахъ; и въ самомъ дѣлѣ, организація лассальянцевъ была полнѣе приноровлена къ этому закону, чѣмъ организація какой-либо другой политической партіи. Но редакція присовокупила къ словамъ Тэльке столь же краткое, какъ и вѣрное примѣчаніе, что если существуетъ твердое намѣреніе закрыть Союзъ, то юридическія сомнѣнія послужили бы къ тому самымъ послѣднимъ препятствіемъ. Уже 26 іюня Тессендорфъ выработалъ судебное рѣшеніе, которое постановляло предварительное закрытіе Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза. Предлогомъ здѣсь, какъ и при прежнихъ закрытіяхъ, послужилъ восьмой параграфъ закона о союзахъ, касающійся образованія филіальныхъ отдѣленій. Подобнымъ же образомъ было поступлено съ профессіональными союзами лассальянцевъ и союзомъ работницъ, который началъ организовывать женское пролетарское движеніе; вскорѣ настала очередь и берлинской организаціи эйзенахцевъ. Какъ право союзовъ, такъ и право собраній для рабочихъ въ дѣйствительности не существовали больше: ихъ собранія распускались въ виду подозрѣнія, что они представляютъ собой въ новой формѣ старую, закрытую властями, организацію. Словомъ, эра Тессендорфа воочію показала, что контръ-революція можетъ злоупотреблять реакціонными законами о союзахъ, направленными противъ пролетаріата, еще совершенно иначе, чѣмъ она нѣкогда злоупотребляла ими по отношенію къ буржуазіи.

Но именно благодаря этому, объединеніе обѣихъ соціалъ-демократическихъ фракцій стало неотложной необходимостью. Разъ внѣшнія опоры организаціи пали, партія могла пріобрѣсти тѣмъ большую устойчивость, чѣмъ болѣе крупную величину она собой являла. Лассальянцы это поняли теперь и рѣшили поступать соотвѣтственно этому. До извѣстной, но все же незначительной, степени повліяли и честолюбивыя соревнованія ихъ вожаковъ на болѣе быстрое соединеніе съ эйзенахцами; но рѣшающимъ обстоятельствомъ было то, что Тессендорфъ удалилъ съ поля зрѣнія послѣднее яблоко раздора и своими жестокими преслѣдованіями еще крѣпче сковалъ воедино сплоченную фалангу сознающаго свои классовые интересы пролетаріата. Тэльке, бывшій доселѣ самымъ закоренѣлымъ фанатикомъ организаціи лассальянцевъ, осенью 1874 года обратился къ Гейбу и Либкнехту, которые безъ замедленія приняли протянутую руку примиренія.

15 декабря 1894 года соціалъ-демократическіе депутаты рейхстага въ первый разъ обсуждали подробности объединенія. На вопросъ Гейба объ условіяхъ лассальянцевъ, Гассельманъ выставилъ главнымъ требованіемъ рѣшительное признаніе той и другой стороной пролетарской классовой борьбы. Эйзенахцы, кажется, были искренно поражены этимъ требованіемъ, такъ какъ ожидали услышать требованія спеціально лассалевской программы, чуть ли не производительныхъ ассоціацій съ государственнымъ кредитомъ; между тѣмъ, Гассельманъ, наученный всей предшествовавшей исторіей своей фракціи, только это требованіе и могъ выставить въ качествѣ необходимаго условія объединенія. Эйзенахцы, разумѣется, тотчасъ же согласились. Вечеромъ того же дня состоялось общее собраніе, на которомъ делегаты обѣихъ фракцій были привѣтствуемы берлинскими рабочими бурными ликованіями.

Три недѣли спустя оба потока рабочаго движенія слились также и въ Гамбургѣ воедино 1 января 1875

года умеръ въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ вѣрный Іоркъ, преждевременно изнуренный работой и борьбой. Лассальянцы и эйзенахцы вмѣстѣ устроили ему послѣдніе проводы внушительнымъ шествіемъ изъ пяти тысячъ человѣкъ, надъ которымъ развѣвалось двадцать знаменъ. Когда одинъ старый другъ Іорка присоединился у Голстенскихъ воротъ къ процессіи и спросилъ знаменоносца, какому цеху принадлежитъ это красивое знамя, то молодой крѣпкій рабочій отвѣтилъ ему: „Зачѣмъ вамъ? это безразлично: мы всѣ заодно“

Глава четвертая.

Объединительный конгрессъ въ Готѣ.

Детальныя совѣщанія по вопросу, какъ осуществить сліяніе обѣихъ фракцій, происходили въ Готѣ 14 и 15 февраля 1875 года. Съ каждой стороны было представлено по 9 членовъ; отъ лассальянцевъ здѣсь были: Газенклеверъ, Гассельманъ, Гартманъ, оба Капелля и Рейндерсъ, а отъ эйзенахцевъ—Либкнехтъ, Моттелеръ, Вальтейхъ, Гейбъ и кромѣ нихъ—Эдуардъ Бернштейнъ, молодой банковскій служащій изъ Берлина, Вильгельмъ Боккъ изъ Готы, которому принадлежитъ заслуга профессіональной организаціи сапожниковъ, и Игнацъ Ауэръ, обнаружившій выдающіяся способности въ качествѣ руководителя саксонской избирательной кампаніей и занимавшій съ лѣта 1874 года, какъ замѣститель Іорка, должность секретаря партіи. Бебель тогда отбывалъ еще тюремное заключеніе.

Протоколъ этой предварительной конференціи не былъ опубликованъ, но результаты ея—два проекта организаціи и программы новой объединенной партіи—были обнародованы. Организаціонный проектъ избѣгалъ, вслѣдствіе реакціонныхъ преслѣдованій, образованія какихъ-либо союзовъ; къ партіи могъ принадлежать

всякій, признающій ея программу и энергично работающій въ ея интересахъ, а также сдѣлавшій денежное пожертвованіе. Диктаторское главенство было уничтожено, зато, въ видахъ сильной централизаціи, устанавливался выборъ должностныхъ лицъ партіи ежегоднымъ партійнымъ конгрессомъ. На ряду съ редакціями партійныхъ органовъ, которые пока должны были оба продолжать свое паралелльное существованіе, функціонировали исполнительный органъ изъ пяти членовъ, контрольная комиссія изъ 7 и комитетъ изъ 18 членовъ. При этомъ члены правленія и контрольной комиссіи должны были находиться въ одномъ мѣстѣ, члены же комитета могли быть и въ разныхъ мѣстахъ. Задача послѣдняго состояла въ томъ, чтобы рѣшать вопросы въ случаѣ разногласія во мнѣніяхъ между правленіемъ и контрольной комиссіей.

Проектъ программы представлялъ собою компромиссъ между прежними программами лассальянцевъ и эйзенахцевъ. Впрочемъ, компромиссъ этотъ былъ больше формальнаго характера, чѣмъ по существу. Изъ своихъ убѣжденій ни одна изъ фракцій ничѣмъ не пожертвовала по той простой причинѣ, что убѣжденія ихъ въ существенномъ совпадали. Поскольку вообще между ними существовала разница, лассальянцы являли собой болѣе развитую фракцію, и потому имъ удалось ввести въ новую программу всѣ свои боевыя требованія: полный продуктъ труда для рабочихъ, желѣзный законъ заработной платы, производительныя ассоціаціи съ государственнымъ кредитомъ, „единую реакціонную массу“; но все это было сдѣлано такъ, что эйзенахцамъ здѣсь не пришлось поступиться своимъ болѣе цѣлостнымъ міросозерцаніемъ. Единственное изъ этихъ требованій, бывшее для эйзенахцевъ нѣсколько чуждымъ, а именно — производительныя ассоціаціи съ государственнымъ кредитомъ, было изложено въ такомъ видѣ, въ какомъ лассальянцы его всегда выставляли, такъ что эйзе-

нахцы могли, не предаваясь сомнѣніямъ, подписать его.

Уже первое основное положеніе: „Трудъ есть источникъ всякаго богатства и всякой культуры, и такъ какъ полезный трудъ осуществляется лишь въ обществѣ и посредствомъ общества, то продуктъ труда долженъ полностью принадлежать всѣмъ членамъ общества на равныхъ правахъ"—было одинаково близко обѣимъ фракціямъ. Это было вѣрной формулировкой той мысли, что разъ общественно-необходимый трудъ создаетъ всѣ цѣнности, то эти цѣнности также полностью принадлежатъ всѣмъ рабочимъ. Предъявленіе со стороны рабочаго требованія „полнаго продукта своего труда" было покоющимся на нравственномъ, на „естественномъ правѣ" протестомъ противъ земельной ренты и прибыли на капиталъ, противъ присвоенія господствующими классами прибавочной стоимости. Пониманіе того, что прибавочная стоимость есть рычагъ, который обращаетъ капиталистическое общество въ соціалистическое, что соціалистическое общество производитъ, какъ таковое, что продуктъ общей работы, такимъ образомъ, принадлежитъ всему обществу и между отдѣльными членами общества можетъ быть лишь „въ умаленномъ видѣ" и постольку распредѣленъ, поскольку онъ не потребуется для общественныхъ цѣлей,—это пониманіе для обѣихъ фракцій было еще не ясно. Помимо же этого, въ принципіальной части программы, если не говорить объ отдѣльныхъ поддающихся оспариванію неточныхъ выраженіяхъ, достаточно ясно выражены: превращеніе орудій производства въ общее достояніе общества, полное устраненіе наемнаго труда, пролетарская классовая борьба, какъ единственное средство для освобожденія рабочаго класса. Не менѣе ясно подчеркивалась необходимость дѣйствовать прежде всего въ національныхъ рамкахъ, но также и отдавалось должное задачамъ и обязанностямъ интернаціональнаго рабочаго движенія.

Практическія требованія, которыя проектъ программы предъявлялъ къ капиталистическому обществу простирались на полную демократизацію государства, на неограниченную свободу союзовъ, на далеко идущее защитительное рабочее законодательство. Какъ переходное средство отъ капиталистическаго общества къ соціалистическому, фигурировали производительныя ассоціаціи съ государственнымъ кредитомъ, которыя должны находиться подъ демократическимъ контролемъ трудящагося народа и учреждаться какъ въ области сельскаго хозяйства, такъ и промышленности въ такихъ размѣрахъ, чтобы изъ нихъ впослѣдствіи развилась соціалистическая организація совокупнаго труда.

Какъ извѣстно, Марксъ подвергъ этотъ проектъ программы очень строгой критикѣ въ своемъ письмѣ, присланномъ имъ 5 мая изъ Лондона Браке, Гейбу, Ауэру, Бебелю и Либкнехту. Читатель еще и теперь найдетъ въ немъ много цѣннаго, поскольку дѣло касается принципіально-положительныхъ воззрѣній, въ немъ изложенныхъ; что же касается спеціально критическихъ выпадовъ письма, то они зачастую основаны на чистомъ недоразумѣніи и именно потому, что они исходили изъ совершенно ложныхъ предпосылокъ. Марксъ не принялъ во вниманіе того обстоятельства, что проектъ программы служилъ точнымъ отраженіемъ теоретическихъ взглядовъ обѣихъ фракцій; онъ думалъ, что эйзенахцы понимаютъ уже научный коммунизмъ во всѣхъ его выводахъ, тогда какъ лассальянцы, по его мнѣнію, представляли собой отсталую секту, вынужденную, — будучи припертой историческимъ развитіемъ къ стѣнѣ, — сдаться эйзенахцамъ. Этой ошибкой вполнѣ объясняется сильное негодованіе, которое водило тогда его перомъ. Онъ ни въ коемъ случаѣ не преувеличивалъ значенія программъ, и вполнѣ открыто заявлялъ, что каждый шагъ практическаго движенія важнѣе, чѣмъ дюжина программъ; но онъ не хотѣлъ никакого „торга принципами“ и думалъ, что

лучше, чѣмъ идти на это, ограничиться простымъ соглашеніемъ въ цѣляхъ выступленія противъ общаго врага. Самъ по себѣ этотъ взглядъ былъ безусловно вѣренъ; если бы одна изъ обѣихъ фракцій пожертвовала хотя бы самой незначительной частью своихъ принциповъ, то новая объединенная партія этимъ, безъ сомнѣнія, была бы „деморализована"; тогда могло бы очень скоро дойти до новыхъ расколовъ, которые оказались бы тѣмъ болѣе опасными, что уже приближалось время, когда недостатокъ исчерпывающаго теоретическаго пониманія дѣлался практически очень чувствительнымъ.

Ошибка Маркса заключалась въ томъ, что въ теоретическомъ отношеніи онъ переоцѣнивалъ эйзенахцевъ и слишкомъ низко ставилъ лассальянцевъ. Трудно объяснить, какъ могъ онъ настолько ошибаться въ эйзенахцахъ, читая постоянно и внимательно „Volksstaat". Онъ долженъ былъ замѣтить, какъ много мѣста еще занимаетъ всяческій эклектическій соціализмъ на страницахъ этого органа эйзенахцевъ. Марксъ, повидимому, видѣлъ въ людяхъ, подобныхъ Дитцгену, воплощеніе нормальнаго эйзенахца, а борьба „Volksstaat'a" съ мнимымъ сектантствомъ лассальянцевъ была, кажется, главной причиной, почему онъ считалъ эйзенахцевъ теоретически болѣе развитыми, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ были. Легче понять, почему Марксъ цѣнилъ лассальянцевъ много ниже того, что они въ дѣйствительности представляли собой. Онъ никогда не читалъ „Der Neue Socialdemokrat", въ чемъ „Volksstaat" въ разгаръ фракціонной борьбы имѣлъ обыкновеніе всегда увѣрять, и если онъ судилъ о лассальянцахъ по тому, какъ ихъ отдѣлывали въ „Volksstaat", то вполнѣ понятно, до какой степени ложно въ самомъ корнѣ должно было быть его представленіе о нихъ.

Насколько далеки были эйзенахцы при обсужденіи проекта программы въ Готѣ отъ того, чтобы измѣнить своимъ принципамъ, настолько же мало ополчались

противъ нихъ лассальянцы тѣми доводами, въ выставленіи которыхъ подозрѣвалъ ихъ Марксъ. Привыкши вообще судить о рабочемъ движеніи по его существеннымъ основнымъ очертаніямъ, онъ на этотъ разъ подвергалъ явленія слишкомъ тонкому анализу и усматривалъ въ несовсѣмъ удачныхъ, шереховатыхъ или неточныхъ выраженіяхъ скрытыя намѣренія, которыхъ на самомъ дѣлѣ тамъ вовсе не было. Нельзя также отрицать, что личная антипатія къ Лассалю имѣла вліяніе на его сужденіе въ данномъ случаѣ. Было столь же жестоко, сколько и несправедливо утверждать, что Лассаль грубо исказилъ „Коммунистическій манифестъ“, чтобы замаскировать свой союзъ съ абсолютическими и феодальными противниками буржуазіи. Лассаль не заключалъ этого союза и не искажалъ „Коммунистическаго манифеста“. Въ своемъ желѣзномъ законѣ заработной платы онъ исходилъ не изъ Мальтуса, но формулировалъ его такимъ же образомъ, какъ это было сдѣлано въ „Коммунистическомъ манифестѣ“. Равнымъ образомъ не Лассаль явился творцомъ крылатаго слова объ единой реакціонной массѣ, но оно родилось, такъ сказать, само собой, какъ слѣдствіе двѣнадцатилѣтняго опыта нѣмецкаго рабочаго класса, который получалъ всегда первые и сильнѣйшіе удары со стороны либеральной буржуазіи, когда собирался поддерживать эту буржуазію въ ея борьбѣ противъ абсолютизма и феодализма. Не меньше ошибался Марксъ, когда въ положеніи: „въ современномъ обществѣ средства производства составляютъ монополію класса капиталистовъ“—онъ видѣлъ вредное наслѣдіе Лассаля, который-де нападалъ лишь на капиталистовъ, но щадилъ землевладѣльцевъ. Понятіе „классъ капиталистовъ“ было взято какъ разъ изъ программы эйзенахцевъ, гдѣ оно, естественно, понималось въ общемъ смыслѣ, включая сюда и владѣльцевъ землей, тогда какъ именно лассальянцы ставили аграрный вопросъ гораздо принципіальнѣе, чѣмъ эйзенахцы. Въ этихъ

и другихъ подобныхъ имъ положеніяхъ Марксъ далъ слишкомъ большой просторъ своему негодованію, которое было бы вполнѣ умѣстно, если бы были вѣрны фактическія посылки, на которыхъ оно было построено.

Его письмо произвело то дѣйствіе, какое оно при тогдашнихъ обстоятельствахъ вообще могло произвести: оно повело къ тому, что отдѣльныя положенія проекта программы были изложены яснѣе и отчетливѣе, но отъ этого суть дѣла нисколько не мѣнялась. Новымъ доказательствомъ того, что проектъ соотвѣтствовалъ теоретическимъ взглядамъ обѣихъ фракцій, было почти единодушное одобреніе, которое онъ встрѣтилъ у всѣхъ сознательныхъ рабочихъ. Самымъ рѣшительнымъ образомъ его критиковалъ только „Западно-германскій Рабочій Съѣздъ", происходившій 15 апрѣля въ Дортмундѣ. Возраженія, которыя здѣсь дѣлались, имѣли много общаго съ принципіальными критическими замѣчаніями Маркса, приведенными имъ нѣсколько недѣль спустя въ своемъ письмѣ по поводу программы; при этомъ заслуживаетъ быть отмѣченнымъ какъ то, что „Западно-германскій Съѣздъ" состоялъ почти исключительно изъ лассальянцевъ, такъ и то, что „Volksstaat" принялъ эту критику съ явнымъ неудовольствіемъ. 18 мая Тэльке писалъ въ примирительномъ тонѣ въ газетѣ: „Западно-германскій Рабочій Съѣздъ" былъ очень далекъ отъ намѣренія бросить яблоко раздора въ ряды объединившихся; если бы отъ этого зависѣла судьба объединенія, то его участники приняли бы всякую программу, будь то даже бѣлый листъ бумаги съ сжатымъ кулакомъ на немъ".

Само объединеніе произошло въ Готѣ на конгрессѣ, который засѣдалъ отъ 22 до 27 мая; на немъ могли быть представлены только такіе партійные товарищи, которые въ послѣднюю четверть года дѣлали взносы въ одну изъ двухъ фракцій. Со стороны лассальянцевъ явилось 73 делегата съ 15.322 голосами, со стороны эйзенахцевъ — 56 делегатовъ съ 9.121 голосомъ.

Засѣданія проходили быстро и гладко, безъ заслуживающихъ упоминанія столкновеній. Отчетъ о програмномъ вопросѣ докладывали Либкнехтъ и Гассельманъ въ совершенномъ согласіи другъ съ другомъ. Либкнехтъ хотя и оспаривалъ желѣзный законъ заработной платы, но вовсе не съ той точки зрѣнія, которую развилъ Марксъ въ своемъ „Капиталѣ"; онъ указывалъ на то, что „желѣзный законъ" является, согласно понятію, связанному съ этимъ словомъ, какъ бы неизмѣннымъ и вѣчнымъ; между тѣмъ, законъ о заработной платѣ существуетъ, вѣдь, въ капиталистическомъ, а не соціалистическомъ обществѣ. Но само собой разумѣется, что Лассаль всегда говорилъ о желѣзномъ законѣ, имѣя въ виду только капиталистическое общество, — что никогда и не вызывало ни малѣйшаго недоразумѣнія. Такимъ образомъ, желѣзный законъ остался въ программѣ, какъ остались въ ней и производительныя ассоціаціи съ государственнымъ кредитомъ, о которыхъ Гассельманъ справедливо замѣтилъ, что онѣ никогда не были ложно истолкованы лассальянцами, но всегда эйзенахцами. Относительно же „единой реакціонной массы" было произведено поименное голосованіе, при чемъ 111 делегатовъ съ 23,022 голосами были за нее, а 12 делегатовъ съ 2,191 голосомъ — противъ. Меньшинство состояло преимущественно изъ саксонскихъ и южно-германскихъ делегатовъ, которые ни въ коемъ случаѣ не оспаривали этотъ боевой пароль съ точки зрѣнія „Коммунистическаго манифеста", но хотѣли его устранить, какъ препятствіе для тактическаго сближенія съ народной партіей. Именно, бѣдностью своего содержанія обмѣнъ мнѣній по програмному вопросу подтвердилъ съ достаточной ясностью, что серьезныхъ теоретическихъ разногласій между обѣими фракціями не было.

Вопросъ объ организаціи тоже не представлялъ особыхъ трудностей. Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ, по судебному постановленію отъ 16 марта, пре-

кратилъ свое существованіе въ Пруссіи, такъ же, какъ и бо́льшая часть профессіональныхъ союзовъ лассальянцевъ; изъ опыта послѣдняго года всѣмъ стало яснымъ, что въ концѣ-концовъ, послѣ робкихъ попытокъ пассивнаго сопротивленія, всегда найдутся судебныя инстанціи, готовыя санкціонировать любое толкованіе законовъ о союзахъ, какое ни взбредетъ въ голову полицейскимъ властямъ. По существу организаціонный проектъ былъ принятъ; была сохранена также, вопреки совѣту Ауэра — докладчика по этому вопросу — и нѣсколько неуклюжая группировка трехъ высшихъ партійныхъ инстанцій. Трудно сказать, въ какой мѣрѣ готская организація оказалась бы пригодной, такъ какъ вскорѣ она была разрушена Тессендорфомъ. Вообще вопросы о формальной сторонѣ организаціи, начиная съ этого времени, отступаютъ на задній планъ. Благодаря систематическимъ преслѣдованіямъ, партія не могла себѣ позволить роскоши организаціоннаго культа; она возводила заново свои укрѣпленія всякій разъ, когда надвигался непріятель, и солидарность пролетаріата была порукой тому, что эти укрѣпленія были всегда заняты людьми, способными къ сопротивленію. Мѣстопребываніе правленія было перенесено въ Гамбургъ, въ эту, по выраженію Бебеля, резиденцію соціалистической Германіи; по предложенію Бебеля были, соотвѣтственно съ отношеніемъ силъ обѣихъ фракцій, избраны въ члены правленія три лассальянца и двое эйзенахцевъ: Газенклеверъ и Гартманъ—въ качествѣ предсѣдателей, Ауэръ и Дероси — секретарями и Гейбъ — кассиромъ. Новая организація была названа—Соціалистической Рабочей Партіей Германіи.

Въ вопросѣ, касающемся партійной прессы, было тоже скоро достигнуто соглашеніе. Всѣ почти сошлись на требованіи, чтобы существовалъ только одинъ главный органъ партіи, но по основательнымъ — именно, финансовымъ—соображеніямъ пришлось временно сохранить и за „Neuer Socialdemocrat“ и за „Volksstaat“

роль центральныхъ органовъ. Мѣстныя газеты могли лишь въ томъ случаѣ считаться партійными органами и разсчитывать на матеріальную и нравственную поддержку партіи, если при ихъ основаніи было получено согласіе партійныхъ инстанцій. Теперь наступила уже нѣкоторая реакція противъ слишкомъ большого усердія въ основаніи мѣстныхъ органовъ, что особенно было замѣтно какъ разъ у эйзенахцевъ, которые въ этомъ отношеніи имѣли за собой большой опытъ; именно, къ этому времени вопросъ этотъ подвергся всестороннему обсужденію въ полемикѣ между Карломъ Гиршемъ и Ауэромъ. Въ связи съ этимъ находился также и другой вопросъ — объ основаніи товарищескихъ типографій, что эйзенахцами уже практиковалось въ Лейпцигѣ, тогда какъ лассальянцы, въ качествѣ боевой партіи, до сихъ поръ избѣгали обременять себя тяготой собственности, которая въ каждый моментъ могла стать жертвой конфискаціи. Въ этомъ вопросѣ точка зрѣнія эйзенахцевъ одержала верхъ. Въ большихъ центрахъ движенія потребность въ собственныхъ органахъ была слишкомъ велика, чтобы ее можно было оставить неудовлетворенной, и товарищескія книгопечатни рекомендовались для того, чтобы обезпечить членамъ партіи возможно широкое и прочное право собственности на партійныя газеты.

По вопросу о профессіональныхъ союзахъ не было больше разногласій. По предложенію Фритцше конгрессъ призналъ, что, покуда существуетъ наемный трудъ, профессіональныя организаціи являются необходимостью и способствуютъ преуспѣянію рабочаго дѣла, поскольку это возможно при экономическихъ условіяхъ, характеризующихъ капиталистическое общество. Профессіональныя организаціи, принадлежавшія къ обѣимъ фракціямъ, слились воедино; но для пышнаго расцвѣта профессіональнаго движенія время ужъ, конечно, прошло.

Готскій объединительный конгрессъ закончился

въ полночь 27 мая при полномъ удовлетвореніи его участниковъ. Ровно 12 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Лассаль основалъ Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ; въ эту „готскую недѣлю" лассальянизмъ погасъ навсегда, и все же это были дни, когда наиболѣе ослѣпительно сіяла слава Лассаля. Какъ ни правъ былъ Марксъ въ положительныхъ указаніяхъ своей критики готской программы, судьба его письма убѣдительно показала, что Лассаль правильно позналъ тѣ пути, слѣдуя по которымъ могла развиться въ Германіи могучая и непобѣдимая рабочая партія, — носительница соціальной революціи.

Глава пятая.

Соціалистическая Рабочая Партія Германіи.

1. Наступающее государственное банкротство.

Въ то самое время, какъ революціонная рабочая партія соединилась въ одно крѣпко сплоченное цѣлое, въ „реакціонной массѣ" буржуазныхъ партій начало обнаруживаться реакціонное разложеніе. Грандіозный крахъ, первую тѣнь свою бросившій еще въ самый разгаръ выборовъ въ рейхстагъ въ 1874 году, принялъ теперь ужасающіе размѣры. Послѣ кратковременнаго опьяненія новая имперія узнала въ мучительно-долгомъ похмельѣ, что значитъ одинъ на одинъ выступить на арену міровой конкурренціи. Изъ одного исчисленія, относящагося къ началу 1875 года, явствуетъ, что цѣнность акцій 556-ти акціонерныхъ обществъ, между которыми 105 желѣзнодорожныхъ, упала съ 6.770 милліоновъ марокъ въ концѣ 1872 года до 4.425 милліоновъ марокъ въ концѣ 1874 года. Такимъ образомъ, паденіе цѣнностей за эти два года выразилось въ 2.345 милліонахъ марокъ, т. е. свыше

30%. Потери одной желѣзодѣлательной промышленности доходили до 445 милліоновъ марокъ.

Въ своемъ отчаяніи по поводу кризиса на рынкѣ сбыта крупныя промышленныя общества подняли страшный вопль, требуя введенія покровительственныхъ пошлинъ. Это требованіе имѣло теперь совершенно иное значеніе, чѣмъ нѣсколько десятилѣтій назадъ. Если въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ протекціонизмъ могъ явиться временнымъ средствомъ для развитія національной промышленности, то теперь объ этомъ не могло ужъ быть и рѣчи. Германская торговля въ цѣломъ занимала въ серединѣ семидесятыхъ годовъ на всемірномъ рынкѣ первое послѣ англійской мѣсто; въ 1874 году торговые обороты разныхъ странъ выражались (считая вывозъ и ввозъ вмѣстѣ) въ слѣдующихъ цифрахъ (въ милліонахъ марокъ): Великобританіи—въ 13.380, Германіи—въ 9.300, Франціи — въ 6.800, Соединенныхъ Штатовъ — въ 4.980. Въ промышленности и въ средствахъ передвиженія Германія обладала большимъ количествомъ паровой силы, чѣмъ какое-либо другое государство европейскаго континента. При такихъ условіяхъ прошло уже время промышленныхъ покровительственныхъ пошлинъ въ ихъ старомъ историческомъ значеніи. Крупная промышленность домогалась ихъ теперь для благородной цѣли — обезпечить себѣ высокія цѣны на внутреннемъ рынкѣ, чтобы тѣмъ успѣшнѣе конкуррировать на всемірномъ рынкѣ посредствомъ рѣзкаго пониженія цѣнъ. У соотечественниковъ нужно было выжать всѣ соки для того, чтобы тѣмъ дешевле можно было сбыть чужимъ національностямъ излишніе продукты крупной промышленности.

Крупные промышленники, стоящіе за покровительственный тарифъ, нашли себѣ вѣрныхъ союзниковъ въ крупныхъ землевладѣльцахъ. Въ продолженіе немногихъ лѣтъ остъ-эльбскіе дворяне сдѣлались изъ закоренѣлыхъ приверженцевъ свободной торговли

закоренѣлыми сторонниками протекціонизма. Промышленный расцвѣтъ умножилъ промышленное населеніе за счетъ земледѣльческаго и увеличилъ въ сельскомъ хозяйствѣ производство сырыхъ продуктовъ, необходимыхъ для промышленности, на счетъ производства съѣстныхъ припасовъ. Потребленіе въ странѣ послѣднихъ возросло быстрѣе, чѣмъ ихъ производство, и пшеница и другіе сельско-хозяйственные продукты не могли уже больше быть вывозимы, но, наоборотъ, стало необходимымъ ихъ ввозить. Этотъ ввозъ былъ чрезвычайно облегченъ колоссальнымъ преобразованіемъ въ средствахъ сообщенія, грандіознымъ развитіемъ желѣзныхъ дорогъ и пароходства; сельское хозяйство, главнымъ образомъ Соединенныхъ Штатовъ, сдѣлалось въ срединѣ семидесятыхъ годовъ главной вывозной промышленностью, которая наводнила германскій, какъ и вообще всѣ европейскіе рынки, мясомъ и пшеницей. Но, благодаря этому, цѣны на мясо и пшеницу понизились и земельная рента прусскихъ дворянъ начала падать. Въ такомъ критическомъ положеніи эти во всѣхъ отношеніяхъ испытанные патріоты измѣнили бы Богу и отечеству, а не только выбросили бы въ мусорную кучу всѣ свои принципы свободной торговли, а потому, какъ и крупные промышленники, они рѣшились поналечь на массы, чтобы снова поднять падающую земельную ренту.

У правительства эта агитація за покровительственный тарифъ нашла сочувственный откликъ. Бисмаркъ былъ какъ крупнымъ землевладѣльцемъ, такъ и крупнымъ промышленникомъ; и геній, воодушевлявшій этого сверхъ-человѣка, скорбѣлъ совмѣстно съ обоими классами, терпящими стóль тяжелую нужду. Но, кромѣ этого, у него было и свое особое горе. Пять милліардовъ успѣли вылетѣть въ трубу, но милитаризмъ остался и требовалъ изъ года въ годъ все бóльшихъ жертвъ. Необходимо было открыть новые источники налоговъ, и притомъ такіе источники,

которые били бы ключемъ и не могли быть закупорены парламентскими рѣшеніями. Средствомъ для этого могли служить косвенные налоги и налоги чисто фискальнаго характера, пріобрѣтеніе въ собственность государства крупныхъ отраслей производства и обращенія. Въ Германской имперіи монополія на табакъ сдѣлалась идеаломъ Бисмарка, а въ прусскомъ королевствѣ такимъ идеаломъ являлись казенныя желѣзныя дороги. „Властитель думъ“ приподнялъ теперь завѣсу со своего „соціалистическаго“ сердца. Отцами этого славнаго „соціализма“ были при табачной монополіи старый Фрицъ, Наполеонъ I и Меттернихъ; роль же повивальной бабки при переходѣ въ казну прусскихъ желѣзныхъ дорогъ сыграло Учетное Общество, навязавшее Государственному Инвалидному Фонду несмѣтное количество желѣзнодорожныхъ акцій, рыночная цѣна которыхъ послѣ краха стояла въ весьма неблагопріятномъ отношеніи къ ихъ номинальной стоимости. Такимъ образомъ, государственный выкупъ по сходной цѣнѣ прусскихъ желѣзныхъ дорогъ сдѣлался цѣлью, горячую приверженность къ которой теперь долженъ былъ выказать каждый истинный патріотъ.

Проектируемый массовый грабежъ былъ бы при всемъ томъ невозможенъ, если бы телята сами не подставляли мясникамъ своей шеи. Мелко-буржуазные классы выразили готовность къ такому самопожертвованію и безропотно оказали эту дружескую услугу. Крестьяне же безъ особеннаго затрудненія дали себя согнуть въ бараній рогъ, напуганные страшнымъ призракомъ американской конкурренціи, хотя значительное большинство сельскихъ мелкихъ собственниковъ, производившихъ вообще недостаточно жизненныхъ продуктовъ для собственнаго потребленія, испытывало прямой вредъ отъ пошлинъ на хлѣбъ, а незначительное меньшинство зажиточныхъ крестьянъ, если и имѣло отъ этого самую ничтожную пользу, то по-

слѣдняя тутъ же парализовалась одновременнымъ введеніемъ чисто финансовыхъ пошлинъ и пошлинъ на произведенія иноземной промышленности. Что касается ремесленниковъ, деклассированныхъ въ громадныхъ размѣрахъ быстрымъ развитіемъ крупной промышленности, то и здѣсь не требовалось особеннаго искусства, чтобы пробудить въ нихъ старую страсть къ достолюбезнымъ ихъ сердцу цеховымъ и таможеннымъ перегородкамъ. Неспособный понять ходъ историческаго развитія, или уже хватаясь въ отчаяніи, какъ утопающій, за соломенку, мелкій городской и сельскій собственникъ далъ обмануть себя жалкими утопіями, которыми дурачили его сторонники покровительственной пошлины въ земледѣліи и промышленности.

Роль весьма хорошаго проводника мелко-буржуазной реакціи сыграли въ особенности безпомощно-филистерскіе вопли по поводу мошенническихъ манипуляцій крупнаго капитала. Чѣмъ больше, благодаря краху, обнаруживались мошенническіе подвиги эпохи грюндерства, тѣмъ яснѣе становилось, что въ крупно-буржуазномъ обществѣ не существуетъ висѣлицы для такихъ крупныхъ воровъ. Королевская слѣдственная комиссія, которая, по торжественному заявленію Ласкера: „должна была факеломъ освѣтить послѣдній уголокъ“, — сама поспѣшила погасить самый слабый огонекъ, грозившій освѣтить какую-либо изъ „благороднѣйшихъ и лучшихъ“ фигуръ, замѣшанныхъ въ неблаговидныхъ сдѣлкахъ. Уже одной диковинной исторіей о „неразысканномъ свидѣтелѣ“ Адиккесѣ она предвосхитила скандалы французской „панамы“. Адиккесъ долженъ былъ дать показанія о грюндерской прибыли, которая была получена при Ганноверъ-Альтенбекѣ, но слѣдственная коммиссія, несмотря на свои самые тщательные поиски, не могла его найти,— въ то самое время, какъ Адиккесъ въ качествѣ націоналъ - либеральнаго депутата рейхстага еже-

дневно сидѣлъ на одной скамьѣ съ Ласкеромъ и съ Беннигсеномъ. Почти всѣ попытки добиться судебнаго возмездія за явные обманы этихъ лѣтъ шантажа съ самаго начала наталкивались на препятствія; въ лучшемъ случаѣ онѣ приводили къ судебнымъ преніямъ, при которыхъ покрытые канцелярской пылью люди неминуемо и безнадежно застревали въ какомъ-нибудь темномъ тупикѣ капиталистическаго лабиринта и въ своемъ юридическомъ замѣшательствѣ бормотали какую-то полную противорѣчій безсмыслицу о „поклепѣ на самыхъ уважаемыхъ людей“. Патріархальная вѣра филистера въ то, что право все же должно остаться правомъ, обратилась въ мыльный пузырь, и это привело всѣхъ ихъ въ бѣшенство.

Они дополнили „соціализмъ“ покровительственныхъ пошлинъ и табачной монополіи „соціализмомъ глупцовъ“ — антисемитизмомъ. Крестьянинъ и ремесленникъ сталкивались обыкновенно съ подтачивающимъ ихъ жизненную позицію капиталомъ въ образѣ еврея; и въ своемъ ограниченно-отсталомъ пониманіи они принимали носителей „сущности“ за самую сущность. Это было тѣмъ болѣе понятно, что денежное еврейство въ періодъ шантажа проявило себя настолько безцеремонно, что неизбѣжно должно было привлечь на себя неблагосклонное вниманіе; и именно въ берлинской общественной жизни спекуляціи приняли такіе размѣры, которые обезпокоили самыхъ неустрашимыхъ почитателей Натана Мудраго. Антисемитизмъ нашелъ себѣ горячій откликъ въ „интеллигентномъ“, мелко-буржуазномъ молодомъ поколѣніи, которое со времени паденія мелкаго производства искало спасенія въ ученыхъ занятіяхъ, но которое уже задыхалось въ собственномъ перепроизводствѣ и направило свою злобу на еврейскую конкурренцію, встрѣченную имъ и на этомъ поприщѣ. Въ практической политикѣ вообще антисемитизмъ былъ совершенно безцѣльнымъ движеніемъ, но еще вдвойнѣ без

цѣльнымъ являлся онъ подъ эгидой Бисмарка, крупныхъ промышленниковъ и крупныхъ землевладѣльцевъ. Эти люди охотно сдѣлали бы представителямъ еврейскаго капитала легкій выговоръ, но они были съ ними слишкомъ тѣсно связаны, чтобы причинить имъ серьезныя непріятности; для нихъ „соціализмъ глупцовъ" былъ только средствомъ, которое позволило бы имъ тѣмъ вѣрнѣе водить ихъ за носъ.

Но все это реакціонное движеніе встрѣтило себѣ препятствіе, о которое оно при нормальныхъ условіяхъ неминуемо разбилось бы. Значительная часть германской буржуазіи по весьма уважительнымъ причинамъ не позволила крупной промышленности взять себя на буксиръ покровительственныхъ пошлинъ; это были— крупная торговля и крупное пароходство, а также теоретики „свободы торговли". Они вполнѣ правильно разсудили, что этотъ родъ протекціонизма далеко не доходенъ, и что, такимъ образомъ, будетъ убита курица, несущая золотыя яйца. Участіе государства въ развитіи за границами Имперіи необыкновенно низкихъ цѣнъ на германскіе товары должно было вызвать соотвѣтственныя мѣры со стороны другихъ промышленныхъ государствъ, — созданіе таможенныхъ стѣсненій, которыя сильно сузили иностранный рынокъ для Германіи; не меньше угрожало германской промышленности въ ея борьбѣ за существованіе вздорожаніе издержекъ производства, которое должно было наступить за вздорожаніемъ всѣхъ отечественныхъ товаровъ; пошлины на предметы обрабатывающей промышленности не могли послужить вознагражденіемъ за ущербъ, причиненный промышленности пошлинами на жизненные продукты. Къ этому присоединилось и то, что финансовая и налоговая политика Бисмарка значительно ослабила бы и безъ того ужъ незначительную политическую силу буржуазіи. А потому ея самые рѣшительные и дальновидные представители крѣпко стояли за принципъ свободной торговли.

Положеніе послѣднихъ въ срединѣ семидесятыхъ годовъ было, безъ сомнѣнія, очень тяжело. Въ ихъ собственномъ лагерѣ были у нихъ враги; ряды мелкобуржуазныхъ ихъ послѣдователей замѣтно рѣдѣли: бюрократія вооружилась противъ нихъ, и ново-обращенные дворяне набросились съ особеннымъ ожесточеніемъ на этихъ закоренѣлыхъ упрямцевъ. Вообще это было обреченной на неудачу задачей—высоко держать знамя манчестерства въ ту эпоху, когда сказка о тысячелѣтнемъ царствѣ свободной торговли лежала безъ признаковъ жизни, погребенная подъ потрясенной эрой грюндерства обломками хозяйственной организаціи. Буржуазія, стоящая за свободную торговлю, принуждена была отрицать наличность краха и представить въ розовомъ свѣтѣ самыя неблаговидныя хозяйственныя начинанія; но несмотря на необыкновенно сложныя сплетенія лжи, которыя при рѣшеніи этой высокой задачи продуцировали Евгеній Рихтеръ съ товарищами, — имъ это удалось все же не вполнѣ Меньше всего удалось этой буржуазіи обезоружить „соціализмъ глупцовъ“ посредствомъ искусственно-созданнаго филосемитизма, который, не будучи болѣе обоснованъ, былъ еще отвратительнѣе, чѣмъ традиціонная и первобытная ненависть къ евреямъ крестьянъ и ремесленниковъ.

Несмотря на все это, правовѣрно-манчестерская буржуазія могла бы занять позицію, съ которой ее трудно было бы сбить. Она должна была бы опереться на сознающій свои классовые интересы пролетаріатъ, который съ самаго начала далъ рѣшительнѣйшій и безпощаднѣйшій отпоръ угрожавшему массовому грабежу. Само собой понятно, что соглашеніе между обѣими сторонами могло бы состояться лишь при условіи того ограниченія, что онѣ одинаково должны были защищать почву современнаго буржуазнаго общества, на которой вмѣстѣ стояли, отъ опустошительнаго набѣга исторически отсталаго противника. Но

именно, въ этомъ сознательномъ ограниченіи рамокъ общихъ интересовъ заключалась бы главная сила подобнаго союза, опасность образованія котораго всѣ эти приверженцы таможеннаго покровительства очень хорошо понимали. Вотъ почему они старались заманить рабочія массы всевозможными, якобы соціалистическими, лозунгами о „защитѣ національнаго труда" и даже превозглашали повышеніе заработной платы— истинной и единственной цѣлью, преслѣдуемой покровительственными пошлинами. Бисмаркъ зашелъ такъ далеко въ своей фантазіи, что отвелъ табачной монополіи роль „вотчины для неимущихъ"; онъ снова выдвинулъ свой „нищенскій и лакейскій" соціализмъ, и рука объ руку съ все возрастающимъ стремленіемъ къ насильственному подавленію политически развитыхъ слоевъ рабочаго класса шли его попытки помѣшать цѣной чечевичной похлебки—улучшеннаго призрѣнія бѣдныхъ—пробужденію въ еще политически-инертныхъ слояхъ его сознанія своего политическаго первородства.

Чѣмъ слабѣе были шансы этой демагогіи, тѣмъ настоятельнѣе являлся поводъ для фритредерской буржуазіи—искать твердую точку опоры для своего шаткаго положенія среди рядовъ сознательнаго пролетаріата. Но, оставаясь въ старомъ ослѣпленіи, она дѣлала какъ разъ обратное, задерживая ту руку, которую пролетаріатъ поднялъ, чтобы поразить экономическую реакцію. Коми-вояжеры манчестерской доктрины хвалились тѣмъ, что въ борьбѣ съ соціалъ-демократіей они стоятъ „на славномъ посту"; въ своей клеветѣ на „вождей", которые „проматываютъ гроши рабочихъ", и подобномъ вздорѣ они проявили гораздо больше усердія, чѣмъ оффиціозныя и реакціонныя газеты. Въ то время, какъ агитаторы покровительственной таможенной политики, ссылаясь на свое намѣреніе повысить уровень заработной платы, по крайней мѣрѣ, хоть признавали необходимость такого повышенія, прусскій

министръ финансовъ Отто Кампгаузенъ, на ряду съ Дельбрюкомъ — идеалъ политическаго дѣятеля, съ точки зрѣнія либеральной буржуазіи, — не переставалъ увѣрять, что единственнымъ цѣлительнымъ средствомъ отъ кризисовъ является пониженіе заработной платы. Газеты манчестерскаго направленія старались взвалить на плечи пролетаріата вину за тѣ чувствительныя пораженія, которыя германскіе предприниматели терпѣли отъ того, что, несмотря на свое растущее богатство, они не могли отказаться отъ нечистоплотныхъ коммерческихъ пріемовъ, представлявшихъ пережитокъ старыхъ купеческихъ замашекъ. По предупредительному изображенію этихъ газетъ, лѣность и неспособность рабочихъ были единственной виной тому, что имперскій комиссаръ Рело вынужденъ былъ дать продуктамъ представленной на всемірной выставкѣ въ Филадельфіи германской промышленности убійственную характеристику: „дешево и плохо", или—что германская хлопчато-бумажная промышленность потеряла свой рынокъ въ Китаѣ потому, что азіаты, какъ насмѣшливо замѣтилъ Трейчке, предъявили болѣе строгія требованія къ доброкачественности товаровъ, чѣмъ снисходительные нѣмцы. Безстыдное утвержденіе Бисмарка, что пролетарская классовая борьба вредно отзывается на работоспособности нѣмецкихъ рабочихъ, нашло въ Евгеніи Рихтерѣ своего вѣрнѣйшаго сторонника. Вооруженная такою премудрой политикой фридтредерская буржуазія была вынуждена капитулировать передъ своими реакціонными противниками; она очистила дорогу той политикѣ насилія, при помощи которой Бисмарку привелось осуществить свои финансовыя, податныя и таможенныя мѣропріятія.

Само собою разумѣется, что хозяйственно-политическое движеніе вспять въ Германіи совершилось не въ продолженіе недѣль или мѣсяцевъ. Это было тѣмъ менѣе возможно, что движеніе могло быть проведено законодательнымъ путемъ только при полнѣйшей пере-

тасовкѣ политическихъ партій. Остъ-эльбское сельское дворянство уже изстари предпринимало мелкія, но столь ожесточенныя стычки противъ бисмарковой политики капитализма и „культурной борьбы", что трогательное единомысліе между этими прекрасными душами не могло быть сразу же возстановлено. Изъ обѣихъ сильнѣйшихъ партій рейхстага можно было сразу заполучить центръ съ его крупными рейнскими промышленниками и силезскими магнатами-землевладѣльцами, съ его вѣрной дружиной изъ крестьянъ и мелкой буржуазіи и еще политически-незрѣлыхъ рабочихъ, для реакціонной экономической политики, тогда какъ между націоналъ-либералами преобладала фритредерская буржуазія. Но центръ стоялъ въ полномъ вооруженіи предъ лицомъ „Діоклеціана-Бисмарка", тогда какъ націоналъ-либералы постепенно превратились въ безвольныхъ служителей пресловутаго сверхъ-человѣка, какъ они это показали еще въ 1876 году своимъ компромиссомъ въ вопросѣ о законахъ, касающихся юстиціи. Бисмарку, дѣйствительно, стоило было сдѣлать попытку расположить націоналъ-либераловъ въ пользу экономической реакціи, прежде чѣмъ предпринять свое печальное шествіе въ Каноссу; ибо этотъ геніальный государственный дѣятель все-таки понималъ, что „всемірно-историческая борьба между Калхасомъ и Агамемнономъ" должна будетъ исчезнуть, какъ игра тѣней со стѣны, если никакимъ другимъ образомъ нельзя будетъ достичь повышенія земельной ренты и прибыли на капиталъ.

Однако, крупный крахъ все же сравнительно быстро подвинулъ дѣло впередъ. Въ срединѣ 1875 года кампанія сельскаго дворянства противъ Бисмарка достигла своего апогея въ передовыхъ статьяхъ „Kreuzzeitung", но въ томъ-же самомъ году уже начала падать земельная рента, и уже весною 1876 года землевладѣльцы дворяне сорганизовались, при молчаливой поддержкѣ Бисмарка, для экономическихъ цѣлей — въ

союзъ финансовой и хозяйственной реформы, для политическихъ же цѣлей—въ германско-консервативную партію. Въ это самое время Дельбрюкъ уяснилъ себѣ положеніе дѣлъ и ушелъ раньше, чѣмъ ему это предложили сдѣлать. Въ осенней сессіи рейхстага 1875 года Бисмаркъ указалъ, что государственный бюджетъ долженъ по возможности покоиться только на косвенныхъ налогахъ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ обнажилъ основныя черты своей будущей рабочей политики внесеніемъ, съ одной стороны, новаго исключительнаго закона противъ соціалъ-демократіи, съ другой — внесеніемъ закона о вспомогательныхъ кассахъ, который имѣлъ облагодетельствовать рабочихъ нѣкоторыми подачками, съ цѣлью превратить ихъ въ лакеевъ фабрикантовъ и муниципальныхъ властей.

Соціалъ-демократія не ошиблась насчетъ серьезности своего положенія; она прекратила свои внутренніе раздоры, чтобы вступить въ болѣе жестокую борьбу съ окружающимъ ее міромъ. Кругомъ нея были одни только враги. Она видѣла, что гроза надвигается и прилежно вооружалась, чтобы выйти изъ нея побѣдительницей.

2. Практическіе успѣхи агитаціи.

Послѣ объединенія обѣихъ фракцій соціалъ-демократическая агитація развивалась ускореннымъ темпомъ. Теперь наряду со старыми испытанными силами единодушно работали и выдвинувшіяся новыя силы: рабочій на сигарной фабрикѣ Молкенбуръ въ Оттензенѣ, наборщикъ Ольденбургъ въ Рендсбургѣ, морякъ Шварцъ въ Любекѣ, дубильщикъ Шумахеръ въ Золингенѣ, столяръ Туцауеръ въ Дюссельдорфѣ, приказчикъ Кайзеръ въ Берлинѣ, портной Кюнъ въ Лангебиляу, рабочій на сигарной фабрикѣ Гейэръ въ Гроссенгейнѣ, шапочникъ Гейне въ Гальберштадтѣ, токарь Редигеръ въ Герѣ, слесарь Ульрихъ въ Оффенбахѣ, купецъ Вимеръ въ Нюрнбергѣ, наборщикъ Ри-

хардъ Фишеръ въ Аугсбургѣ. Партія получила также новый приростъ изъ среды прозрѣвшихъ идеологовъ буржуазныхъ классовъ, каковыми были: референдарій Фирекъ въ Берлинѣ, учитель Саборъ въ Франкфуртѣ на Майнѣ, поэтъ Дулькъ въ Штуттгартѣ и отставной офицеръ Георгъ фонъ-Фольмаръ, родомъ мюнхенецъ, который, въ качествѣ почтоваго чиновника въ франко-прусской войнѣ, былъ тяжело раненъ и въ долгіе годы физическихъ страданій проникся соціалъ-демократическимъ міровоззрѣніемъ.

Противники не переставали заботиться о томъ, чтобы не было недостатка въ захватывающемъ агитаціонномъ матеріалѣ. Въ первыя пять лѣтъ новой имперіи имущимъ классамъ удалось оградить себя въ изобиліи законами, способствовавшими процвѣтанію ихъ классовыхъ интересовъ. Въ продолженіе всего этого времени былъ въ интересахъ рабочаго класса отклоненъ только одинъ въ высшей степени жалкій законъ объ отвѣтственности предпринимателей,—законъ, который по своимъ наполовину скрытымъ, наполовину же безстыдно откровеннымъ постановленіямъ предоставлялъ предпринимателямъ весьма удобную и часто употребляемую ими возможность снять съ себя судебную отвѣтственность за несчастные случаи, имѣющіе мѣсто въ ихъ производствѣ. Подобнымъ же духомъ былъ проникнутъ и законъ о вспомогательныхъ кассахъ, внесенный въ рейхстагъ осенью 1875 года. Правительство въ своемъ проектѣ обошлось съ рабочими, подъ видомъ оказываемаго имъ благодѣнія, какъ съ несовершеннолѣтними дѣтьми, которыхъ нужно всегда водить на помочахъ. Этотъ проектъ сильно угрожалъ свободѣ передвиженія пролетаріата и не менѣе вредилъ самоуправленію въ его внутреннихъ дѣлахъ; онъ на каждомъ шагу отравлялъ существованіе вольнымъ рабочимъ кассамъ вспомоществованія. Злая воля правительства казалась чрезмѣрной даже буржуазнымъ партіямъ рейхстага. Но и

у послѣднихъ ея было достаточно. Онѣ исключили изъ обсужденія законопроекта, имѣвшаго мѣсто въ особой комиссіи, соціалъ-демократическихъ депутатовъ, которые были самыми лучшими знатоками въ этомъ дѣлѣ.

Хотя законъ о вспомогательныхъ кассахъ, въ сущности, имѣлъ лишь цѣлью облегченіе отдѣльныхъ общинъ въ дѣлѣ призрѣнія бѣдныхъ, но парламентскіе представители рабочаго класса, беря буржуазное общество такимъ, каково оно есть на самомъ дѣлѣ, требовали лишь, чтобы въ немъ и рабочимъ были предоставлены закономъ равныя права съ другими классами населенія. Они голосовали за обязательность кассъ, каковы бы послѣднія ни были, но отвергли принужденіе къ опредѣленному типу кассъ; они отказались отъ всякихъ благодѣяній буржуазіи, но зато потребовали ничѣмъ нестѣсняемаго самоуправленія для рабочихъ кассъ. Безчисленное множество петицій и протестовъ изъ различнѣйшихъ слоевъ рабочихъ массъ указывало на то, что требованіе было поставленно вполнѣ вѣрно. Глаза должны были раскрыться и у тѣхъ рабочихъ, которые были еще далеки отъ пролетарской классовой борьбы, когда въ своемъ управленіи страховыми взносами, составленными изъ скуднаго трудоваго заработка, они должны были подвергаться надзору и встрѣчать препятствія со стороны тѣхъ самыхъ законодательныхъ корпорацій, которыя находили невозможнымъ дѣломъ подвергать надзору и мѣшать хищническимъ набѣгамъ капиталистическихъ акціонерныхъ обществъ. Несмотря на это, законъ былъ принятъ въ такой формѣ, которая была отвергнута соціалъ-демократическими представителями, хотя она и представляла частнымъ вспомогательнымъ кассамъ рабочихъ бóльшій просторъ, чѣмъ этого желало правительство.

Не менѣе революціонизирующе вліялъ исключительный политическій законъ, который правительство

ввело противъ рабочаго класса. Въ новеллѣ уложенія о наказаніяхъ, пытавшейся уничтожить тѣ немногочисленные успѣхи, которые сдѣлало нѣмецкое уголовное право, находился 130 параграфъ слѣдующаго содержанія: „Кто открыто возбуждаетъ различные классы населенія другъ противъ друга въ формѣ, угрожающей общественному спокойствію, или кто подобнымъ же образомъ публично въ рѣчахъ или печатно выступаетъ противъ институтовъ брака, семьи или собственности, тотъ наказывается тюрьмой". Для защиты этого параграфа Бисмаркъ съ большимъ тактомъ призвалъ прусскаго министра внутреннихъ дѣлъ, того самаго графа Эйленбурга, который нѣсколько десятилѣтій раньше въ качествѣ цензора велъ геройскую борьбу въ рейнскихъ публичныхъ домахъ съ ночными сторожами; съ того времени этотъ жизнерадостный холостякъ нанесъ столько практическихъ ударовъ институту буржуазнаго брака, что являлся теперь особенно подходящимъ для роли теоретическаго защитника этого святого института. Графъ Эйленбургъ не скрывалъ, что 130 параграфъ прямо направленъ противъ соціалъ-демократіи и въ первый разъ извлекъ на свѣтъ божій цѣлый ворохъ цитатъ, который отнынѣ долженъ былъ занять почетное мѣсто между орудіями нѣмецкой политики. Онъ пытался доказать общій вредъ пролетарской классовой борьбы посредствомъ отдѣльныхъ фразъ, выхваченныхъ безъ всякой связи изъ разныхъ статей соціалъ-демократической прессы; онъ думалъ, что классы, занимающіе болѣе благопріятное общественное положеніе, никогда добровольно не откажутся отъ своихъ привилегій, и что общество никогда безъ принужденія не дойдетъ до того, чтобы уравнять себя въ правахъ; поэтому 130 параграфъ безусловно необходимъ, если не хотятъ допустить, чтобы ружье и сабля не вступили въ свои права.

Бисмаркъ самъ прибѣгалъ къ такого же рода убѣдительному краснорѣчію, дѣлая соціалъ-демократиче-

скую агитацію отвѣтственной за крахъ, и своими колкими замѣчаніями насчетъ „добросердечія“ нѣмецкихъ судей вносилъ еще большую полицейскую деморализацію въ практику уголовнаго права. Поставивъ на голову факты дѣйствительности, онъ требовалъ большей защиты нѣмецкихъ полицейскихъ чиновниковъ отъ злонамѣренной публики и желалъ, чтобы имъ оказывали такое же всеобщее уваженіе, какимъ пользуются англійскіе полицейскіе чиновники; онъ заявилъ, впрочемъ, рейхстагу, что готовъ принять отклоненіе 130 параграфа, но что послѣдній можетъ уподобиться одному изъ тѣхъ червей, которые не умираютъ, и внуки теперешнихъ депутатовъ, если позволительно считать законодательный періодъ равнымъ по продолжительности жизни поколѣнія, еще должны будутъ заниматься этими же самыми вопросами. Въ области подобныхъ реакціонныхъ мѣропріятій Бисмаркъ всегда былъ хорошимъ пророкомъ.

Рейхстагъ далъ ему пока свое согласіе на значительную часть его реакціонной новеллы уголовнаго закона, но еще не принялъ 130 параграфа; больше того—этотъ чудовищный пунктъ былъ единодушно отклоненъ и даже вызвалъ общій дружный смѣхъ, такъ что государственному достоинству „высокаго“ собранія грозила бы опасность, если бы вождь прогрессистовъ Гэнель не поддержалъ его патетическимъ заявленіемъ, что 130 параграфъ есть тяжелое, ничѣмъ не оправдываемое, покушеніе на основныя начала конституціи Имперіи и отдѣльныхъ государствъ, тяжелое ничѣмъ не вызванное нападеніе на тѣ основныя положенія, которыя въ продолженіе десяти, двадцати лѣтъ были неизмѣнной цѣлью въ глазахъ всѣхъ либеральныхъ партій. Въ слѣдующемъ послѣ этого законодательномъ періодѣ, въ отвѣтъ на приведенныя выше пророческія слова Бисмарка, этотъ же самый господинъ Гэнель сказалъ себѣ: „Горе тебѣ, что ты внукъ!“ и задался цѣлью,—но не той неизмѣнной, о которой

такъ краснорѣчиво декламировалъ еще такъ недавно, а просто фантастической цѣлью — путемъ возрожденія, въ почти дословной его передачѣ, 130-го параграфа нанести соціалъ-демократіи смертельный ударъ. Но Тессендорфъ отомстилъ за временное фіаско своего покровителя тѣмъ, что въ концѣ марта 1876 года предъявилъ постановленіе берлинскаго городского суда, которымъ запрещалась Соціалистическая Рабочая Партія въ Германіи, будто бы за устройство ею филіальныхъ отдѣльній союза.

Въ то время, какъ господствующіе классы доставляли наилучшій агитаціонный матеріалъ, буржуазные авгуры толковали о воображаемомъ ими „регрессѣ“ соціалъ-демократіи, который ихъ кротовые глазки, Богъ знаетъ, гдѣ открыли. Понятно, что кризисъ въ дѣлахъ, обрушившійся съ небывалой еще тяжестью прежде всего на пролетаріатъ, могъ оказать парализующее вліяніе на матеріальную силу революціоннаго рабочаго движенія, если бы онъ одновременно съ этимъ не революціонизировалъ его духа. Къ тому же въ высшей степени враждебное поведеніе господствующихъ классовъ разрушило безсовѣстную ложь, будто рабочіе являются виновниками краха, и тому подобныя проявленія непримиримой ненависти вмѣстѣ съ послѣдними иллюзіями прогрессивныхъ слоевъ рабочаго класса. При подобномъ положеніи вещей соціалъ - демократическая агитація завоевывала съ каждымъ днемъ все новые районы, и партійный конгрессъ, засѣдавшій въ Готѣ отъ 19 до 23 августа 1876 года, показалъ такой „регрессъ“, который поразилъ буржуазныхъ пророковъ самымъ непріятнымъ образомъ.

Конгрессъ былъ созванъ, какъ всеобщій соціалистическій конгрессъ, чтобы дать возможность участвовать партійнымъ товарищамъ изъ тѣхъ государствъ Германіи, гдѣ партійная организація была „закрыта“. Большая часть среднихъ государствъ и нѣкоторыя

мелкія, главнымъ образомъ Баварія и Саксонія, усердно стремились къ лаврамъ Тессендорфа, и только въ маленькой части Германской имперіи, а именно въ ганзейскихъ городахъ такъ же, какъ въ нѣкоторыхъ тюрингенскихъ и южно-германскихъ государствахъ, еще были возможны кое-какіе соціалистическіе союзы, члены которыхъ жили въ различныхъ мѣстахъ.

Однако же конгрессъ 1876 года показалъ, что Тессендорфъ и его благородная дружина поднялись слишкомъ поздно; разрушеніе внѣшней организаціи уже давно перестало быть средствомъ задержки развитія партіи; наоборотъ, оно сдѣлалось рычагомъ, окрылившимъ ея подъемъ и процвѣтаніе. На конгрессѣ было 98 делегатовъ, которые представляли 291 мѣсто съ 38,254 членами; общій доходъ партійной кассы достигъ 58,763 марокъ; изъ нихъ 4,330 марокъ поступило отъ издателя небольшого листка „Wähler", который выходилъ разъ въ мѣсяцъ и продавался по 20 пфенниговъ за экземпляръ партійнымъ товарищамъ „закрытыхъ" организацій, чтобы дать имъ, такимъ образомъ, возможность уплачивать ихъ взносы Но доходы партійной кассы не исчерпывали даже приблизительно той суммы, которую нѣмецкіе рабочіе, несмотря на всю тяжесть переживаемаго времени, собирали для освобожденія своего класса; Ауэръ, явившійся докладчикомъ правленія Партіи, оцѣнивалъ издержки для мѣстныхъ партійныхъ цѣлей, по меньшей мѣрѣ, втрое выше.

Отчетъ Ауэра представлялъ очень утѣшительную картину и въ другихъ отношеніяхъ. Партія теперь располагала 145 хорошо обученными ораторами, которые всѣ уже со славой выдержали торжественное крещеніе въ собраніяхъ и между которыми было 8 вполнѣ, а 14 отчасти оплачиваемыхъ агитаторовъ и кромѣ того 46 партійныхъ должностныхъ лицъ, преимущественно редакторовъ и экспедиторовъ партійныхъ газетъ; 12 политическихъ органовъ и одинъ беллетри-

стическій листокъ „Die Neue Welt“, вновь вышли со времени объединительнаго конгресса. Всего партія располагала теперь не меньше, чѣмъ 23 политическими органами, изъ которыхъ 15 печаталось въ кооперативныхъ типографіяхъ; изъ нихъ 8 выходило шесть разъ въ недѣлю, 8 — три раза, 4 — два раза и 3 — одинъ разъ въ недѣлю. Брошюры продавались въ количествѣ сотенъ тысячъ экземпляровъ; „Der Arme Konrad“, въ качествѣ партійнаго календаря, былъ отпечатанъ въ сорока тысячахъ экземпляровъ. Такимъ образомъ, Ауэръ констатировалъ, что отъ торжественно возвѣщеннаго „регресса“ соціалъ-демократіи ничего больше не осталось, какъ страхъ во всѣхъ вражескихъ лагеряхъ передъ растущей силой рабочей партіи.

Въ своемъ докладѣ онъ касался преслѣдованій только для того, чтобы прочно установить, что именно въ Пруссіи и Баваріи право коалицій для рабочихъ было почти совершенно уничтожено посредствомъ незаконнаго произвола. „Соціалъ-демократія,—говорилъ онъ,—жалуется не на реакціонные законы о союзахъ, потому что она знаетъ, какъ преодолѣть ихъ пагубное вліяніе, хотя она и агитируетъ за устраненіе ихъ въ законодательномъ порядкѣ; она протестуетъ противъ тенденціозно-реакціонной манеры, съ какой существующіе законы толкуются противъ нея, тогда какъ для всѣхъ другихъ политическихъ партій ихъ примѣняютъ самымъ лояльнымъ способомъ“. О возможности новой партійной организаціи Ауэръ выразился очень сдержанно. „Прусскіе партійные товарищи,—сказалъ онъ, приложили бы, пожалуй, всѣ старанія, чтобы обойти многочисленные подводные камни и мели закона о союзахъ, однако если прусское правительство рѣшилось разъ навсегда не допускать никакихъ соціалистическихъ организацій въ сферѣ своей власти, то оно всегда найдетъ прокуроровъ и судей, которые исполнятъ его волю при радостномъ одобреніи консервативной и либеральной партій. Но пусть внѣшняя связь

порвана, всѣхъ партійныхъ товарищей крѣпко и неразрывно связываетъ сознаніе, что они служатъ общему и великому дѣлу, дѣлу пролетаріата, бѣднаго обездоленнаго народа".

Конгресъ долженъ былъ рѣшить двѣ главныхъ задачи: во-первыхъ, положить краеугольный камень для дѣла объединенія и, во-вторыхъ, мобилизовать свои силы для ближайшихъ выборовъ въ рейхстагъ. При этомъ не совсѣмъ легко было устранить тотъ дуализмъ, который еще существовалъ въ обоихъ центральныхъ органахъ прежнихъ партій; при голосованіи по поводу окончательнаго вопроса, гдѣ выходить новому центральному органу:—въ Лейпцигѣ или Берлинѣ, старая рознь еще разъ выступила довольно рѣзко: прежніе лассальянцы голосовали преобладающимъ большинствомъ за Берлинъ, а прежніе эйзенахцы — за Лейпцигъ. Когда обнаружилось, что при шести воздержавшихся за Лейпцигъ голосовало 49 делегатовъ, а за Берлинъ—38, стала раздаваться жалоба, что географическое положеніе мѣста конгресса дало саксонскимъ и тюрингенскимъ делегатамъ несоразмѣрный перевѣсъ, и отношенія обострились еще болѣе, когда Гассельманъ отказался вступить въ редакцію новаго центральнаго органа въ Лейпцигѣ. Но искреннее желаніе сохранить единство, во что бы то ни стало, преодолѣло всѣ трудности. Старые лассальянцы, какъ Раковъ, Циловскій, строго порицали упрямство Гассельмана, тогда какъ Газенклеверъ выразилъ согласіе принять отвергнутое Гассельманомъ мѣсто. Новый центральный органъ, редактируемый Либкнехтомъ и Газенклеверомъ, долженъ былъ начать выходить въ Лейпцигѣ подъ названіемъ „Vorwärts" съ октября 1876 года три раза въ недѣлю, подобно тому, какъ выходилъ „Volksstaat" съ 1873 года. Гассельманъ, который до сихъ поръ усердно работалъ въ пользу объединенія фракцій, съ этого времени занялъ оппозиціонное положеніе въ партіи. Послѣ закрытія „Neue Socialdemo-

crat“ онъ отправился въ свой избирательный округъ Эльберфельдъ-Барменъ и сталъ издавать тамъ „Die Rothe Fahne“, якобы регулярно выходящій избирательный листокъ, а въ дѣйствительности — предпріятіе съ плохо скрытымъ намѣреніемъ конкуррировать съ „Vorwärts“. Поскольку замкнутый характеръ Гассельмана позволялъ судить о немъ,—имъ руководило въ данномъ случаѣ разочарованіе, постигшее его личное честолюбіе. Враждебность Гассельмана была непріятна, но не опасна; для его оппозиціи не было наличности объективныхъ причинъ, и если-бъ даже была еще возможность образованія новой секты, чего на самомъ дѣлѣ ужъ больше не было, то вся личность Гассельмана не соотвѣтствовала характеру фанатическаго главаря секты.

Второй главной задачей конгресса было—вооружиться для предстоящихъ выборовъ въ рейхстагъ. Послѣ тщательнаго изслѣдованія отношеній, около сорока выборныхъ округовъ были признаны „оффиціальными“, т. е. такими округами, въ которыхъ партія можетъ ставить кандидатуру съ значительной надеждой на успѣхъ, и гдѣ она должна поэтому, въ цѣляхъ партіи же, принять участіе въ выборной борьбѣ. Такими округами были: 12 саксонскихъ и 5 шлезвигъ-гольштинскихъ округовъ, оба городскихъ округа, Гамбургскій сельскій округъ, Берлинъ IV и VI, Брауншвейгъ I, въ Силезіи: Рейхенбахъ-Нэйроде и Вальденбургъ; въ Рейнской провинціи: Эльберфельдъ-Барменъ, Леннепъ-Меттманнъ и Золингенъ, въ Майнскомъ округѣ: Ганау и Оффенбахъ, въ Баваріи — Нюрнбергъ, въ Вюртембергѣ: Эслингенъ-Кирхгеймъ; къ нимъ были присоединены нѣкоторые избирательные округи въ средне-германскихъ мелкихъ государствахъ, какъ-то: Ангальтъ-Беренбургъ, Саксенъ-Мейнингенъ и Рейсъ старшей линіи.

Для руководства выборами былъ учрежденъ въ Гамбургѣ центральный комитетъ изъ пяти лицъ, который вмѣстѣ съ этимъ долженъ былъ взять на себя и

всѣ остальныя дѣла партійнаго управленія; по признанію прусскаго верховнаго трибунала организація, которая предусматривала опредѣленные выборы, не подлежала сферѣ примѣненія прусскаго закона о союзахъ. Въ центральный комитетъ были выбраны члены прежняго правленія: Гартманъ, Деросси, Гейбъ, Ауэръ и на мѣсто Газенклевера, переселившагося въ Лейпцигъ, Г. Брашъ. Обоимъ предсѣдателямъ было назначено по 45 марокъ, обоимъ секретарямъ по 150, кассиру—135, обоимъ редакторамъ центральнаго органа по 195 марокъ ежемѣсячнаго содержанія. Соціалъ-демократическіе депутаты должны были получать 9 марокъ суточныхъ, если они не являлись партійными служащими, получающими не меньше, чѣмъ по 100 марокъ ежемѣсячнаго жалованья; въ противномъ случаѣ имъ выдавалось только шесть марокъ, а если жили въ Берлинѣ, то только 3 марки ежедневно. Постоянный агитаторъ получалъ ежемѣсячно 135 марокъ; для поѣздокъ внѣ своего агитаціоннаго округа, кромѣ того 1,50 марки, если былъ холостымъ, и 3 марки, если былъ семейнымъ,—ежедневной прибавки. Временные агитаторы холостые получали по 6 марокъ, женатые—по—7,50 марокъ суточныхъ денегъ. Это распредѣленіе партійнаго жалованья показало достаточно ясно на конгрессѣ 1876 года, сколько правды было въ утвержденіи „о расхищеніи рабочихъ пятаковъ" и о „регрессѣ", которымъ себя преимущественно тѣшила остроумная буржуазія. Тѣмъ, что партія платила служащимъ жалованье лучше оплачиваемыхъ рабочихъ, она исполняла долгъ приличія, къ выполненію котораго обязывало ее чувство собственнаго достоинства. Нищенскую заработную плату, предлагаемую первымъ встрѣчнымъ капиталистомъ, она не могла платить. Но должныхъ границъ она еще никогда не переступала, и въ шелку на службѣ у нея никто не ходилъ. Среди безчисленныхъ силъ, исключительно посвятившихъ себя этой службѣ, было мало такихъ, которыя не могли

бы разсчитывать на болѣе высокое вознагражденіе своего труда, если бы выбрали себѣ источникъ пропитанія въ какой-либо обычной отрасли труда нашего буржуазнаго строя.

Выборы въ рейхстагъ, происходившіе 10 января 1877 года, оправдали возлагавшіяся на нихъ надежды. Въ 175 избирательныхъ округахъ выставили соціалъ-демократическихъ депутатовъ, за которыхъ было подано 493,477 голосовъ. Соціалъ-демократія сдѣлалась, такимъ образомъ, четвертой по численности партіей въ государствѣ. Она значительно уступала только націоналъ-либераламъ и ультрамонтанамъ и была лишь нѣсколько малочисленнѣй партіи консерваторовъ; не считая мелкія партійныя группы рейхстага, изъ значительныхъ партій она превзошла прогрессистовъ и свободныхъ консерваторовъ. Распредѣленіе голосовъ обнаружило обостренный и рѣзкій характеръ классовой борьбы. Движеніе останавливалось или только нѣсколько задерживалось тамъ, гдѣ оно, главнымъ образомъ, питалось общимъ политическимъ недовольствомъ; зато оно получило поразительное развитіе въ большихъ городахъ: Берлинѣ, Гамбургѣ, Альтонѣ, Бреславлѣ, Магдебургѣ, Брауншвейгѣ, Бременѣ, Дрезденѣ и мн. др. Берлинъ теперь сразу завоевалъ то, что онъ упустилъ при прежнихъ выборахъ въ рейхстагъ; онъ пріобрѣлъ 31,522 соціалъ-демократическихъ голоса, т. е. почти 40% всѣхъ поданныхъ голосовъ; еще болѣе благопріятное процентное отношеніе дали 25,942 соціалъ-демократическихъ голоса въ Гамбургѣ. Обычныя мелодіи, продуцируемыя буржуазными демагогами, должны были подвергнуться коренному измѣненію. Если послѣ выборовъ 1874 года соціалъ-демократія была обязана своимъ успѣхомъ „деморализованному“ фабричному пролетаріату и сельскому промышленному населенію, тогда какъ большіе города были прославляемы, какъ центры образованія и цивилизаціи, то теперь большіе города стали средоточіемъ „утратив-

шей патріотическое чувство сволочи"; сельскій житель, наоборотъ, доросъ до выполненія почетной задачи: онъ твердой рукой привелъ въ положеніе равновѣсія колеблющіеся вѣсы и удержалъ катящійся камень, угрожавшій обратить въ развалины существующій порядокъ.

Не оставалось больше ни одной прусской провинціи, которая бы не была еще „заражена", а изъ округовъ только шесть во всей Пруссіи были пощажены этой „заразой". Конечно, въ числѣ ихъ находились, наряду съ Померанскимъ (Штральзундъ) и Западно-прусскимъ (Маріенвердеръ), Силезскій (Оппельнъ), Вестфальскій (Мюнстеръ) и два рейнскихъ правительственныхъ округа (Аахенъ и Кобленцъ), но это лишь доказывало то, что агитація партіи центра (ультрамонтановъ) все еще примѣшивалась къ рабочему движенію. Тѣмъ не менѣе обнаружилось, что и эти темныя силы начали уступать; съ 1874 года число соціалъ-демократическихъ голосовъ въ Прирейнской Вестфаліи поднялось съ 28,824 на 44,690, а въ Силезіи съ 9,004 на 23,449; между средними государствами Саксонія стояла въ первомъ ряду по сильно возраставшимъ цифрамъ; въ теченіе шести лѣтъ число соціалъ-демократическихъ голосовъ здѣсь почти учетверилось. Въ Баваріи точно также обнаружилась хотя и слабѣе, чѣмъ въ Прирейнской Вестфаліи и Силезіи, реакція противъ ультрамонтанскаго теченія; между баварскими провинціями Франкенъ съ своей соціалъ-демократической цитаделью Нюрнбергомъ занимала первое мѣсто. Въ Вюртембергѣ и Баденѣ число соціалъ-демократическихъ голосовъ, начиная съ 1874 года, оставалось почти безъ измѣненій; все же сосредоточеніе движенія въ большихъ городахъ было замѣтно и въ этихъ государствахъ. Въ Штуттгартѣ было подано 4,609 соціалъ-демократическихъ голосовъ и почти столько же мѣсяцемъ раньше при выборахъ въ Вюртембергскій ландтагъ, въ которыхъ соціалъ-демократы впервые принимали участіе. Много

труда и заботъ стоило упроченіе положенія газеты „Süddeutsche Volkzeitung", въ составъ редакціи и администраціи которой вступилъ наборщикъ Георгъ Басслеръ, послѣ того какъ Карлъ Гильманъ получилъ назначеніе въ гамбургскій партійный органъ; послѣ изданія реакціоннаго закона о печати и послѣ того, какъ со стороны правительственной политики подулъ рѣзкій сѣверный вѣтеръ, начались преслѣдованія и въ Швабіи. Какъ Штуттгартъ въ Вюртембергѣ, такъ Маннгеймъ въ Баденѣ и Людвигсгафенъ въ Пфальцѣ стали руководящими центрами движенія. Маннгеймъ далъ 1,689 голосовъ, и еще въ продолженіе этого же года Дреесбахъ основалъ газету „Badisch-Pfälzisches Volksblatt", которая выходила разъ въ недѣлю и вскорѣ насчитывала нѣсколько тысячъ подписчиковъ. Изъ Маннгейма агитація продолжала покуда распространяться — главнымъ образомъ благодаря усердію Эргарта — и въ Пфальцѣ, гдѣ послѣ объединенія обѣихъ фракцій, состоялся первый рабочій съѣздъ представителей изъ двадцати мѣстъ. Въ трехъ избирательныхъ округахъ Пфальца было подано 2,500 голосовъ. Главнымъ очагомъ агитаціи была анилиновая и содовая фабрика въ Людвигсгафенѣ, извѣстная въ народѣ подъ названіемъ костяной мельницы, и на которой работали тысячи рабочихъ; однако, движенію весьма препятствовало то обстоятельство, что рейнско-баварская крупная промышленность привлекала не столько обученныхъ мастеровыхъ, какъ мелкихъ крестьянъ и сельскохозяйственныхъ поденныхъ рабочихъ, которыхъ съ излишкомъ выдѣляло все въ большихъ размѣрахъ развивающееся, такъ называемое, „карликовое" хозяйство. Эти общественные элементы, съ ничтожными потребностями и одержимые еще бѣсомъ частной собственности, были идеальными рабочими для эксплоатирующей буржуазіи и потому являлись еще несозрѣвшимъ матеріаломъ для воспріятія пролетарскаго классоваго сознанія.

При распредѣленіи депутатскихъ полномочій партіи опять не повезло. Въ выборѣ своихъ сорока оффиціальныхъ избирательныхъ округовъ она въ общемъ не ошиблась: на 36 полномочій она могла разсчитывать, опираясь на данное отношеніе числа поданныхъ за нее голосовъ къ общему числу участниковъ въ избирательной кампаніи. На самомъ же дѣлѣ ей пришлось удовольствоваться лишь 12-ю полномочіями. При главныхъ выборахъ она получила изъ числа своихъ прежнихъ 9 мѣстъ только пять: Альтона (Газенклеверъ), Глаухау-Меранъ (Бебель), Штольбергъ-Шнеебергъ (Либкнехтъ), Цвиккау-Кримитшау (Моттелеръ) и Хемницъ (Мостъ). Къ нимъ она еще пріобрѣла Берлинъ IV и VI (Фритцше и Газенклеверъ), саксонскіе округа Ауэрбахъ-Рейхенбахъ (Ауэръ), Лейпцигскій сельскій округъ и избирательный округъ Рейсъ старшей линіи (Блосъ). Изъ этихъ десяти мѣстъ Альтона была потеряна при послѣдующихъ повторныхъ выборахъ, сдѣлавшихся необходимыми потому, что Газенклеверъ принялъ свое избраніе въ VI округѣ Берлина. Кромѣ того, партія принимала участіе въ двадцати перебаллотировкахъ въ Берлинѣ III, Бреславлѣ I и II, Магдебургѣ и Нюрнбергѣ, шлезвигъ-голштинскихъ округахъ: Итцегое, Глюкштадтѣ, Пленъ-Зегебергѣ, въ саксонскихъ округахъ: Дрезденъ-Альтштадтѣ, Борнѣ, Фрейбергѣ, Пляуэнѣ и Цшопау, въ рейнскихъ округахъ: Рейхенбахъ-Нейроде и Вильденбургѣ, наконецъ—въ Готѣ, Ганау и Оффенбахѣ. Но изъ всѣхъ ихъ она пріобрѣла только три: Дрезденъ-Альтштадтъ (Бебель), Рейхенбахъ-Нейроде (А. Капелль) и Золингенъ (Раттингаузенъ). Бебель принялъ избраніе въ Дрезденѣ-Альтштадтѣ, въ Глаухау-Меранѣ его мѣсто занялъ Бракке.

Однако, партіи нечего было омрачать свою радость по поводу достигнутыхъ успѣховъ изъ-за сравнительно незначительнаго числа выпавшихъ на ея долю полномочій. Въ избирательныхъ округахъ, которые она потеряла, число поданныхъ за нее голосовъ значительно

поднялось, за единственнымъ исключеніемъ Пленъ-Зегеберга, гдѣ крупные землевладѣльцы строго контролировали каждый шагъ своихъ сельско-хозяйственныхъ работниковъ, и при перебаллотировкахъ она получила на 62.368 голосовъ больше, чѣмъ ея кандидаты въ этихъ округахъ при главныхъ выборахъ. Этотъ приростъ дали въ сравнительно незначительной степени элементы народной партіи и католическихъ рабочихъ. Гдѣ предстояло помѣшать соціалъ-демократической избирательной побѣдѣ, тамъ на буржуазной сторонѣ, несмотря на крайніе раздоры во всемъ остальномъ, соединялось безъ всякаго размышленія все, что въ другихъ отношеніяхъ было несоединимо; и этого очевиднаго доказательства страха, который партія внушала своимъ противникамъ, уже было достаточно, чтобы вознаградить ее за невозможность завоевать еще нѣсколько полномочій. Въ самомъ рейхстагѣ соціалъ-демократическіе депутаты были встрѣчены еще болѣе враждебно, чѣмъ въ предыдущую законодательную сессію; націоналъ-либеральный депутатъ Валентинъ обезславилъ свое имя внесеніемъ предложенія о закрытіи дебатовъ, лишившаго слова парламентскихъ представителей рабочаго класса.

Годичный конгрессъ 1877 года былъ созванъ соціалъ-демократическими депутатами въ Готѣ на время отъ 27 до 28 мая. Тамъ была представлена 251 мѣстность 95 делегатами, за которыми, поскольку ихъ полномочія обозначали число поданныхъ голосовъ, стояло 32,000 партійныхъ членовъ. По порученію центральнаго избирательнаго комитета Ауэръ опять представилъ отчетъ, на этотъ разъ за время отъ 11 августа 1876 года до 30 апрѣля 1877 года. За эти еще неполные 9 мѣсяцевъ въ партійную кассу поступило 54,217 марокъ, изъ которыхъ 10,000 отъ издателя газеты „Wähler“. Къ этому нужно еще принять во вниманіе то сильное напряженіе, которое отдѣльные избирательные округа должны были проявить во время избира-

тельной борьбы. Издержки только одного г. Альтони достигли 30,000 марокъ; въ Берлинѣ было устроено 307 собраній съ рефератами и преніями, а также 144 подготовительныхъ избирательныхъ собранія; кромѣ того, 1.346,145 экземпляровъ печатныхъ произведеній было, преимущественно безплатно, распространено при помощи партійныхъ товарищей. Далѣе въ этотъ короткій промежутокъ горячей борьбы появилось 18 новыхъ газетъ; партія насчитывала теперь на ряду съ „Vorwärts" 41 газету, изъ которыхъ 13 выходило по 6 разъ въ недѣлю, 13 — по 3 раза въ недѣлю, 3 — по два раза и 12 — по одному разу въ недѣлю. 25 изъ этихъ газетъ печатались въ кооперативныхъ типографіяхъ, изъ которыхъ 14 существовало въ Германіи. Между 44 редакторами партіи находилось, по сообщенію Ауэра: двѣнадцать литераторовъ, почти всѣ съ высшимъ образованіемъ, одиннадцать наборщиковъ, четыре купца, три слесаря, одинъ каменщикъ, одинъ скорнякъ, одинъ работникъ по производству ремней, одинъ механикъ, одинъ сигарщикъ, одинъ плотникъ, одинъ бондарь, одинъ сапожникъ, одинъ золотыхъ дѣлъ мастеръ, одинъ книжный торговецъ, два портныхъ, одинъ учитель и одинъ чертежникъ. Этимъ указаніемъ Ауэръ заклеймилъ сказку о тунеядцахъ, которые будто бы создаютъ себѣ праздную жизнь, натравливая и эксплоатируя рабочихъ. Какъ въ дѣйствительности обстояло дѣло съ этой праздной жизнью—показали судебные процессы и приговоры, которые съ развитіемъ партійной прессы въ возрастающемъ количествѣ посыпались на нее; сотрудниковъ газеты „Chemnitzer Freie Presse" за одинъ годъ ея существованія присудили въ итогѣ къ 8 годамъ тюрьмы; подобная же судьба постигла и другія газеты. Но эти преслѣдованія только больше укрѣпляли партію. И увѣренный въ ея неразрушимой жизненной силѣ, старый фанатикъ организаціи—Тэльке могъ смѣло внести единогласно и безъ всякихъ дебатовъ принятое предложеніе

что конгрессъ, „принимая во вниманіе съ неслыханной дерзостью возвѣщенное прусскимъ правительствомъ полнѣйшее безправіе соціалистическихъ союзовъ въ Пруссіи“, отказывается отъ всякой внѣшней организаціи партіи и предоставляетъ партійнымъ товарищамъ, сообразно мѣстнымъ потребностямъ и условіямъ, организоваться самимъ“

Германская соціалъ-демократія теперь уже получила значеніе могущественнаго авангарда интернаціональнаго рабочаго движенія, и пролетаріатъ различныхъ странъ посылалъ свой привѣтъ ея конгрессамъ. Чтобы засвидѣтельствовать солидарность соціалистовъ всѣхъ странъ, готскій конгрессъ 1877 года, по предложенію Фольмара, рѣшилъ участвовать во всемірномъ конгрессѣ, который бакунисты созвали въ сентябрѣ того же года въ Женевѣ. На этотъ всемірный конгрессъ было приглашено около 30 делегатовъ европейскихъ рабочихъ партій. Представителемъ германской соціалъ-демократіи явился Либкнехтъ. Анархистское направленіе было побѣждено, послѣ продолжительныхъ дебатовъ, 16 голосами противъ 13. Побѣдившее большинство заключило договоръ о солидарности и издало манифестъ, который установилъ въ духѣ стараго Интернаціонала необходимость политической дѣятельности, какъ могучаго средства для агитаціи, организаціи и пропаганды. Однако, Либкнехтъ самъ предостерегалъ въ „Vorwärts‘ѣ“ отъ преувеличенія значенія этихъ событій; столь же многочисленныя, сколько и основательныя причины заставляли отказаться отъ реставраціи Интернаціонала въ его старой формѣ.

Профессіональное движеніе держалось въ болѣе тѣсныхъ границахъ, чѣмъ политическое. Продолжающійся цѣлые годы торговый и промышленный кризисъ парализовалъ дѣйствіе новаго толчка, который объединеніе партіи сообщило и профессіональному движенію, а полицейскія преслѣдованія профессіональныхъ организацій наносили ущербъ не только ихъ внѣшней

жизни, но начали уже ослаблять и внутреннюю, вызывая раздоры по вопросу о лучшей формѣ организацій; къ слову сказать, отъ такихъ разборовъ далеки „тредъ-юніоны", никогда не испытывавшіе необходимости корчиться въ путахъ 21 различныхъ законовъ, тяготѣвшихъ надъ 26 различными, составляющими Германскую имперію, государствами. Если въ продолженіе года въ профессіональную организацію съ 1877 до 1878 гг. вошло самое большее 50.000 рабочихъ въ 1,300 мѣстностяхъ, то это число само по себѣ очень незначительно и въ дѣйствительности достигало лишь $1^1/_2$ процентовъ всей рабочей массы, занятой въ соотвѣтствующихъ промышленныхъ отрасляхъ. Несмотря на это, оно служитъ, къ чести германскаго пролетаріата, достаточнымъ доказательствомъ его непреоборимаго стремленія къ профессіональной организаціи.

Свѣдѣнія о тогдашнихъ профессіональныхъ союзахъ даетъ статистика, старательно составленная Гейбомъ и опубликованная имъ въ январѣ 1878 года. Онъ въ ней насчитываетъ 26 центральныхъ и 5 мѣстныхъ союзовъ; число послѣднихъ онъ учитываетъ слишкомъ низко. 9 центральныхъ союзовъ имѣли свое мѣстопребываніе въ Гамбургѣ, гдѣ нашли убѣжище распущенныя Тессендорфомъ профессіональныя организаціи. Здѣсь же стала издаваться самая большая и распространенная изъ всѣхъ 15 обслуживающихъ профессіональное движеніе газетъ — „Pionier", насчитывавшая 9,350 подписчиковъ. Она служила органомъ бондарей, каретниковъ, столяровъ, плотниковъ, а также мануфактурныхъ и ремесленныхъ рабочихъ обоихъ половъ, изъ числа которыхъ при общей цифрѣ 40,000 человѣкъ было организованныхъ всего 1,250. Самыя сильныя организаціи, обнимавшія половину всѣхъ рабочихъ данной профессіи и располагавшія значительными денежными средствами, были организаціи кораблестроителей съ 3,000 членами. Изъ

65.000 рабочихъ табачнаго производства, въ числѣ которыхъ было почти половина мужчинъ и половина женщинъ, было организованныхъ только 8,100 рабочихъ, да и тѣ въ матеріальномъ отношеніи едва справлялись съ задачами, возложенными на ихъ организацію. Рабочіе золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, которые вначалѣ сорганизовались въ Пфорцгеймѣ, центрѣ ювелирной германской промышленности, а позже переселились въ Гмюндъ въ Швабіи, послѣ 6-тигодичнаго существованія обладали 18.000 марками въ своей инвалидной кассѣ. Организація сапожниковъ находилась въ Готѣ и насчитывала 3,585 членовъ. Рабочіе металлическаго производства имѣли свою организацію съ 4,000 членами въ Брауншвейгѣ; изъ нихъ слесаря и кузнецы были теперь уже раздѣлены на отдѣльные, первоначально слабые, союзы. Маляры и каменщики имѣли 2,500 членовъ и обладали въ Гамбургѣ собственнымъ органомъ, подъ названіемъ „Grundstein“. Мѣсячное превышеніе поступленій надъ расходами доходило во всѣхъ союзахъ приблизительно до 8,000 марокъ, изъ которыхъ львиная доля въ 3,538 марокъ приходилась на наборщиковъ. О повышеніи взносовъ нечего было думать до тѣхъ поръ, пока продолжался кризисъ; это было тѣмъ менѣе возможно въ то время, когда профессіональные союзы все свое вниманіе сосредоточили на томъ, чтобы отпарировать направленный противъ нихъ ударъ, роль котораго сыгралъ законъ о вспомогательныхъ кассахъ, и чтобы заблаговременно занять хоть ту тѣсную область, которую этотъ законъ еще отводилъ учрежденіямъ самостоятельнаго страхованія отъ болѣзни, устраиваемымъ самими рабочими. 16 профессіональныхъ союзовъ имѣли зарегистрованныя вспомогательныя кассы. Гейбъ предлагалъ, какъ ближайшій шагъ впередъ, централизацію профессіональной прессы; объ этомъ и другихъ вопросахъ, касающихся организацій, долженъ былъ на Троицѣ 1878 года состояться конгрессъ профессіональныхъ союзовъ въ Магдебургѣ.

Но только въ политическомъ движеніи неизмѣнно раздавался мощный гулъ, возвѣщавшій „массовое шествіе рабочихъ баталіоновъ“. „Это ужъ теперь не баталіоны, а полки, бригады, дивизіи, это цѣлые армейскіе корпуса“, писала „Magdeburgische Zeitung“, преисполненная трагикомическаго ужаса по поводу устроенныхъ берлинскими рабочими 10 марта послѣднихъ проводовъ организатору своей выборной побѣды; во цвѣтѣ молодыхъ лѣтъ Августъ Гейншъ палъ жертвой изнурительной пролетарской болѣзни; его похороны представляли собою демонстрацію, какой Берлинъ не видѣлъ со времени похоронъ погибшихъ 18-го марта. Такъ какъ умная, какъ всегда, полиція запретила ношеніе не только развѣвающихся, но даже свернутыхъ знаменъ, то многотысячная толпа, собравшаяся передъ траурнымъ домомъ, явилась съ красной гвоздикой въ петлицахъ. На длинной дорогѣ къ кладбищу, среди рабочихъ кварталовъ восточной части Берлина развѣвались черныя знамена съ крышъ и изъ оконъ, сотни тысячъ народа наполняли улицы и благоговѣйно обнажали головы, когда мимо проѣзжала траурная колесница. Подобнымъ же торжественнымъ образомъ былъ погребенъ 28-го апрѣля Пауль Дентлеръ, редакторъ газеты „Berliner Freie Presse“, который тоже отъ острой формы чахотки умеръ въ тюрьмѣ, хотя тюремный врачъ и предлагалъ его освободить.

Надъ арміей, умѣвшей такъ чтить своихъ павшихъ борцовъ, нельзя было издѣваться, какъ надъ мягкотѣлой буржуазіей: это, во всякомъ случаѣ, хорошо понималъ Бисмаркъ и присные, коихъ призваніе было грабить народъ.

3. Теоретическая неувѣренность. Энгельсъ противъ Дюринга.

Однако, вооруженіе германской соціалъ-демократіи имѣло и слабое мѣсто: ея практическая дѣятельность слишкомъ опередила теорію; а для тяжелой борьбы

ближайшаго будущаго послѣдняя ей была столь же необходима, сколько и первая. До сихъ поръ она боролась съ манчестерствомъ, которое обладало тысячей каналовъ для проведенія своихъ воззрѣній отъ полу-чиновничьей „Provincialkorespondenz" до „Volkszeitung" включительно,—теперь же ей предстояла тактическая перемѣна фронта, въ результатѣ которой она довольно часто принуждена была выступать на ряду съ манчестерцами противъ еще болѣе отсталыхъ направленій, не преминувшихъ тѣмъ не менѣе украситься соціалистическими лозунгами. Такому могучему движенію, какимъ сдѣлалось соціалъ-демократическое, не слѣдовало больше ограничиваться одной только пропагандой конечныхъ цѣлей,—оно должно было подвергнуть практической разработкѣ политическіе и соціальные вопросы дня, не обезличивая, правда, своихъ принциповъ; эту задачу оно могло рѣшить не исключительнымъ провозглашеніемъ конечныхъ результатовъ, но методомъ, не конечными идеями, но всѣмъ внутреннимъ характеромъ мышленія научнаго коммунизма; между тѣмъ, все это совершенно отсутствовало.

Конечно, партія была ужъ достаточно развита, въ политическомъ отношеніи, чтобы не идти на обычныя приманки реакціоннаго „соціализма". Уже конгрессъ 1876 года принялъ резолюцію противъ бисмарковскихъ покровительственныхъ пошлинъ и плановъ націонализаціи и рѣшилъ, съ своей стороны, что депутаты должны внести въ рейхстагъ законъ объ охранѣ труда. Однако, пренія по этому вопросу показали, что конгрессъ не особенно ясно представлялъ себѣ значеніе закона объ охранѣ труда. Гассельманъ, внесшій это предложеніе, хотѣлъ имѣть такой законъ, какъ необходимое и дѣйствительное средство нападенія противъ ультрамонтановъ, съ цѣлью захвата рейнскаго избирательнаго округа, тогда какъ А. Каппель видѣлъ въ такомъ шагѣ принципіально недопустимую ошибку. Во время краткихъ дебатовъ ни одинъ ораторъ здѣсь

не высказался въ томъ смыслѣ, въ какомъ конгрессы Интернаціонала защищали идею фабричнаго законодательства. Законопроектъ, который внесли въ рейхстагъ въ 1877 году соціалъ-демократическіе депутаты, заключалъ въ себѣ требованіе десятичасового рабочаго дня, учрежденія промышленныхъ камеръ и промышленныхъ судовъ, введенія института фабричныхъ инспекторовъ, полицейскаго надзора за оздоровленіемъ рабочихъ мѣстъ, освобожденія профессіональныхъ организацій отъ реакціоннаго законодательства о союзахъ. Партія рекомендовала вниманію правительства этотъ законопроектъ, на ряду съ всевозможными куцыми предложеніями, преслѣдующими цѣль — способствовать дальнѣйшему развитію законодательства объ охранѣ рабочихъ и внесенными большинствомъ буржуазныхъ партій.

Благодаря соціалъ-демократической агитаціи нѣкоторые элементы буржуазіи и даже бюрократіи не проявляли болѣе такого упорнаго предубѣжденія противъ законодательной охраны рабочихъ, какъ это было при обнародованіи промышленнаго устава 1869, все равно проистекала ли перемѣна воззрѣній только изъ боязни или изъ чувствъ высшаго порядка. Такимъ образомъ, Пруссія стала съ 1875 года, а Саксонія еще на нѣсколько лѣтъ раньше, вводить фабричныхъ инспекторовъ; въ прусскомъ министерствѣ торговли былъ даже выработанъ законодательный проектъ, предлагавшій для всей Имперіи введеніе фабричнаго инспектората. Но проектъ этотъ, конечно, былъ задушенъ еще при самомъ рожденіи крупными промышленниками, которымъ онъ былъ предложенъ на разсмотрѣніе, и больше всего Бисмаркомъ, сердце котораго было преисполнено горячимъ усердіемъ, если не къ какой-либо иной свободѣ, то, во всякомъ случаѣ, къ свободѣ эксплоатаціи. Новелла промышленнаго устава, внесенная правительствомъ въ рейхстагъ весною 1878 года, ничего не упоминала о введеніи института фабричныхъ

инспекторовъ и заключала въ себѣ лишь предложенія о незначительныхъ улучшеніяхъ въ недостаточныхъ защитительныхъ предписаніяхъ промышленнаго устава. Предложенія эти рейхстагъ принялъ и присоединилъ къ нимъ по собственной инціативѣ введеніе института фабричныхъ инспекторовъ, хотя не въ общей для всей Имперіи формѣ, но такъ, что правительства отдѣльныхъ государствъ должны были учреждать должности фабричныхъ инспекторовъ и снабдить ихъ всѣми тѣми оффиціальными полномочіями, которыми обладаютъ мѣстныя полицейскія инстанціи. Правительства не рѣшались совершенно отклонить это постановленіе рейхстага; но втайнѣ поспѣшили сдѣлать его для себя безвреднымъ тѣмъ, что въ наказѣ по службѣ обязывали фабричныхъ инспекторовъ не примѣнять на мѣстахъ административныхъ полномочій, благодаря которымъ они могли бы выступить во всеоружіи полицейской власти.

Какъ съ соціалъ-демократическимъ проектомъ законодательной охраны рабочихъ—обстояло дѣло и съ резолюціями противъ покровительственныхъ пошлинъ и противъ перехода въ собственность государства желѣзныхъ дорогъ. Движимый больше практическимъ инстинктомъ давно проснувшагося классоваго сознанія, конгрессъ 1876 года вступилъ на вѣрный путь; но онъ далеко не въ полномъ пониманіи создавшейся ситуаціи и далеко не сознательно выбралъ его. Резолюція противъ перехода желѣзныхъ дорогъ въ собственность государства ужъ слишкомъ скроена по мелко-буржуазному рецепту: „нельзя не сознаться, но должно признаться"... Съ одной стороны, желѣзныя дороги должны, дескать, перейти во владѣніе государства, что-бы отнять у частныхъ собственниковъ несправедливую монополію, а съ другой стороны, молъ, владѣніе дорогами дало бы государству новый перевѣсъ во враждебномъ для народа смыслѣ; не было господствующей общей точки зрѣнія, которая претво-

рила бы кажущееся противорѣчіе въ послѣдовательную систему воззрѣній. Въ резолюціи противъ покровительственныхъ пошлинъ конкуррировали между собой цѣлыхъ три точки зрѣнія. Рейнскіе и, главнымъ образомъ, берлинскіе депутаты, какъ: Фритцше, Раковъ, Гассельманъ и Мостъ, склонялись въ сторону покровительственныхъ пошлинъ. Такимъ образомъ, послѣ не малыхъ трудовъ былъ созданъ компромиссъ, по которому, во-первыхъ, соціалъ-демократія считала себя чуждой борьбѣ, разыгравшейся среди имущихъ классовъ между принципомъ свободной торговли и протекціонизмомъ, во-вторыхъ, торговые договоры, заключенные съ точки зрѣнія принципа свободной торговли, слѣдовало признать неблагопріятными для германской промышленности и нуждающимися въ измѣненіи; и въ-третьихъ,—необходимо было предостеречь рабочихъ, что бы имъ не пришлось таскать каштаны изъ огня для буржуазіи, стремящейся подъ видомъ защитительныхъ пошлинъ къ субсидіи со стороны государства. Когда вслѣдъ затѣмъ правительство сдѣлало первый шагъ на пути таможеннаго покровительства, выступивъ съ предложеніемъ такъ называемаго уравнительнаго налога на желѣзо, соціалъ-демократическіе депутаты при голосованіи раздѣлились на три части: одни совсѣмъ воздержались отъ голосованія, другіе подали свой голосъ за налогъ, а третьи высказались противъ.

Что касается партійной прессы, она сильно разрослась въ ширину, но въ значительно меньшей степени — въ глубину. Многія изъ новыхъ газетъ еле держались и вынуждены были бороться съ чрезвычайными усиліями за свое существованіе. Ихъ редакторамъ, большею частью пролетаріямъ, недоставало необходимаго досуга, чтобы быть на высотѣ своего призванія; гдѣ не хватало фактическихъ доказательствъ, они позволяли себѣ крѣпкія выраженія для большей убѣдительности. Партія не имѣла также и руководя-

щаго органа. Создать такой органъ въ демократической до мозга костей рабочей партіи не легко; здѣсь приходится съ большимъ тактомъ плыть между Сциллой военныхъ приказовъ и Харибдой готоваго къ полицейскимъ услугамъ почтоваго ящика; тѣмъ не менѣе „Social-democrat“ шестидесятыхъ годовъ и „Social-democrat“ восьмидесятыхъ годовъ показали, что эта трудная задача можетъ быть блистательно разрѣшена. Въ семидесятыхъ годахъ, и, главнымъ образомъ, со времени объединенія партій дѣло обстояло не такъ хорошо. Ахиллесовой пятой „Vorwärts'a“ была не демократическая тактика, а хорошо разработанная теорія; такъ, лѣтомъ 1878 года этотъ органъ помѣстилъ въ занявшей слишкомъ много мѣста и тянувшейся чрезъ много номеровъ дискуссіи самыя пестрыя воззрѣнія на теорію цѣнности, но самъ же отклонилъ отъ себя подведеніе итоговъ полемики въ ясномъ и сжатомъ заключительномъ словѣ, что, собственно, и составляетъ задачу руководящаго центральнаго органа; послѣ этой дискуссіи теорія цѣнности рисовалась въ головахъ рабочихъ въ еще болѣе извращенномъ и смутномъ видѣ, чѣмъ раньше.

Въ политическихъ и соціальныхъ вопросахъ дня газетѣ „Vorwärts“ не доставало точныхъ знаній существующихъ отношеній, конкретной ясности въ пониманіи дѣйствительнаго положенія дѣлъ въ Германіи; все неудобное весьма развязно опровергалось нѣсколькими общими фразами, что вносило въ партійную среду преобладаніе самодовольнаго и непріятнаго тона. При этомъ экскурсіи „Vorwärts'a“ въ область внѣшней политики не могли покрыть недостатковъ его внутренней политики; турецкія симпатіи, обнаруженныя этимъ органомъ во время русско-турецкой войны, едва-ли заслуживали меньшаго протеста, чѣмъ руссофильство господствующихъ классовъ. Почти также обстояло дѣло съ „Berliner Freie Presse“, самой вліятельной ежедневной газетой партіи. Въ ней Мостъ слишкомъ часто

распространялся о вещахъ, которыхъ онъ дѣйствительно не понималъ. Правда, его полемика противъ „Римской Исторіи“ Молуна ни въ коемъ случаѣ не была такъ вульгарна, какъ это утверждала буржуазная пресса, хотя она и заставляла желать многаго; но популярное извлеченіе, сдѣланное Мостомъ изъ перваго тома „Капитала“, прямо кишѣло самыми грубыми недоразумѣніями, а въ своей лекціи о способахъ рѣшенія соціальнаго вопроса онъ далъ недобросовѣстную характеристику значенія великихъ утопистовъ, къ которымъ доселѣ въ соціалистической литературѣ принято было относиться съ заслуженнымъ уваженіемъ. И послѣ всего этого, при изображеніи „государства будущаго“, онъ самъ являетъ намъ примѣръ весьма поверхностнаго утопизма.

Не слѣдовало, впрочемъ, слишкомъ трагически смотрѣть на эти тѣни, особенно замѣтныя при блескѣ большого свѣтила. Онѣ не были симптомомъ старческаго упадка, а, напротивъ, являлись признакомъ сильнаго роста, признакомъ того періода, который въ жизни отдѣльнаго человѣка называютъ порой увлеченій. Соціалистическая литература постоянно оставалась побѣдительницей въ борьбѣ со своей буржуазной противницей. Лучшимъ доказательствомъ этого могутъ служить обѣ агитаціонныя брошюры Бракке по поводу выборовъ 1877 года и отвѣтныя брошюры его либеральныхъ противниковъ. Хотя Бракке оспаривалъ несправедливость и неразумность буржуазной собственности лишь съ идеологически-моральной точки зрѣнія, но онъ шутя разбилъ какъ дѣтскія возраженія „Magdeburgische Zeitung“, такъ и отталкивающее сквернословіе, которымъ плохо скрытое безпокойство этой газеты достойно завершило свое, длившееся тридцать лѣтъ, предательство рабочаго дѣла. Въ отвѣтъ на вопросъ Либкнехта: „Должна ли Европа сдѣлаться казацкой?“ нѣкій банковскій чиновникъ Леви, принадлежавшій тогда къ числу самыхъ талантливыхъ сотрудниковъ

„Vorwärts'a“, задалъ въ своей очень содержательной брошюрѣ, съ своей стороны, вопросъ: „Должна ли германская рабочая партія стать турецкой?“ Опасность угрожающаго измельчанія нашла живой откликъ среди членовъ партіи и повела — посредственно и непосредственно — къ образованію двухъ научныхъ періодическихъ изданій, появившихся въ 1877 году.

Ежемѣсячникъ „Neue Gesellschaft“, издаваемый Ф Виде въ Цюрихѣ, благодаря одной части своихъ сотрудниковъ, стоялъ въ связи съ германской соціалъ-демократіей; тогда какъ журналъ „Zukunft“, выходящій два раза въ мѣсяцъ и издаваемый Карломъ Гэхбергомъ въ Берлинѣ, являлся всецѣло органомъ партіи. Гэхбергъ, сынъ франкфуртскаго лотерейнаго коллектора, былъ сомоотверженный идеалистъ; онъ взялъ на себя затраты по журналу, не преслѣдуя при этомъ никакихъ побочныхъ цѣлей личнаго честолюбія: соціализмъ былъ предметомъ его сердечнаго увлеченія, и не только въ хорошемъ смыслѣ этого слова, но и въ дурномъ. Ученикъ Альберта Ланге, въ тотъ періодъ, когда Ланге сталъ апеллировать больше къ государственной мудрости господствующихъ классовъ, нежели къ революціоннымъ инстинктамъ рабочихъ классовъ, Гэхбергъ сторонился суровыхъ проявленій пролетарской классовой борьбы. Онъ думалъ выполнить миссію коммунизма такимъ путемъ, который кажется возможнымъ всѣмъ справедливо и благоразумно мыслящимъ людямъ. Но его идеальный образъ мыслей былъ ложно направленъ его идеалистической философіей; уже въ первыхъ книжкахъ „Zukunft“ онъ заявилъ, что соціализмъ „беретъ свои требованія и задачи и цѣли изъ идеи“, что „единственный творческій источникъ соціалистическаго идеала есть независимое отъ данной ситуаціи и даже идущее вразрѣзъ съ ней автономное сознаніе съ его представленіемъ о должномъ“, что главная задача „соціалистики“ заключается въ томъ, чтобы разработать въ деталяхъ весь строй „соціалистическаго госу-

дарства“ и доказать его осуществимость. Такія воззрѣнія отбрасывали теоретическій соціализмъ на полстолѣтія назадъ; своеобразныя чувства должны были вызвать у Маркса и Энгельса эти программныя заявленія, сдѣланныя 30 лѣтъ спустя послѣ появленія „Коммунистическаго манифеста“.

Но они соблюдали дисциплину и безмолствовали. Если бы журналу „Zukunft“ суждено было дольше жить, онъ бы скоро излѣчился отъ своего сентиментальнаго соціализма. Робкія попытки къ этому можно уже найти въ немъ, какъ бы пестры и спутанны ни были его теоретическія положенія. Къ числу самыхъ прилежныхъ сотрудниковъ Гэхберга принадлежалъ Э. А. Шраммъ, заявившій себя съ лучшей стороны въ качествѣ опытнаго противника манчестерства; послѣдній скоро усвоилъ себѣ пренепріятный тонъ непогрѣшимости, но этой областью, кажется, и ограничивался его соціализмъ; но противъ реакціонныхъ плановъ бисмарковской „націонализаціи“ промышленныхъ предпріятій, которыхъ мало касались крѣпкія слова по адресу манчестерства, Шраммъ выступилъ очень неувѣренно. Не обошлось и безъ привлеченія Мюльбергера съ его прудонистскими снадобьями; затѣмъ слишкомъ уже значительная часть „Zukunft“ была удѣлена детальному обсужденію строя „государства будущаго“. Впрочемъ, противъ всего этого вскорѣ обнаружилась оппозиція; въ частности, Бебель быстро раздѣлался съ мюльбергерской галиматьей и шраммовской безпомощностью, давъ одновременно съ этимъ въ своей статьѣ объ имперскомъ управленіи заботъ о народномъ здравіи, доказательство того, что онъ умѣетъ цѣнить способность капиталистическаго общества, разрѣшать культурныя задачи, поскольку эта способность дѣйствительно проявляется. Подводя итоги, должно сказать, что „Zukunft“ до поры до времени только увеличивалъ тоеретитическую безпомощность въ рядахъ партіи; то же самое, если еще не въ боль-

шей степени, приходится сказать и о журналѣ „Neue Gesellschaft“, редактору котораго не было къ тому же присуще истинное и глубокое чувство справедливости, которое до нѣкоторой степени все же компенсировало у Гэхберга недостатки, связанные съ его взвинченнымъ идеализмомъ.

Вообще не всѣ были Гэхбергами изъ числа тѣхъ, кто перешелъ тогда изъ лагеря имущихъ классовъ къ соціалъ-демократіи, чтобы погрѣться въ лучахъ этого восходящаго солнца. Непризнанные изобрѣтатели и реформаторы, противники оспопрививанія, приверженцы естественныхъ методовъ лѣченія болѣзней и подобные имъ причудливые геніи—старались среди мощно выступающаго рабочаго класса добиться признанія, въ которомъ имъ доселѣ отказывали. Въ полномъ силъ стремленіи — опрокинуть сгнившій міръ сознательный пролетаріатъ тоже не явилъ себя особенно недоступнымъ и придавалъ больше значенія добрымъ намѣреніемъ предлагавшихъ свою помощь, чѣмъ силъ ихъ чреслъ. Особенно значительнымъ былъ притокъ изъ академическихъ круговъ. Преданія гражданскаго радикализма, еще не исчезнувшія со времени стараго буршества въ студенческой средѣ, погасли въ политическомъ тлѣніи, переживаемомъ прогрессистской партіей; смотря по наклонностямъ, происхожденію и соціальной средѣ — студенты или посвятили теперь всѣ свои мысли вульгарному карьеризму, самое большее прикрывающемуся этикеткой антисемитизма, или же искали дружбы съ соціалъ-демократіей.

Самымъ виднымъ между буржуазными адептами соціализма былъ приватъ-доцентъ Евгеній Дюрингъ, кругозоръ котораго далеко раздался вширь сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда онъ еще поддерживалъ связи съ Бисмаркомъ и Вагенеромъ. Онъ читалъ всегда передъ переполненной аудиторіей различныя научныя дисциплины, и одновременно съ этимъ онъ въ

нѣсколькихъ быстро слѣдовавшихъ одно за другимъ сочиненіяхъ изложилъ свою философско-соціалистическую систему, въ которой, какъ онъ утверждалъ, ему удалось открыть много невѣдомыхъ міру истинъ. Соотвѣтственно своимъ притязаніямъ онъ смотрѣлъ на своихъ предшественниковъ въ области философіи и соціализма, за немногими исключеніями, сверху внизъ. Особенно на Маркса и Лассаля изливался его гнѣвъ цѣлымъ потокомъ. Тѣмъ не менѣе, соціалъ-демократическіе элементы, на которыхъ Дюрингъ имѣлъ живой рѣчью или своими сочиненіями большое вліяніе, были вовсе не самые плохіе. Во всякомъ случаѣ, понять его было труднѣе, нежели отдѣлаться простымъ „разносомъ“ на манеръ, какъ самъ онъ „разносилъ“ Маркса и Лассаля. Дюрингъ безъ сомнѣнія обладалъ большими способностями; въ противоположность катедеръ-соціалистамъ, онъ отрицалъ всякій соціализмъ, который не устранялъ совершенно систему наемнаго труда; онъ былъ сторонникомъ фабричнаго законодательства и, главнымъ образомъ, профессіональной организаціи, но только, какъ средства къ достиженію цѣли, и стоялъ на точкѣ зрѣнія политическаго радикализма, идеалъ котораго видѣлъ въ Байронѣ и Шелли, въ Маратѣ, Бабефѣ и въ мужахъ коммуны. Именно, наиболѣе одаренные духовно элементы соціалъ-демократіи, которыхъ больше не удовлетворяли агитаціонныя рѣчи Лассаля и пониманію которыхъ „Капиталъ“ Маркса со всѣмъ богатствомъ его историческихъ указаній еще не былъ доступенъ, должны были сильно увлечься ученіемъ Дюринга.

Также и жизнь этого человѣка въ извѣстномъ смыслѣ не была лишена величія. Сынъ прусскаго чиновника, рано осиротѣвшій, воспитанный въ сиротскихъ домахъ и воспитательныхъ заведеніяхъ и вскорѣ послѣ своего вступленія на службу въ вѣдомство юстиціи совершенно ослѣпшій,—онъ пробился сквозь строй тяжкихъ и неблагопріятныхъ жизненныхъ условій на

просторъ свободнаго міросозерцанія, въ сферѣ котораго неуклонно пребывалъ, несмотря на тяжелую борьбу съ жизненными невзгодами. Правда, практически онъ былъ знакомъ только съ старо-прусскими условіями, и потому долженъ былъ при всей энергіи и смѣлости своей умственной работы оставаться въ надземныхъ сферахъ и въ то же время никакъ не могъ отрѣшиться отъ предательскихъ остатковъ земныхъ вліяній, почерпнутыхъ въ старосвѣтскомъ укладѣ глухого уголка, который онъ нѣкогда наблюдалъ своими собственными глазами. Дюрингъ отрицалъ специфически-прусскій соціализмъ, но онъ не уничтожилъ въ себѣ его корней, усматривая въ политической власти источникъ всяческаго рабства. Не зная новѣйшаго буржуазнаго общества, онъ исходной точкой избралъ литературу вѣка просвѣщенія, созданную революціоннымъ мѣщанствомъ, какъ то сдѣлали нѣкогда великіе утописты; но, такимъ образомъ, онъ незамѣтно и пришелъ въ царство утопіи, — къ убогой трезвенности своей коммуны будущаго, изображеніемъ которой, по его мнѣнію, онъ обезпечилъ себѣ мѣсто болѣе почетное, чѣмъ мѣсто Маркса. Онъ относился съ презрѣніемъ къ обнаженному „желудочному интересу“, воплощаемому экономической борьбою классовъ, и при этомъ самую крупную роль въ его мышленіи и въ его борьбѣ играли „презрѣнныя кормовыя корыта, предоставляемыя въ распоряженіе членовъ прусской университетской корпораціи“. То же самое несоотвѣтствіе между мелочными отправными точками и утопически-неясными цѣлями обнаруживалось—въ нѣсколько иномъ видѣ—въ томъ, что Дюрингъ въ результатѣ своей стачки съ оффиціальной университетской кликой дошелъ до внушающей безпокойство маніи величія и возымѣлъ въ концѣ-концовъ намѣреніе выступить піонеромъ во всевозможныхъ наукахъ, не ознакомившись ни съ одной изъ нихъ вполнѣ основательно.

При такихъ обстоятельствахъ было весьма сомни-

тельнымъ растущее вліяніе, которое Дюрингъ пріобрѣлъ на революціонное рабочее движеніе. Какъ разъ то, къ чему онъ прибѣгалъ больше всего: діалектическо-историческій методъ пониманія — могъ меньше всего оказаться поучительнымъ у человѣка, который считалъ развитіе научныхъ воззрѣній завершеннымъ чуть ли не навѣки въ той формѣ, которую онъ придалъ своей системѣ. Соціалъ-демократія, конечно, слишкомъ выросла для того, чтобы Дюрингъ могъ ее сдѣлать подножіемъ для своей маніи величія, но онъ все-таки могъ въ только что объединившейся партіи вызвать значительное разстройство. Противъ этой-то опасности выступилъ Энгельсъ въ цѣломъ рядѣ статей, которыя появлялись въ 1877 году въ „Vorwärts", Онѣ освѣтили систему Дюринга съ разныхъ сторонъ и испробовали на ея критическомъ анализѣ историко-матеріалистическую діалектику въ цѣломъ рядѣ крупнѣйшихъ проблемъ исторіи и естествовѣдѣнія.

То, что Дюрингъ приводилъ противъ Маркса и Лассаля, было сплошнымъ ругательствомъ, обрамленнымъ цѣлымъ рядомъ недоразумѣній, искренность возникновенія которыхъ подлежала справедливымъ сомнѣніямъ. Такимъ образомъ, Энгельсъ не имѣлъ повода оказывать Дюрингу какое бы то ни было снисхожденіе, которое къ тому же, какъ справедливо выразился Энгельсъ, было бы для человѣка съ такими претензіями смертельнымъ оскорбленіемъ. Для Энгельса Дюрингъ являлся „однимъ изъ самыхъ характерныхъ типовъ той крикливой лже-науки, которая нынѣ протискивается повсюду въ Германіи на первый планъ и все заглушаетъ своей громогласной галиматьей высшей марки". Энгельсъ не скрывалъ, что германскій соціализмъ въ послѣднее время тоже въ значительной степени прикосновененъ къ этой галиматьѣ; изъ разныхъ мѣстъ его статей достаточно очевидно явствуетъ, что и онъ и Марксъ отказались уже отъ тѣхъ ошибочныхъ предпосылокъ, исходя изъ которыхъ

Марксъ написалъ свое извѣстное письмо, посвященное критикѣ программы объединенной партіи. До сихъ поръ они отвѣчали хладнокровнымъ молчаніемъ на худшія нападки, чѣмъ вылазки противъ нихъ Дюринга. И если Энгельсъ на этотъ разъ счелъ необходимымъ заговорить, то имѣлъ въ виду совсѣмъ иное, нежели личность Дюринга, и безъ того очень скоро исчезнувшую съ горизонта.

Въ то самое время, какъ сочиненія Энгельса появлялись въ „Vorwärts“, оффиціальной университетской кликѣ, для которой Дюрингъ, благодаря хорошимъ его сторонамъ, уже давно являлся бѣльмомъ въ глазу, удалось, при помощи пристрастнаго университетскаго суда, отдѣлаться отъ ненавистнаго противника. По самымъ неосновательнымъ причинамъ Дюрингъ былъ лишенъ каѳедры. Его соціалъ-демократическіе приверженцы мужественно заступились за него и вызвали сильное студенческое движеніе — послѣднее въ Германіи, — которое руководилось идеальнымъ порывомъ. Дюрингъ самъ сдѣлалъ свое положеніе безвыходнымъ тѣмъ, что выступилъ теперь въ качествѣ основателя секты и претендовалъ на непогрѣшимую авторитетность сектантскаго главаря. Это навсегда покончило съ его вліяніемъ на революціонное движеніе.

Наоборотъ, полемика, въ которую вступилъ съ нимъ Энгельсъ, еще до сихъ поръ жива и дѣйствительна. Она, благодаря своей мастерской формѣ, дала ключъ къ пониманію научнаго коммунизма германскому, а затѣмъ и интернаціональному пролетаріату. Изъ нея развилась и на нее опирается обширная литература. Ея положительные результаты имѣли громадное значеніе, и противъ убѣдительной силы приводимыхъ въ ней доказательствъ не могла устоять и большая часть буржуазныхъ ученыхъ при всей ихъ косности; но значеніе этой полемики, создавшей эпоху, заключалось въ томъ, что, какъ самимъ ученьемъ,

такъ и мастерскимъ примѣромъ его примѣненія, она выдвинула діалектическое мышленіе на подобающее ему мѣсто. Своимъ полемическимъ сочиненіемъ Энгельсъ далъ германской соціалъ-демократіи какъ разъ то, что ей въ тотъ моментъ было необходимо, какъ хлѣбъ насущный; данный имъ толчокъ имѣлъ въ своемъ родѣ не меньше значенія и вліянія, чѣмъ толчокъ, который полтора десятка лѣтъ назадъ далъ „Гласный отвѣтъ“ Лассаля.

Какъ необходима была эта книга, показалъ, можетъ быть, яснѣе всего тотъ непривѣтливый пріемъ, который былъ оказанъ ей партіей. Мостъ и другіе не выказали особой охоты предоставить для этихъ статей страницы „Vorwärts“ и были не прочь затѣять противъ Энгельса такой же инквизиторскій судъ, какой оффиціальная университетская клика устроила надъ Дюрингомъ. Къ счастью, конгрессъ 1877 года не согласился съ этимъ. Онъ рѣшилъ только, въ видахъ практической агитаціи, обнародовать эту чисто научную полемику не въ самой газетѣ, а въ научномъ приложеніи центральнаго органа. Конечно, здѣсь не обошлось безъ тяжкихъ обвиненій. Нейсеръ видѣлъ смягчающее вину „Vorwärts“ обстоятельство въ томъ, что его редакція не располагала достаточными силами, чтобы внимательно проконтролировать статьи Энгельса, а Вальтейхъ высказался — тѣмъ высокомѣрнымъ тономъ, который уже Лассалю былъ нестерпимъ — въ томъ смыслѣ, что полемическіе пріемы, употребляемые Энгельсомъ, поведутъ за собой порчу вкуса и сдѣлаютъ духовную пищу „Vorwärts“ неудобоваримой.

Лѣтомъ 1878 года это полемическое сочиненіе появилось въ законченномъ видѣ отдѣльной книгой. Какъ разъ къ тому времени, когда темная грозовая туча заволокла политическій горизонтъ, вспыхнулъ спокойно сіяющій свѣтъ этого маяка.

Глава шестая.

Законъ противъ соціалистовъ.

Тѣмъ временемъ Бисмаркъ преслѣдовалъ свои финансовые, налоговые и пошлинные планы со свойственнымъ ему упорствомъ. При выборахъ 1877 года онъ уже могъ отмѣтить извѣстный успѣхъ. Націоналъ-либералы потеряли почти 20 полномочій, которыя попали консервативной партіи, число сторонниковъ свободной торговли нѣсколько порѣдѣло, а сторонники покровительственной пошлины нѣсколько усилились. Однако, еще нельзя было заполучить большинство въ рейхстагѣ за покровительственную пошлину, такъ какъ консерваторы и ультра-монтаны составляли меньшинство; и Бисмаркъ долженъ былъ,—что и безъ того являлось для него самымъ удобнымъ, — продолжать свое дѣло укрощенія націоналъ-либераловъ.

Излишне перечислять всѣ попытки, которыя онъ сдѣлалъ съ этой цѣлью: угрожающія прошенія объ отставкѣ, демонстративный отъѣздъ въ свои имѣнія и еще многое въ этомъ родѣ. Переговоры рѣшающаго значенія между нимъ и Беннигсеномъ произошли на Тройцѣ 1877 года въ Барцинѣ и окончились для Бисмарка совершенно неудачно Беннигсенъ еще не былъ тогда такъ ничтоженъ, какъ теперь его послѣдователи; то, что Бисмаркъ предлагалъ, казалось ему слишкомъ малымъ, а то, что Бисмаркъ желалъ получить — слишкомъ большимъ. Націоналъ-либераламъ онъ предлагалъ выставить одного или нѣсколькихъ статистовъ въ министерство; но за это они должны дать свое согласіе на введеніе табачной монополіи и цѣлаго ряда финансовыхъ пошлинъ безъ „конституціонныхъ гарантій“, безъ обезпеченія нарушенія, такимъ образомъ, парламентскаго бюджетнаго права; имъ предлагали получить фиктивную долю въ политической власти, но зато отказаться отъ дѣйстви-

тельной своей доли въ ней, поскольку они ею еще обладали. Такое предложеніе было для нихъ слишкомъ уже непріемлемымъ, тѣмъ болѣе, что растущая интимность между Бисмаркомъ и остъ-эльбскимъ дворянствомъ давно уже заставила опасаться за участь своего „богоподобнаго" положенія.

Въ сессіи рейхстага, открывшейся въ февралѣ 1878 года, противорѣчія выступили еще рѣзче. Бисмаркъ безъ обиняковъ требовалъ табачной монополіи; Кампгаузенъ, который судорожно цѣплялся за свой министерскій портфель, долженъ былъ поддерживать требованія Бисмарка; ничтожества изъ феодальныхъ сферъ, какъ напр. графъ Штольбергъ-Вернигероде, или безцвѣтные бюрократы, какъ Гобрехтъ, заняли отвергнутыя Беннигсеномъ министерскія кресла. Во время Пасхи оффиціальная пресса заговорила языкомъ, не оставлявшимъ больше сомнѣнія въ томъ, что Бисмаркъ сказавшійся или бывшій, дѣйствительно, больнымъ и уѣхавшій въ Фридрихсруэ, только подыскиваетъ поводъ, чтобы распустить рейхстагъ и какимъ-нибудь „плебисцитомъ" создать себѣ парламентъ, который принесъ бы ему пару милліоновъ новыхъ налоговъ и при этомъ обкарналъ бы свои собственныя права.

При старой все еще не утоленной ненависти Бисмарка къ соціалистамъ нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что онъ напалъ на мысль воспользоваться краснымъ призракомъ, въ качествѣ отличнаго загонщика для своей облавы, предпринимаемой противъ народной мошны. И если въ этомъ отношеніи онъ еще нуждался во внѣшнемъ толчкѣ, то послѣдній ему дала прогрессистская партія, принявшая въ это время на себя главную роль въ травлѣ соціалистовъ. Ихъ старшіе и все же болѣе разумные вожаки поумирали, и роль лидера исполнялъ теперь бравый Евгеній Рихтеръ. При извѣстной благосклонности можно было бы счесть болѣзненнымъ, но безвреднымъ эксцессомъ опре-

дѣленіе, данное этимъ выдающимся мыслителемъ соціалъ-демократіи — „дѣтскій послѣдъ полицейскаго государства“, или высказанное имъ мнѣніе, что нѣтъ надобности читать „Капиталъ“ Маркса, который ничего не доказалъ кромѣ того, что капиталистическое производство имѣетъ свои тѣнѐвыя стороны, покуда люди еще не ангелы. Но Евгеній Рихтеръ также провозгласилъ отъ имени своей партіи борьбу съ реакціонными партіями дѣломъ второстепеннымъ, борьбу же съ соціалъ-демократіей — главной своей задачей и далъ директиву: „лучше Люціусъ — чѣмъ Капелль!“ Дѣло въ томъ, что „Volkszeitung“—не то что требовала, а только гипотетически высказала мнѣніе, что если при частичныхъ выборахъ въ Эрфуртѣ дойдетъ до перебаллотировки между приверженцемъ Бисмарка — Люціусомъ и соціалъ-демократомъ Капеллемъ, то прогрессистскіе голоса должны быть поданы за Капелля и противъ Люціуса; послѣ чего на это чудовище не только набросились всѣ прочія прогрессистскія газеты, но и торжественно выступилъ на сцену прогрессистскій центральный комитетъ, чтобы заявить, что „гипотеза“ „Volkszeitung“ противорѣчитъ всѣмъ завѣтнымъ традиціямъ партіи. Эти традиціи изсушили у буржуазной оппозиціи всю кровь въ жилахъ и весь мозгъ въ костяхъ.

I. Христіанско-соціальная агитація.

Такимъ образомъ христіанско-соціальная агитація, которая въ это время выступила съ значительнымъ шумомъ на публичную арену, могла сдѣлать попытку оттѣснить прогрессистовъ, хотя она обладала той же долей мудрости, какая была присуща и политикѣ послѣднихъ.

Христіанскій соціализмъ XIX столѣтія имѣетъ два историческихъ корня:

Или онъ представляетъ собой явленіе, сопровождающее первобытный рабочій коммунизмъ, который въ своихъ теоретическихъ построеніяхъ исходитъ изъ

всей совокупности привычныхъ для него идей, подобно тому, какъ для великихъ утопистовъ отправной точкой послужилъ знакомый имъ кругъ идей вѣка просвѣщенія (въ началѣ своей освободительной борьбы современный пролетаріатъ охотно опирается на идеи первоначальнаго христіанства, и поэтому исторически важнѣйшія формы первоначальнаго рабочаго коммунизма, связанныя съ именами Кабэ и Вейтлинга, носили религіозную окраску. Только эта окраска обыкновенно очень быстро выцвѣтаетъ: чѣмъ больше массы проникаются пониманіемъ пролетарскаго содержанія своего движенія, тѣмъ безпощаднѣе сбрасываютъ онѣ старыя патріархальныя формы) —

или христіанскій соціализмъ зарождается въ нѣдрахъ имущихъ классовъ и является спутникомъ феодальнаго соціализма. Но этимъ не сказано, что онъ уже съ самаго начала представляетъ собой сознательный обманъ. Религіозные идеологи могутъ вполнѣ искренно полагать, что имѣютъ возможность на религіозной почвѣ помочь бѣднымъ и несчастнымъ. Но во всякомъ случаѣ этой формѣ христіанскаго соціализма суждена весьма недолговѣчная жизнь; въ ней очень скоро реакціонное содержаніе разбиваетъ пролетарскую форму. Правда, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ этотъ соціализмъ очень сильно борется съ капиталистической эксплоатаціей, какъ таковой; онъ долженъ такъ или иначе сдаться, и его послѣдователямъ остается только выборъ: уйти въ пустыню или сдаться.

Историческое развитіе привело къ тому, что германское рабочее движеніе было избавлено отъ сколько-нибудь продолжительнаго тлетворнаго вліянія христіанскаго соціализма, будь то въ одной или въ другой формѣ. Классическая философія, привѣтствуемая съ живой радостью ремесленниками и передовыми рабочими, рано очистила ихъ головы отъ метафизическихъ бредней. У Вейтлинга религіозный моментъ уже вы-

ступалъ прямо въ устарѣлой своей формѣ, и до-мартовская реакція не сдѣлала своимъ піэтизмомъ, заигрывавшимъ съ соціализмомъ, ни одного пріобрѣтенья въ рядахъ рабочаго класса. Когда въ началѣ шестидесятыхъ годовъ рабочее движеніе снова переживало подъемъ, оно уже относилось совершенно равнодушно ко всѣмъ религіознымъ вопросамъ. Только эйзенахцы порою выступали, какъ теоретическіе послѣдователи атеизма; Бебель однажды въ рейхстагѣ заявилъ свою принадлежность къ атеизму въ религіозной области, такъ же какъ къ республиканству — въ политической и къ коммунизму—въ экономической. Майнцскій конгрессъ хотя и отклонилъ въ 1882 году исходившее изъ Мюнхена предложеніе объ обязательномъ для членовъ партіи выступленіи изъ государственной церкви, но предложилъ взамѣнъ этого формальный выходъ изъ церковныхъ приходовъ, послѣ того какъ они съ принятіемъ партійной программы въ дѣйствительности уже порвали со всякими религіозными вѣрованіями.

Все же, именно, болѣе детальное занятіе эйзенахцевъ религіозно-философскими проблемами научило ихъ тому, какъ экономическіе вопросы совершенно поглащаютъ религіозные. Книга Давида Штрауса о старой и новой религіи проповѣдуетъ въ своей первой половинѣ самый рѣшительный атеизмъ, а во второй— самый реакціонный имперскій патріотизмъ. Бруно Бауеръ опубликовалъ свои создавшія эпоху изслѣдованія о возникновеніи христіанства въ главномъ періодическомъ органѣ манчестерства, основалъ вмѣстѣ съ Фаухеромъ „Die Post“ — органъ Штрусберга — и одновременно съ этимъ писалъ въ „Berliner Revue“ Рудольфа Майера обычныя политическія обозрѣнія. Модный философъ фонъ-Гартманнъ говорилъ тономъ оракула о „саморазложеніи христіанства“ и въ то же время принадлежалъ къ числу самыхъ ретивыхъ ненавистниковъ соціализма. Къ послѣдней категоріи при-

надлежали также почти всѣ нѣмецкіе дарвинисты. Какъ бы то ни было, но тотъ фактъ, что экономическая классовая борьба не укладывалась уже болѣе во внѣшнія формы религіозныхъ разногласій, выступалъ съ каждымъ днемъ все яснѣе; фактъ этотъ былъ очевиднымъ слѣдствіемъ крупной промышленности, которая невозможна безъ широко простирающагося господства надъ природой и безъ глубоко-захватывающаго разрушенія всѣхъ сверхъестественныхъ представленій.

Въ готской программѣ этотъ взглядъ нашелъ хотя не вполнѣ еще сознанное, но именно потому очень яркое выраженіе. Въ первоначальномъ проектѣ требовалась „свобода совѣсти"; въ окончательной же редакціи это выраженіе было замѣнено „провозглашеніемъ религіи частнымъ дѣломъ"; такая формулировка была принята вначалѣ изъ чисто внѣшнихъ соображеній, въ видахъ болѣе яснаго опредѣленія понятія, что казалось необходимымъ въ такое время, когда прусское правительство соблаговолило выступить противъ римской куріи, яко бы въ роли передового борца „за свободу совѣсти". Однако, принципъ: „религія есть частное дѣло" — на практикѣ получилъ то переносное значеніе, будто религія есть частное дѣло и для пролетарской классовой борьбы. Поскольку религія служитъ могущественнымъ средствомъ господствующихъ классовъ, она обезоруживается въ другихъ параграфахъ программы тѣмъ, что всѣ законы, запрещающіе свободное мышленіе и изслѣдованіе, предлагалось упразднить, и что впредь школа должна была быть управляема государствомъ. Но для борьбы противъ религіи, какъ таковой, все болѣе и болѣе отпадалъ всякій поводъ, такъ какъ съ каждымъ днемъ становилось все яснѣе, что для борьбы съ послѣднимъ прусскимъ жандармомъ нуженъ бóльшій запасъ мужества, чѣмъ для борьбы съ Богомъ, которую самые ограниченные филистеры могли вести съ душевнымъ спокойствіемъ, и что существующій еще въ головахъ религіозный туманъ не можетъ по-

мѣшать пробужденію пролетарскаго классового сознанія.

Во всякомъ случаѣ, такъ называемая „культурная борьба“ все же явилась нѣкоторымъ тормазомъ для рабочаго движенія, укрѣпивъ духовную связь католическихъ рабочихъ съ гонимыми служителями ихъ церкви. Но если, такимъ образомъ, было доказано, что опроверженіе чисто-церковныхъ взглядовъ — безплодное и обоюдоострое средство борьбы, то съ середины десятилѣтія ясно обнаружилось, что развитіе крупной промышленности и обыкновенно связанное съ нимъ обостреніе капиталистическо-пролетарскихъ классовыхъ противорѣчій гораздо успѣшнѣе освобождаютъ отъ религіозной идеологіи, чѣмъ всякое краснорѣчіе. Тамъ, гдѣ католическіе предприниматели и католическіе рабочіе непосредственно стояли другъ противъ друга, гдѣ въ силу вещей нельзя было достигнуть отклоненія пролетарскаго возмущенія исключительно въ сторону „либеральныхъ“ и „протестантскихъ“ капиталистовъ, тамъ раскрывался демагогическій характеръ католическаго соціализма, и ультрамонтанская буржуазія показала себя нисколько не лучше, чѣмъ буржуазія либеральная. Классическимъ мѣстомъ, гдѣ произошла подобная метаморфоза, былъ рейнскій фабричный городъ Аахенъ. Здѣсь, гдѣ „либеральныхъ капиталистовъ“ было немного, изъ года въ годъ все сильнѣе развивался антагонизмъ между католиками-эксплоататорами и католиками-эксплоатируемыми; и въ то же время стало очевиднымъ, что католическая церковь, какъ только дѣло доходило до развязки, всегда оказывалась на сторонѣ господствующихъ классовъ. Противодѣйствіе злоупотребленіямъ, которое пробовали оказать капеланы Кроненбергъ, Лаафъ, Лицингеръ, подавлялось ихъ духовнымъ начальствомъ, не въ меньшей степени жаднымъ къ наживѣ, нежели фабриканты. При чемъ одни, какъ Лаафъ и Лицингеръ, должны были принести повинную,

другіе, какъ Кроненбергъ, вынуждены были покинуть должность. Но, несмотря на это, революціонный соціализмъ совершилъ свое побѣдное шествіе въ древнюю императорскую резиденцію.

Евангелическому духовенству, при его полной зависимости отъ государства, съ самаго начала была отведена болѣе скромная роль по отношенію къ рабочему движенію, чѣмъ духовенству католическому. Такъ называемый „конгрессъ святошъ", засѣдавшій въ 1871 году въ Берлинѣ, потѣшилъ себя недоумѣнной галиматьей на тему о соціальномъ вопросѣ, преподнесенной ему Адольфомъ Вагнеромъ, не прійдя, однако, ни къ какимъ результатамъ. Также и старанія Рудольфа Мейера, менѣе освѣдомленнаго, чѣмъ его учитель Родбертусъ, и желавшаго использовать евангелическое духовенство для аграрно-соціалистическихъ цѣлей, не привели ни къ чему. Менѣе устойчивыя духовныя лица получали свыше довольно прозрачныя указанія, какъ выразился одинъ изъ нихъ въ бесѣдѣ съ Рудольфомъ Мейеромъ. Висмаркъ былъ слишкомъ практическій дѣлецъ, что бы придавать особое значеніе сдобреннымъ религіознымъ лицемѣріемъ методамъ эксплоатаціи; онъ также не хотѣлъ возиться съ „евангелическимъ центромъ", который, разъ возникнувъ, могъ бы стать лишнимъ препятствіемъ на его пути. Бисмаркъ давно уже отклонилъ всѣ попытки Рудольфа Мейера и Вагенера, имѣвшія цѣлью привлечь его сочуствіе къ дѣлу серьезнаго фабричнаго законодательства. Когда Рудольфъ Мейеръ въ пламенномъ, полномъ горькихъ истинъ полемическомъ сочиненіи рѣзко напалъ на систему капиталистической эксплоатаціи, пользовавшейся покровительствомъ Висмарка, книга была сейчасъ же конфискована и ея авторъ былъ привлеченъ къ суду за оскорбленіе Висмарка. Рудольфъ Мейеръ предпочелъ изгнаніе тяжелому тюремному заключенію, къ которому услужливые судьи приговорили его.

Онъ все же успѣлъ склонить на свою сторону нѣкоторыхъ лицъ изъ евангелическаго духовенства; въ ихъ первомъ ряду стоялъ сельскій священникъ Рудольфъ Тодтъ, выступившій въ 1877 году съ обширнымъ сочиненіемъ о радикальномъ германскомъ соціализмѣ и христіанскомъ обществѣ. Тодтъ былъ вообще честнымъ человѣкомъ и притомъ смѣлымъ и прилежнымъ работникомъ, и его книга представляла очень значительный вкладъ, если принять во вниманіе, что она была написана въ сельскомъ приходѣ, расположенномъ вдали отъ большого свѣта. Въ ней Тодтъ обнаруживаетъ пониманіе соціалъ-демократическаго міровоззрѣнія, чѣмъ его сочиненіе выгодно отличается отъ мелочныхъ и злостныхъ нападокъ, при помощи которыхъ либеральные писаки пытались заслонить главныя стороны разсматриваемаго вопроса. Тодтъ считалъ съ христіанской точки зрѣнія экономическія, и до извѣстной степени, и политическія цѣли соціалъ-демократіи неоспоримыми; онъ относился безусловно отрицательно только къ ея атеизму. На этомъ, конечно, нельзя было построить агитаціи противъ соціалъ-демократіи, но Тодтъ и не хотѣлъ быть общественно-политическимъ агитаторомъ. Вмѣстѣ съ изданіемъ своей книги онъ основалъ Центральный Союзъ Соціальной Реформы и при немъ органъ „Staatssozialist“ — еженедѣльный журналъ, который занялся, главнымъ образомъ, разработкой теоретическихъ вопросовъ.

Совсѣмъ иное представлялъ собою придворный священникъ Штэккеръ, который тоже былъ вдохновленъ Рудольфомъ Мейеромъ, но которому очень скоро надоѣлъ его сухой тонъ. Штэккеръ не обладалъ основательностью и стремленіемъ къ правдѣ, отличавшими Тодта, но зато въ немъ было все, необходимое для успѣха демагога: грубое остроуміе, смѣлость, необыкновенная находчивость въ полемикѣ, неистощимый юморъ, способный противостоять самымъ тяжелымъ

жизненнымъ испытаніямъ. Хотя онъ обладалъ тѣмъ счастливымъ легкомысліемъ въ утвержденіи и отрицаніи фактовъ, которое свойственно демагогу по призванію, однако, онъ ни въ коемъ случаѣ не былъ тѣмъ воплощеніемъ лжи, какимъ либеральная пресса, изъ тонкаго разсчета, хотѣла его сдѣлать; по сравненію, напримѣръ, съ Евгеніемъ Рихтеромъ, онъ могъ, во всякомъ случаѣ, служить образцомъ очень правдиваго человѣка. Еще не такъ давно почитатели Штэккера называли его „вторымъ Лютеромъ"; только ему недоставало того, что изъ Лютера сдѣлало крупную историческую фигуру — революціоннаго періода въ его жизни.

Христіанско-соціальная агитація, которую Штэккеръ началъ въ январѣ 1878 года, была прикроена исключительно къ интересамъ господствующихъ классовъ. Къ числу любимцевъ Бисмарка Штэккеръ никогда не принадлежалъ, и въ первомъ же своемъ выступленіи на общественно-политическую арену значительная часть его нападокъ была даже прямо направлена по адресу Бисмарка. Онъ открылъ свой походъ противъ соціалъ-демократіи—будто бы продукта либерализма—въ то самое время, когда Бисмаркъ съ Беннигсеномъ вели переговоры о національ-либеральной министерской кандидатурѣ. Штэккеръ отстаивалъ господство ортодоксіи въ церкви, которое находилось въ тѣсной связи съ господствомъ абсолютнаго короля и феодальнаго дворянства въ государствѣ; заставить служить рабочій классъ интересамъ этихъ силъ—было цѣлью его христіанско-соціальной агитаціи. Какъ бы то ни было, глубокое пониманіе экономической классовой борьбы было ему совершенно чуждо; его рабочая программа представляла мозаику изъ аграрно-соціалистическаго, соціалъ-демократическаго, католическо-соціальнаго и цеховаго источниковъ; ему ничего не стоило считать равно достойной цѣлью законодательную охрану труда и истощающія народныя силы по-

кровительственныя пошлины. Тодтъ воздерживался отъ участія въ подобной дѣятельности, а Рудольфъ Мейеръ еще откровеннѣе насмѣхался надъ такой уродливой разновидностью христіанскаго соціализма.

Средства, которыя употреблялъ Штэккеръ, чтобъ воздѣйствовать на восьмидесятилѣтняго государя, были вполнѣ достойны его высокой цѣли. Онъ собралъ вокругъ себя нѣкоторое количество изъ числа тѣхъ отбросовъ, которые соціалъ-демократія за негодностью отряхнула отъ себя, и съ ихъ помощью устроилъ 3-го января 1878 года въ залѣ „Eiskeller" народное собраніе, созванное съ цѣлью основать христіанско-соціальную рабочую партію. Его надежда и желаніе оправдались: онъ нашелъ здѣсь нѣсколько тысячъ соціалъ-демократическихъ рабочихъ, которые пришли сюда, увлекаемые любопытствомъ; дѣло дошло до оживленнаго словопренія между нимъ и Мостомъ, которое повторялось и въ другихъ народныхъ собраніяхъ. Штэккеромъ былъ ловко использованъ тотъ счастливый случай, что онъ натолкнулся какъ разъ на Моста, который по своей неблагоразумной ретивости не могъ отказаться отъ участія въ такомъ эффектномъ ораторскомъ состязаніи, и который, въ противорѣчіи съ общимъ направленіемъ партійной тактики, заврался до того, что въ одномъ изъ названныхъ собраній поднялъ агитацію въ пользу массового выступленія изъ господствующей церкви. Это собраніе прошло очень неудачно, но не изъ-за большой привязанности рабочихъ къ церкви, а по причинѣ какъ разъ противоположной— рабочіе сдѣлались уже слишкомъ равнодушны къ церкви, чтобы формальное выступленіе изъ нея стоило на ихъ взглядъ даже тѣхъ немногихъ хлопотъ, которыя были съ этимъ связаны. Однако, Штэккеръ не полѣнился обратить въ свою пользу эту кажущуюся неудачу соціалъ-демократической стратегіи. Хотя Рудольфъ Мейеръ неоднократно выступалъ передъ берлинскими рабочими, и на соціалъ-демократическихъ

собраніяхъ вообще никому изъ консервативныхъ ораторовъ ничто не грозило, развѣ быть осмѣяннымъ, но Штэккеръ соблаговолилъ разыграть роль рыцаря безъ страха и упрека, который первый осмѣлился проникнуть въ пещеру льва, и раздулъ въ своемъ открытомъ письмѣ банальную фразу Моста: „Приготовьтесь къ разсчету съ небомъ — ваши часы сочтены", въ призывъ къ убійству. Старый годами и слабый духомъ, императоръ испыталъ большое удовольствіе отъ „побѣды" этого воителя и, въ качествѣ верховнаго епископа протестантской церкви, занялся активной поддержкой ортодоксальныхъ ревнителей, которые нѣсколько пооcлабли въ періодъ „культурной борьбы". Сознательный пролетаріатъ, понятно, не поддался христіанско - соціальной агитаціи Штэккера. Правленіе соціалъ-демократической партіи наложило узду на неистоваго Моста и воспрепятствовало дальнѣйшему продолженію словеснаго турнира, который придавалъ дѣятельности Штэккера значеніе, въ дѣйствительности его незаслуживающее. Какъ только рабочіе перестали интересоваться прекратившимся турниромъ, христіанско-соціальный пузырь тотчасъ же съежился. Штэккеръ продолжалъ еще оставаться притягательнымъ пунктомъ для всевозможныхъ отребьевъ пролетаріата, которыхъ привлекали къ нему тѣ мясные горшки, которые отсутствовали у соціалъ-демократіи; въ этомъ сѣрномъ обществѣ именно и тлѣла та сѣрная нитка, которую Бисмаркъ ни на минуту не терялъ изъ виду, чтобы поджечь свои мины.

2. Покушенія и бѣлый терроръ.

11 мая 1878 года въ Берлинѣ „Подъ Липами" жестянникъ Гэдель произвелъ нѣсколько револьверныхъ выстрѣловъ въ тотъ моментъ, когда императоръ проѣзжалъ въ открытой коляскѣ. Показанія этого совершенно опустившагося, но еще отнюдь не утомленнаго жизнью человѣка, что онъ хотѣлъ убить самого себя,

чтобы этимъ обратить вниманіе государя на неисходное положеніе массъ, было, безъ сомнѣнія, совершеннымъ вымысломъ, однако, и утвержденіе, что онъ цѣлилъ въ императора и хотѣлъ убить его, являлось тоже не болѣе вѣроятнымъ. Револьверъ Гэделя принадлежалъ къ тому роду орудій убійства, которыя никогда не попадаютъ въ цѣль. Онъ имѣлъ кривое дуло и попадалъ, по свидѣтельству компетентнаго присяжнаго эксперта—придворнаго оружейнаго мастера—на разстояніи девяти шаговъ на одинъ футъ выше и настолько же лѣвѣе цѣли.

Самъ Гэдель былъ менѣе всего политическимъ фанатикомъ. Въ 20 лѣтъ онъ уже былъ человѣкомъ, потерпѣвшимъ крушеніе въ жизни, и носилъ на себѣ тѣ рубцы и раны, которыми буржуазное общество обыкновенно клеймитъ несчастныхъ, являющихся безъ приглашенія на его жизненный пиръ. Незаконнорожденный, одержимый наслѣдственнымъ сифилисомъ, уже въ дѣтствѣ подвергшійся тѣлесному наказанію за цѣлый рядъ мелкихъ кражъ, отбывшій за бродяжничество заключеніе въ исправительномъ заведеніи и, наконецъ, отданный къ жестяннику въ качествѣ беззащитнаго объекта беззастѣнчивой эксплоатаціи,—онъ во всѣ дни своей жизни терпѣлъ одни побои и пинки. Больной тѣломъ и духомъ, онъ не обладалъ силой революціоннаго развитія и боролся, въ рангѣ мошенника и мелкаго воришки, противъ вражескихъ силъ, низведшихъ его до уровня полуживотнаго существованія. Гэдель не могъ уже вернуться къ честному труду, когда онъ сдѣлалъ въ Лейпцигѣ, гдѣ жили его мать-прачка и отчимъ-сапожникъ, попытку примкнуть къ соціалъ-демократическому движенію. Его привычки люмпенпролетарія сдѣлали его невозможнымъ въ средѣ сознательнаго пролетаріата; и послѣ того, какъ уже въ мартѣ лейпцигскіе члены партіи отвернулись отъ него, онъ былъ 9 мая формально исключенъ изъ соціалъ-демократической партіи рѣшеніемъ гамбургскаго централь-

наго комитета. Тѣмъ временемъ Гэдель прикинулся „анархистомъ чистѣйшей воды“ и вошелъ въ сношенія съ наборщикомъ Вернеромъ, однимъ изъ двухъ или трехъ послѣдователей Бакунина, существовавшихъ еще въ Германіи. Послѣ этого онъ исповѣдовался передъ мѣстнымъ вождемъ націоналъ-либераловъ Шпаригомъ въ Лейпцигѣ, который за такъ называемыя „разоблаченія“ соціалъ-демократической партіи вознаградилъ его наличными; и наконецъ—его привлекла въ Берлинъ громогласная рекламная дѣятельность Штэккера; здѣсь онъ вновь пытался сойтись съ соціалъ-демократами, которые недвусмысленно указали ему на дверь.

Такимъ образомъ, Гэдель неоднократно встрѣчалъ у соціалъ-демократовъ негостепріимный пріемъ, тогда какъ его встрѣчали съ распростертыми объятіями анархистскій фанатикъ, націоналъ-либеральный патріотъ-ростовщикъ и христіанско-соціальный придворный проповѣдникъ. Тѣмъ не менѣе, было бы большой несправедливостью навязать этого безпутнаго малаго какому-то ни было политическому направленію, какъ бы вообще безмысленно ни было послѣднее. Вторженіе Гэделя въ политическія партіи имѣло для него только одну цѣль — по возможности обезпечить себѣ болѣе благопріятныя условія существованія, и какъ разъ эту цѣль мѣтилъ онъ своимъ револьвернымъ выстрѣломъ „Подъ Липами“. Это было выходящее изъ ряду безчинство, посредствомъ котораго Гэдель хотѣлъ обратить на себя вниманіе, въ надеждѣ, что при этомъ ему что-нибудь перепадетъ; когда онъ былъ арестованъ, у него не было ни одного пфеннига въ карманѣ. Однако, эта шутка плохо окончилась для бѣднаго простака; но до самыхъ ступеней кровавыхъ подмостковъ, на которыя онъ не безъ мужества вступилъ, онъ не переставалъ отрицать, что стрѣлялъ въ императора, и если-бъ это было неправдой, то это отрицаніе имѣло бы тѣмъ меньше смысла, что Гэдель

въ достаточной степени обладалъ тщеславіемъ Герострата, чтобы, кокетничая, разыграть роль покушавшагося на особу его величества.

Но если даже предположить, что Гэдель имѣлъ намѣреніе лишить императора жизни, то приходится сознаться, что покушеніе было совершено самымъ безсмысленнымъ образомъ и являлось дѣломъ идіота, котораго слѣдовало послать не на эшафотъ и не въ исправительное заведеніе, а въ сумасшедшій домъ. Всѣ устныя и письменныя показанія, сдѣланныя Гэделемъ, вполнѣ обнаружили, что онъ юридически и морально былъ одинаково невмѣняемъ, и этотъ фактъ, безъ сомнѣнья, былъ бы подтвержденъ и со стороны медицины, если бы правительство не отклонило предложенія Вирхова дать ему голову осужденнаго для анатомическаго изслѣдованія. Слѣдствіе, которое велось противъ Гэделя передъ государственнымъ судомъ, показало во всѣхъ своихъ частяхъ только то, что правительство, къ сожалѣнію, захотѣло поступить съ нимъ, какъ съ серьезнымъ политическимъ преступникомъ; отсюда—это болѣзненно-тенденціозное обвиненіе, совершенно слабая защита и полный противорѣчій приговоръ, который счелъ „разбитаго физически и нравственно человѣка" достаточно вмѣняемымъ, чтобы приговорить его къ смерти.

Во всякомъ случаѣ, это покушеніе, если его вообще можно назвать этимъ именемъ, принадлежало къ самымъ невиннымъ покушеніямъ вѣка. Несмотря на это, византійство, свирѣпствовавшее со времени франко-нѣмецкой войны, среди имущихъ классовъ, не преминуло раздуть его до размѣровъ крупнаго государственнаго событія. „Патріотическая" чернь проходила предъ дворцомъ императора и пѣла: „Возблагодаримъ Господа Бога". Самъ государь, вначалѣ не хотѣвшій вѣрить въ покушеніе, далъ себя убѣдить, что онъ избѣжалъ ужасной опасности, и заявилъ, что для народа должна быть сохранена религія, дабы подобныя

насилія не могли повториться. Изъ буржуазныхъ газетъ только немногія держали себя достойно, большая же ихъ часть принимала участіе въ дикой вакханаліи; напр., „Nationalzeitung“ писала: „Какое громадное по своимъ послѣдствіямъ рѣшеніе рока пронеслось нынче надъ головой ничего не подозрѣвающаго свѣта! Еще одно небольшое движеніе пистолета вверхъ или внизъ, едва уловимое нѣчто“... и газета затянула длинную канитель на ту тему, что вся міровая исторія перемѣнила бы свой бѣгъ, если бы не „это чудное спасеніе“ императора. Подобно политической прессѣ, держала себя и беллетристика. Она наполняла цѣлые номера описаніемъ „покушенія“ и увѣковѣчила „преступника“ въ такихъ великолѣпныхъ гравюрахъ, какія рѣдко выпадаютъ въ удѣлъ обыкновеннымъ „безсмертнымъ“. Естественно, не обошлось безъ болѣе или менѣе злобныхъ извѣтовъ, змѣиное шипѣніе которыхъ явственно выступало на фонѣ этого пароксизма противъ соціалъ-демократіи, будто бы породившей Гэделя. Понятно, что соціалъ-демократическая пресса отвѣчала на бѣсовское навожденіе только тѣмъ, чего оно заслуживало: ѣдкимъ и язвительнымъ смѣхомъ. Она была совершенно неповинна въ томъ, что искусственная манія покушеній была взрощена въ томъ самомъ капипиталистическомъ обществѣ, которое создаетъ такъ много разбитыхъ существованій. Глупость буржуазіи не могла даже сослаться въ качествѣ смягчающаго вину обстоятельства на свою безпечную наивность: англійская и французская исторія дали достаточно предостерегающихъ примѣровъ того, что покушенія дѣйствуютъ заражающимъ образомъ, трижды заражающимъ, когда преступника, будь онъ даже такой несчастный человѣкъ, какимъ былъ Гэдель, прославляютъ со всѣми почестями, достойными Люцифера.

Бисмаркъ, въ свою очередь, воспользовался этимъ трагикомическимъ случаемъ не столько съ сантиментально-патетической, сколько съ демагого-практической

его стороны, и при первомъ извѣстіи о револьверномъ выстрѣлѣ Гэделя тотчасъ же телеграфировалъ изъ Фридрихсруэ: „Исключительные законы противъ соціалъ-демократіи!“ Черезъ нѣсколько дней послѣ этого „заказъ“ этотъ былъ уже выполненъ, это было произведеніе пера Бухера, судя по показанію оффиціальнаго біографа послѣдняго. Въ своихъ шести параграфахъ законопроектъ лишалъ соціалъ-демократію свободы печати и собраній, насколько такая свобода еще существовала для этой партіи. Союзный Совѣтъ былъ уполномоченъ запретить „печатныя сочиненія и собранія“, которыя преслѣдуютъ соціалъ-демократическія цѣли, но все-таки за рейхстагомъ оставалось право „при его ближайшемъ созывѣ“ устранить созданныя запрещенія. Продолжительность закона была ограничена тремя годами.

Проектъ этотъ уже въ Союзномъ Совѣтѣ вызвалъ нѣкоторый протестъ, а въ рейхстагѣ его отклоненіе уже съ самаго начала было гарантировано. Въ засѣданіи, происходившемъ 23-го и 24-го мая, голосовали за него только обѣ консервативныя партіи. Ихъ главнымъ ораторомъ былъ Мольтке, израсходовавшій весь запасъ заплѣсневѣвшихъ тривіальностей „о раздѣлѣ имуществъ“ и воспѣвшій гимнъ „бѣдствію и нищетѣ“, какъ „непреодолимой стихіи“ въ „созданномъ Господомъ Богомъ міровомъ порядкѣ“. Другія буржуазныя партіи еще опасались давать полиціи диктаторскія полномочія. Націоналъ-либералы, имѣвшіе въ данномъ случаѣ наибольшее значеніе, знали очень хорошо, несмотря на всѣ свои оргіи византійства, что покушеніе Гэделя было глупымъ поступкомъ „негоднаго молодого субъекта“, какъ выразился Беннигсенъ. Они заупрямились, вслѣдствіе крушенія переговоровъ въ Барцинѣ, и не хотѣли знать „при теперешней сумятицѣ, царящей въ средѣ министровъ въ Пруссіи и въ Имперіи“, никакой диктатуры администраціи. Подобныя полномочія, по мнѣнію Беннигсена, можно предо-

ставить только тогда, когда извѣстно, кто будетъ ихъ осуществлять; такой взглядъ тѣмъ болѣе умѣстенъ теперь, когда нѣтъ никакой явной опасности, требующей диктатуры. Національ-либеральный ораторъ высказалъ въ теченіе своей рѣчи нѣсколько удачныхъ мыслей; онъ предлагалъ пользоваться свободой на почвѣ общаго права и протестовалъ противъ исключительныхъ законовъ, которые должны были постигнуть сотни тысячъ германскихъ гражданъ. Конечно, совершенно скрыть реакціонную лошадиную ногу подъ великолѣпно ниспадающей тогой своего торжественнаго краснорѣчія Беннигсенъ не могъ; такъ, онъ необъяснимымъ образомъ открылъ, что существующіе законы еще неиспользованы противъ соціалъ-демократіи до послѣднихъ границъ возможнаго и вызвался заполнить всѣ пробѣлы на почвѣ общаго права.

Ультрамонтаны, разумѣется, были еще недовѣрчивѣй, чѣмъ національ-либералы, по отношенію къ полицейской диктатурѣ; покуда они сами испытывали гнетъ исключительныхъ законовъ, они вообще не могли стоять твердо въ вопросѣ объ исключительныхъ законахъ, направленныхъ противъ другой партіи. Отъ лица прогрессистовъ говорилъ Евгеній Рихтеръ въ духѣ Беннигсена, только ворчливѣй и мелочнѣй послѣдняго. Тогда какъ Беннигсенъ обнаружилъ извѣстное историческое пониманіе соціалъ-демократіи, прогрессистскій ораторъ видѣлъ въ ней „по существу и главнымъ образомъ—искусственный продуктъ“ прусскаго правительства; онъ упрекалъ полицію въ неумѣломъ примѣненіи законовъ о печати и собраніяхъ, которые самъ Мантэйфель считалъ достигающими цѣли для поддержанія порядка, и которые даже онъ, этотъ борецъ за свободу, признавалъ „искусно примѣняемыми и вполнѣ отвѣчающими своей задачѣ“. Только для заполненія открытыхъ имъ здѣсь „пробѣловъ“ Рихтеръ считалъ себя еще не готовымъ; это послѣдуетъ, дескать, вскорѣ. Соціалъ-демократическая

парламентская фракція объявила въ прочитанномъ Либкнехтомъ заявленіи, что считаетъ „несовмѣстимымъ съ своимъ достоинствомъ“ принимать участіе въ дебатахъ, хотя она, конечно, будетъ голосовать противъ проекта, „въ видахъ предотвращенія этого безпримѣрнаго покушенія на народную свободу“; что попытка использовать поступокъ сумасшедшаго еще раньше, чѣмъ было закончено судебное слѣдствіе, для осуществленія давно подготовляемой реакціи и взвалить „нравственную отвѣтственность“ недоказаннаго покушенія на убійство германскаго императора на партію, которая осуждаетъ убійство во всякой формѣ и считаетъ политическое и экономическое развитіе совершенно независимымъ отъ воли отдѣльнаго лица, — такая попытка говоритъ сама за себя въ глазахъ всякаго лишеннаго предразсудковъ человѣка. Предложеніе правительства было отклонено 251 голосомъ противъ 57. При этомъ каждая партія голосовала отдѣльно; только изъ свободно-консервативной ушли трое въ оппозицію, между тѣмъ, какъ изъ націоналъ-либеральной оппозиціи отпалъ профессорскій трилистникъ: Трэйчке и Безелеръ голосовали „за“, тогда какъ Гнейстъ воздержался отъ голосованія. Въ тотъ же день сессія рейхстага была закрыта.

Черезъ 9 дней, т. е. 2 іюня, поспѣла жатва, посѣянная патріотами и политиками бисмарковскаго пошиба: опустившійся человѣкъ, на этотъ разъ изъ имущихъ классовъ, докторъ Карлъ Нобилингъ, сынъ государственнаго арендатора, выстрѣлилъ изъ дробовика изъ одного дома „Подъ Липами“ въ проѣзжавшаго мимо императора и тяжело его ранилъ. Раньше, чѣмъ Нобилингъ былъ схваченъ, онъ выстрѣлилъ себѣ въ голову, и первое достовѣрное свѣдѣніе, вторично опубликованное о немъ, было сообщеніе о его смерти, которая послѣдовала 10-го сентября. Что онъ сказалъ въ промежуточное время о своемъ поступкѣ и о побудительныхъ причинахъ, объ этомъ правительство

весьма старательно умалчивало — косвенное, но яркое доказательство того, что оно не могло найти никакихъ слѣдовъ какой-либо связи между Нобилингомъ и соціалъ-демократіей.

Судя по тому, что прежде было извѣстно о Нобилингѣ, этотъ тщеславный и бездарный человѣкъ по своимъ духовнымъ задаткамъ и склонностямъ принадлежалъ къ „классу" націоналъ-либеральныхъ искоренителей соціалистовъ. „Онъ былъ еще глупѣе, чѣмъ Гэдель", сказалъ о немъ слѣдователь одному ультрамонтану — редактору; а тюремный врачъ, пользовавшій его, ссылаясь на одно историческое замѣчаніе Шиллера о французскихъ Капетингахъ, сообщилъ въ письмѣ къ своему коллегѣ, что Нобилингъ, по его собственному признанію, хотѣлъ убить короля потому, что онъ „во вредъ народу позволялъ другимъ руководить собой, и что надѣялся, такимъ образомъ, на то, что кронпринцъ будетъ управлять самостоятельнѣе". Этотъ нелѣпый взлядъ находится въ полномъ согласіи съ тѣмъ фактомъ, что Нобилингъ имѣлъ наслѣдственные органическіе дефекты и, кромѣ того, страдалъ той же половой болѣзнью, что и Гэдель. Онъ не могъ добиться такого общественнаго положенія, которое соотвѣтствовало бы его претензіямъ; и когда это стало ему ясно, онъ не захотѣлъ безславно покинуть свѣтъ, какъ прочіе самоубійцы, по поводу которыхъ онъ однажды выразился, что не понимаетъ, какъ они могутъ сойти съ жизненной сцены, не прихвативъ съ собой какого-нибудь виднаго человѣка. Слава Гэделя указала дорогу его тщеславію, но онъ, болѣе образованный, нежели Гэдель, тонко воспринималъ то клеймо смѣхотворности, которымъ все же было запечатлѣно покушеніе Гэделя, и обезпечилъ себя отъ таковаго жестокимъ осуществленіемъ своего плана.

Покушеніе изъ-за угла на жизнь восьмидесятилѣтняго старца, политически давно уже переставшаго быть предметомъ острого чувства ненависти, возму-

тило самые широкіе круги населенія. Соціалъ-демократическая пресса была также очень далека отъ того, чтобы ко второму покушенію отнестись съ той же ироніей, съ какой она вполнѣ резонно отнеслась къ первому; она ни на одно мгновеніе не отрицала серьезности положенія, которое было создано покушеніемъ Нобилинга. Только „бранденбургскій вассалъ" Бисмаркъ видѣлъ въ этомъ лишь благопріятный случай для выполненія бонапартистскаго плана. Еще вечеромъ того же дня, когда Нобилингъ произвелъ свой выстрѣлъ, оффиціозный органъ принесъ якобы „оффиціальную", въ дѣйствительности же совершенно вымышленную, телеграмму, въ которой сообщалось, что лежащій съ простреленной головой Нобилингъ при „судебномъ допросѣ" будто бы сказалъ, что онъ симпатизируетъ соціалистическимъ воззрѣніямъ, что въ Берлинѣ онъ неоднократно посѣщалъ соціалистическія собранія и что онъ уже цѣлыхъ 8 дней носился съ намѣреніемъ застрѣлить императора. Эта искра, брошенная въ самую гущу волнующейся толпы, создала то настроеніе, о которомъ удачно было сказано въ одномъ стихотвореніи, помѣщенномъ въ „Vorwärts": „Весь народъ охваченъ ненавистью, и его черты искажены отъ бѣшенаго гнѣва"; по поводу того же настроенія Гидо Вейсъ писалъ въ „Wage" „Императоръ раненъ, а націю трясетъ лихорадка".

Націоналъ-либеральные депутаты и органы ихъ партійной прессы заявляли теперь готовность дать свое согласіе на желанные исключительные законы противъ соціалъ-демократіи. Но Бисмаркъ на этотъ разъ не хотѣлъ уже ихъ слушать. Человѣкъ желѣза и крови рѣшилъ именно націоналъ-либераловъ „прижать къ стѣнѣ такъ, чтобы они запищали", и выполнилъ свой планъ съ свойственной ему настойчивостью. При регентствѣ, которое, за болѣзнью императора, принялъ на себя со связанными руками кронпринцъ, передъ нашимъ мажордомомъ открылась еще болѣе

широкая дорога, чѣмъ прежде. Онъ легко поборолъ сопротивленіе, встрѣченное имъ, какъ въ прусскомъ министерствѣ, такъ и въ союзномъ совѣтѣ, — и уже 11-го іюня рейхстагъ былъ распущенъ; на 30-ое іюля были назначены новые выборы. Ко времени выборовъ Бисмаркъ пріурочилъ примѣненіе системы бѣлаго террора, вполнѣ достигшаго своей цѣли — нагнать на переполошившихся мѣщанъ страхъ и трепетъ, такъ что, исполненные пылкаго рвенія, они сами подставили свои шеи. Безсмысленнѣе всего опять-таки держала себя прогрессистская партія, очень хорошо знавшая и открыто заявлявшая о дѣйствительныхъ планахъ Бисмарка; тѣмъ не менѣе, она старалась еще превзойти реакціонныя партіи неисчерпаемымъ рядомъ клеветъ и извѣтовъ по адресу сознательнаго пролетаріата.

Доносы, обыски, заключенія, закрытіе собраній, конфискація газетъ — все это разразилось надъ соціалъ-демократической партіей съ неслыханной дотолѣ силой. Созванный въ Готѣ партійный конгрессъ былъ запрещенъ, какъ и конгрессъ профессіональныхъ союзовъ, который долженъ былъ собраться въ Магдебургѣ, а послѣ въ Гамбургѣ. Всевозможными средствами давленія, имѣющимися въ ея распоряженіи, полиція принуждала трактирщиковъ не открывать своихъ помѣщеній для соціалъ-демократическихъ собраній. Съ какимъ произволомъ уничтожались послѣдніе слѣды еще имѣвшагося для рабочихъ права собраній, могутъ свидѣтельствовать тѣ „основанія“, вслѣдствіе которыхъ полиція считала возможнымъ распускать собранія; послѣднія закрывались: потому что средній проходъ въ залъ не былъ достаточно свободенъ; потому что было открыто окно и собраніе, такимъ образомъ, происходило подъ открытымъ небомъ; потому что за запертой стеклянной дверью стояли люди и смотрѣли въ залъ и, слѣдовательно, могло быть разбито стекло; потому что одинъ изъ присутствую-

щихъ во время лекціи сдѣлалъ восклицаніе: „смѣшно!"; потому что нѣкоторые изъ публики смѣялись по поводу словъ одного оратора; потому что въ помѣщеніе собранія забѣжала собака. Въ королевствѣ Саксоніи принципіально распускались всѣ собранія, въ которыхъ упоминалось о покушеніяхъ. Не лучше, чѣмъ со свободой собраній, обстояло дѣло для рабочихъ классовъ и съ свободой печати. Лишенная покровительства законовъ, она не могла въ возводимыхъ на нее недостойныхъ извѣтахъ сама отвѣчать ударомъ на ударъ. Охранитель государственныхъ основъ Тессендорфъ подвергалъ наказанію, какъ этого требовалъ другой охранитель—Евгеній Рихтеръ, за всякое „оскорбленіе" даже частныхъ лицъ. Въ Галлѣ заключали въ тюрьму каждаго новаго редактора тамошней партійной газеты; такъ что, въ концѣ-концовъ, въ тюрьмѣ сидѣло столько редакторовъ, сколько вышло отдѣльныхъ номеровъ газеты.

Рука объ руку съ политической шла и экономическая репрессія сознательнаго пролетаріата. Трэйчке вопилъ, какъ иступленный шаманъ: „Почему наши крупные предприниматели не заявляютъ во всеуслышаніе, что въ свои промышленныя заведенія они не будутъ пускать ни одного рабочаго, причастнаго къ соціалъ-демократическимъ происками?". Въ этомъ же духѣ агитировали и многіе органы буржуазной прессы, такъ что вскорѣ они могли уже опубликовать цѣлые листы съ именами фирмъ, обязавшихся впредь не принимать къ себѣ соціалъ-демократовъ. Это по большей части были такія предпріятія, которыя во времена грюндерства отличились разными мошенническими продѣлками. Мошенники и воры всегда выползаютъ на свѣтъ божій изъ своихъ логовищъ, когда дѣло идетъ о расправѣ надъ честными людьми. Оффиціально эта благородная массовая мѣра пресѣченія была санкціонирована предписаніемъ прусскаго министра торговли Майбаха, даннымъ торговымъ и примышленнымъ пала-

тамъ. Противъ такого безпримѣрнаго въ исторіи цивилизованныхъ народовъ насилія надъ совѣстью, соціалъ-демократическія газеты призывали рабочихъ, скованныхъ тѣснымъ кольцомъ непріятелей — все обѣщать и ничего не исполнить. Предприниматели, которые предуготовляли рабочимъ муки голодной смерти, заслуживали быть обманутыми; на ихъ голову должны были пасть и всѣ послѣдствія. Никогда еще не существовало болѣе неприкосновеннаго права самозащиты чѣмъ то, осуществленіе котораго въ этомъ случаѣ предлагала рабочая пресса.

Но не только въ исторіи просвѣщенныхъ народовъ, но даже въ исторіи Византійской имперіи нельзя найти примѣровъ такихъ процессовъ объ оскорбленіи величества, въ которыхъ бы съ такимъ бѣшенымъ прибоемъ выступалъ патріотическій фанатизмъ. Угрожающая общественной безопасности зараза доносовъ свирѣпствовала во всѣхъ слояхъ германской націи, за единственнымъ исключеніемъ класса сознательнаго пролетаріата; въ Мюнхенѣ извѣстный живописецъ Пилати донесъ на знакомаго ему семидесятилѣтняго врача Тотенбаха, что тотъ позволилъ себѣ въ частной бесѣдѣ сдѣлать оскорбительное выраженіе по адресу душевнобольного баварскаго короля; въ Берлинѣ въ притонахъ, гдѣ ютится потерявшій человѣческій обликъ люмпенпролетаріатъ, мошенники и воры взаимно доносили другъ на друга. Отвратительная эпидемія проникла даже въ семейную среду: мужъ не могъ быть увѣренъ въ своей женѣ, отецъ — въ сынѣ. Излюбленный провокаторскій пріемъ состоялъ въ томъ, что на рабочихъ собраніяхъ и въ трактирахъ внезапно раздавалось „ура" за короля, и кто не успѣвалъ при этомъ подняться или снять шапку — привлекался къ суду „за оскорбленіе величества". Дошло, наконецъ, до того, что американскій посолъ въ Берлинѣ извѣстилъ государственнаго секретаря въ Вашингтонѣ о необходимости предостеречь американскихъ гражданъ

пріѣзжающихъ въ Германію, отъ всякаго политическаго разговора.

У отдѣльныхъ чиновниковъ и представителей администраціи заговорила совѣсть, и они старались ввести въ нѣкоторыя границы этотъ безбрежный грязный потокъ. Однако, попытки эти не привели ни къ какимъ ощутительнымъ послѣдствіямъ. Прусскій министръ юстиціи Леонардъ, который служилъ раньше въ Ганноверѣ и которому растяжимость его совѣсти позволила перебѣжать на сторону побѣдоносного Гогенцоллерна Вильгельма, требовалъ отъ прокуроровъ самаго неослабнаго преслѣдованія „оскорбителей величества“. Это давленіе, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, распространялось и на суды. Пресловутая 7-ая депутація берлинскаго городского суда приговорила въ одинъ только день 8-го іюня семерыхъ лицъ за оскорбленіе величества — всѣхъ вмѣстѣ къ 22 годамъ и 6 мѣсяцамъ тюремнаго заключенія; изъ нихъ одного обвиненнаго присудили къ 2 годамъ и 6 мѣсяцамъ за то, что онъ, возвращаясь въ нетрезвомъ видѣ домой, бормоталъ себѣ въ носъ: „Вильгельмъ уже мертвъ, онъ болѣе не живетъ“. Одна женщина въ Бранденбургѣ подверглась $1^1/_2$-годичному заключенію за то, что при первомъ извѣстіи о покушеніи Нобилинга выразилась: „Императоръ, по крайней мѣрѣ, не бѣденъ; онъ можетъ разсчитывать на хорошій уходъ“. Вслѣдствіе произнесенія подобной же невинной фразы одинъ человѣкъ отдѣлался въ первой инстанціи въ Бонѣ 3-мя мѣсяцами тюремнаго заключенія, но вслѣдствіе протеста прокурора былъ присужденъ во второй инстанціи къ 3 годамъ заключенія. Либеральныя газеты, начавшія было вести статистику всѣмъ этимъ процессамъ, уже въ началѣ іюля забросили ее, охваченныя чувствомъ отвращенія и стыда; въ продолженіе одного только мѣсяца въ общемъ было за оскорбленіе величества присуждено больше чѣмъ, къ 500 годамъ тюремнаго заключенія.

Въ пароксизмѣ такой горячки „выздоравливала“ нѣмецкая нація отъ „яда“ соціалъ-демократическихъ теорій.

3. Эра безправія рабочаго класса.

Изъ обѣихъ цѣлей, которыя преслѣдовалъ Бисмаркъ введеніемъ бѣлаго террора, одной онъ достигъ вполнѣ: онъ такъ прижалъ націоналъ-либераловъ къ стѣнѣ, что они потеряли послѣдній остатокъ своего политическаго значенія. Либеральныя фракціи лишились въ общемъ около 40 мѣстъ и столько же пріобрѣли консервативныя. Опираясь на 115 ихъ представителей, Бисмаркъ могъ образовать, смотря по тому, что для него казалось болѣе удобнымъ, консервативно-національное или консервативно-ультрамонтанское большинство; въ этомъ отношеніи путь былъ расчищенъ для его реакціонныхъ плановъ.

Второй поставленной себѣ цѣли — уничтоженія соціалъ-демократіи — онъ не могъ достичь, несмотря на самоубійственную помощь, которую ему при этомъ оказывали либеральныя партіи. Когда въ выборной кампаніи изъ двѣнадцати мѣстъ въ рейхстагѣ соціалъ-демократы потеряли семь: Хемницъ, Лейпцигскій округъ, Цвиккау - Кримичау, Ауэрбахъ-Рейхенбахъ, Берлинъ VI, Рейсъ старшей линіи и Рейхенбахъ-Нейроде, и удержали за собой только два: Глаухау-Меранъ (Бракке) и Штольбергъ-Шнеебергъ (Либкнехтъ),—тогда раздался преждевременный торжествующій крикъ „партій порядка“; однако, послѣдній смолкъ вскорѣ, когда „побѣдители“ соблаговолили поближе присмотрѣться къ своему великолѣпію и увидѣли внезапно только свой собственный уронъ.

При болѣе неблагопріятныхъ обстоятельствахъ чѣмъ на этотъ разъ, соціалъ-демократическая партія еще никогда не вела выборной борьбы. Законное оружіе, неограниченное пользованіе которымъ предоставлялось всѣмъ буржуазнымъ партіямъ, было у нея отнято или,

по меньшей мѣрѣ, приведено въ состояніе негодности: права собранія она вообще не имѣла на значительной территоріи имперіи; въ остальныхъ же мѣстахъ она могла имъ пользоваться лишь въ урѣзанномъ видѣ; ея избирательные листки конфисковались подъ самыми ничтожными предлогами, а ея газеты были сильно парализованы непрерывными набѣгами со стороны полиціи и прокуратуры. Не меньше половины ея представителей печати и слова сидѣли за тюремными рѣшетками. „По отношенію къ соціалъ-демократіи полиціи все дозволено“, сказала одна либеральная газета, а одинъ консервативный органъ подтвердилъ, что полиція ставитъ всяческія препятствія соціалъ-демократической агитаціи „всевозможными способами“. Однако, подобныя признанія дѣлались случайно при внутреннихъ междоусобіяхъ буржуазныхъ партій. Ни консерваторы, ни либералы не стѣснялись использовать для своихъ цѣлей полицейскія репрессіи, направленныя противъ рабочаго класса. „Непреклонная“, какъ всегда, прогрессистская партія также боролась подъ материнской защитой полиціи противъ сознательнаго пролетаріата. Къ этому присоединилась неслыханная нужда, уже пять лѣтъ угнетавшая рабочихъ, экономическій прижимъ предпринимателей, жертвою котораго сдѣлались безчисленные партійные товарищи, и, наконецъ, вихрь презрѣнья и ярости, который поднялся противъ соціалъ-демократіи въ результатѣ мнимой моральной отвѣтственности ея за покушенія. „Vorwärts“ не преувеличивалъ, когда говорилъ, что „это не было честной борьбой съ одинаковымъ оружіемъ и равными шансами на успѣхъ. Врагъ былъ вооруженъ съ головы до ногъ, соціалъ-демократія же стояла обезоруженная и со связанными руками и ногами“. Даже „Der Hamburgische Korrespondent“— буржуазная газета, обнаруживавшая сравнительно большее пониманіе революціоннаго рабочаго движенія,—все-же приходила къ тому заключенію, что

окруженная плотнымъ кольцомъ непріятелей, очутившаяся въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, партія потерпитъ чувствительный уронъ и, отбросивъ, быть можетъ, въ сторону свое оружіе, ринется въ борьбу, только чтобы спасти свою честь

Въ дѣйствительности гамбургскій центральный комитетъ не упускалъ ни на одинъ моментъ изъ виду того, что при подобныхъ обстоятельствахъ возможна не наступательная, а только оборонительная борьба. Въ своемъ призывѣ, опубликованномъ имъ 18-го іюня по случаю выборовъ, было сказано: „какъ велика партія, намъ доказала предыдущая избирательная кампанія; насколько она способна сопротивляться, пусть намъ докажетъ 30-ое іюля. Если общій боевой призывъ противниковъ гласитъ: „долой соціалъ-демократію изъ рейхстага“, то наше дѣло — напречь всѣ усилія теперь къ тому, чтобы сохранить въ полномъ объемѣ пріобрѣтенную въ рейхстагѣ позицію. Поэтому необходимо сосредоточить нашу борьбу на тѣхъ избирательныхъ округахъ, завоевать которые мы имѣемъ наибольшія надежды; въ другихъ же округахъ только тамъ заняться агитаціей, гдѣ, какъ напримѣръ, въ городахъ и промышленныхъ мѣстностяхъ, это можно сдѣлать безъ большого труда и затратъ; но, гдѣ агитація очень затруднена, стоитъ большихъ издержекъ и не представляетъ большихъ вѣроятій на успѣхъ, тамъ отъ нея слѣдуетъ отказаться“. „Оффиціальными“ округами, на которыхъ партія должна была сосредоточить всѣ свои усилія, были, по перечисленію центральнаго избирательнаго комитета, слѣдующіе 29: Берлинъ IV и VI, Гамбургъ I и II, въ Шлезвигъ-Гольштиніи: Альтона, Глюкштадтъ и Киль; въ Рейнской землѣ: Эльберфельдъ-Барменъ и Золингенъ; въ Майнгау: Ганау и Оффенбахъ; въ средне-нѣмецкихъ мелкихъ государствахъ: Гота и Рейсъ старшей линіи; въ Силезіи: Бреславль I и II, Рейхенбахъ-Нейроде и Вольденбургъ; въ Баваріи: Нюрнбергъ; въ королевствѣ Саксонскомъ: Ауэрбахъ-

Рейхенбахъ, Борна, Хемницъ, Дрезденъ-Альтштадтъ, Фрейбергъ, Глаухау-Меранъ; въ Лейпцигскомъ округѣ: Митвейда, Штольбергъ-Шнееебергъ, Цшопау и Цвикау-Кримичау.

Рабочіе держались одинаково образцово, какъ со стороны благоразумія, такъ и со стороны энергіи. „Vorwärts" цѣлыя недѣли помѣщалъ въ заголовкѣ своихъ номеровъ напоминаніе: „Товарищи! не давайте себя ввести въ обманъ! Хотятъ стрѣлять! Реакціи нужны смуты, чтобы выиграть свою игру!" Для этого предостереженія партійные руководители имѣли очень большія основанія; Бисмаркъ ужъ тогда преслѣдовалъ свой планъ, въ которомъ онъ позже публично признался съ цинизмомъ „государственнаго мужа": онъ хотѣлъ бросить соціалъ-демократіи неслыханный вызовъ для того, чтобы принудить ее къ активному выступленію и тѣмъ вѣрнѣе смести ее; а изъ нѣкоторыхъ дворянскихъ устъ раздавалось тогда крылатое слово: „Нужно такъ долго размахивать краснымъ лоскутомъ, пока онъ въ глазахъ напуганнаго филистера не покажется заревомъ пылающихъ городовъ". Но рабочіе съ развитымъ классовымъ самосознаніемъ отвѣтили хладнокровнымъ презрѣніемъ на эти вызовы, и направили всѣ свои силы на предвыборную борьбу. Въ кассу гамбургскаго центральнаго комитета для выборовъ поступило отъ 1-го февраля до 18-го октября 1878 года 64,218 марокъ; почти половина этой суммы была предназначена для избирательнаго фонда. Вмѣстѣ съ мѣстными расходами было собрано по меньшей мѣрѣ 150,000 марокъ для предвыборной борьбы. Датскіе, бельгійскіе, англійскіе, французскіе, австрійскіе и швейцарскіе рабочіе прислали около 8,000 марокъ, — поддержка, которая имѣла еще большее моральное значеніе, чѣмъ матеріальное. Марксъ также бросилъ изъ Лондона бомбу въ непріятельскій лагерь, которая произвела немалое смятеніе. Когда распространилось извѣстіе, что Бисмаркъ имѣетъ намѣреніе злоупотре-

бить конгрессомъ дипломатовъ, собравшихся въ Берлинѣ лѣтомъ 1878 года для ратификаціи результатовъ русско-турецкой войны, съ цѣлью устройства интернаціональной травли рабочихъ, Марксъ съ ѣдкимъ сарказмомъ сдѣлалъ достояніемъ гласности тѣ лестныя прэдложенія — сотрудничать въ оффиціальной газетѣ прусскаго правительства, которыя ему передалъ осенью 1865 года секретарь конгресса Лотаръ Бухеръ. Своими очевидными для всѣхъ увертками Бухеръ сдѣлалъ себя только посмѣшищемъ всего міра.

Предвыборная тактика соціалъ-демократической партіи напоминала пріемы коменданта крѣпости, который, при приближеніи превосходящаго силою непріятеля, предаетъ огню предмѣстья, чтобы тѣмъ основательнѣе укрѣпиться за стѣнами и валами крѣпости. Съ самаго начала партія отказалась отъ мысли—сдѣлать смотръ такому большому числу своихъ сторонниковъ, какъ въ 1877 году; и въ сущности значительнымъ успѣхомъ было уже и то, что 437,158 голосовъ, т. е. около 8 процентовъ всѣхъ поданныхъ голосовъ, пришлось на долю ихъ кандидатовъ,—всего лишь на 56,289 голосовъ меньше, чѣмъ въ прошломъ году. Но гораздо важнѣе было то, что непріятельскія штурмовыя колонны, дѣйствительно, разбили себѣ головы объ ихъ укрѣпленные лагери. Въ 29 „оффиціальныхъ" избирательныхъ округахъ число соціалъ-демократическихъ голосовъ поднялось съ 220,000 до 240,000. Если этотъ большой успѣхъ имѣлъ и свою тѣневую сторону въ томъ отношеніи, что ростъ числа голосовъ не по всѣмъ округамъ распредѣлялся равномѣрно, то гораздо сильнѣе выступила его свѣтовая сторона: число голосовъ во всѣхъ большихъ городахъ, за исключеніемъ Нюрнберга, значительно возрасло, и именно тѣмъ значительнѣе, чѣмъ въ большемъ боевомъ огнѣ находились избиратели. Въ Берлинѣ, гдѣ бѣлый терроръ свирѣпствовалъ со всѣмъ ужасомъ, соціалъ-демократическіе голоса поднялись съ 31,522 до

76,147. Хриплый торжествующій крикъ по поводу „побѣды“, которую добродѣтельные прогрессисты одержали съ материнской помощью полиціи, застрялъ у нихъ въ глоткѣ, когда глазамъ ихъ открылись тѣ 15,000 голосовъ, съ которыми Газенклеверъ въ VI округѣ Берлина былъ побѣжденъ, или тѣ 20,000 голосовъ, которыми Фритцше въ IV берлинскомъ округѣ попалъ въ перебаллотировку. „Der Hamburgische Korrespondent“ честно призналъ, что подобный избирательный успѣхъ стоитъ доброй дюжины полномочій въ рейхстагѣ.

Даже пресловутый избирательный лозунгъ, лишенный положительнаго содержанія: „Вонъ соціалъ-демократію изъ рейхстага!“—остался не больше, какъ благочестивымъ пожеланіемъ. Кромѣ двухъ мѣстъ, пріобрѣтенныхъ партіей, она участвовала еще въ 16-ти перебаллотировкахъ, въ Ганноверѣ и 15-ти своихъ избирательныхъ округахъ: Берлинѣ IV, Бреславлѣ I и II, Альтонѣ и Глюкштадтѣ, въ Эльберфельдъ-Барменѣ и Золенгенѣ, въ Ганау и Оффенбахѣ и, наконецъ, въ саксонскихъ округахъ: Ауэрбахъ-Рейхенбахѣ, Борнѣ Дрезденъ-Альтштадтѣ, Фрейбергѣ, Митвейдѣ и Цшопау. Перебаллотировки происходили уже при значительномъ отрезвленіи „партіи порядка“. Святое рвеніе спасти отечество охладѣло у консерваторовъ, какъ и у либераловъ, когда результатъ главныхъ выборовъ столкнулъ ихъ лицомъ къ лицу съ собственными классовыми интересами; либералы не хотѣли еще больше усиливать побѣдоносныхъ консерваторовъ, а консерваторы не хотѣли дать побитымъ либераламъ снова возможность воспрянуть духомъ; густой кисель, образуемый партіями „порядка“, расплылся до извѣстной степени при перебаллотировкахъ,—и у соціалъ-демократической агитаціи развязались руки.

Такимъ образомъ, при своихъ 16 перебаллотировкахъ партія получила еще 7 мѣстъ: Берлинъ IV (Фритцше), Бреславль I (Рейндерсъ), Эльберфельдъ-Барменъ (Гассельманъ), Дрезденъ-Альтштадтъ (Бебель),

Митвейда (Вальтейхъ), Фрейберъ (Кейзеръ) и Цшопау (Винеръ). Съ особеннымъ воодушевленіемъ она привѣтствовала успѣхъ выборовъ въ Берлинѣ и Бреславлѣ, двухъ самыхъ большихъ прусскихъ городахъ; въ Бреславлѣ впервые развѣвалось красное знамя, а въ Берлинѣ Фричше получилъ 22,000 голосовъ, — наибольшее количество, которое когда-либо выпадало на долю кандидата рейхстага. И въ рейхстагѣ снова очутилось 9 соціалъ-демократическихъ депутатовъ,—столько же, сколько было въ рейхстагѣ 1874 года, и какъ тогда же—3 прусскихъ и 6 саксонскихъ. 3 полномочія и еще неполныхъ 60,000 голосовъ были жалкими трофеями травли, въ которой такъ называемое „правовое государство“ обнажило себя до самыхъ корней. Мародерамъ пришлось только немного похозяйничать на добровольно отданныхъ въ жертву наружныхъ укрѣпленіяхъ партіи, тогда какъ сплоченная фаланга, болѣе чѣмъ когда-либо, оставила за собой поле битвы.

Тѣмъ не менѣе, эта тяжелая неудача кампаніи террора не послужила предостереженіемъ ни для Бисмарка, ни для буржуазныхъ партій. Въ срединѣ августа правительственная пресса опубликовала проектъ новаго закона противъ соціалистовъ, для обсужденія котораго рейхстагъ собрался 9 сентября. Согласно этому законопроекту, полицейскія вѣдомства отдѣльныхъ государствъ должны были быть снабжены правомочіями—запрещать всякого рода союзы, въ особенности товарищескія кассы, а также печатныя произведенія, „которыя служатъ соціалъ-демократическимъ, соціалистическимъ или коммунистическимъ стремленіямъ, направленнымъ къ ниспроверженію существующаго государственнаго и общественнаго порядка, въ формѣ, угрожающей общественному спокойствію, и въ особенности мирному согласію между различными классами населенія“. Это запрещеніе должно было имѣть силу для всей Имперіи, обжалованіе же его могло быть направлено въ Союзный Совѣтъ, но не влекло за собой ни въ коемъ

случаѣ его устраненія. Собранія, на которыхъ можно было предполагать подобныя преступныя тенденціи, должны быть запрещены, или, если эти тенденціи обнаруживаются въ теченіе самаго собранія, — таковое должно быть распущено; апеллировать можно только въ вѣдомство по надзору. Далѣе, въ проектѣ запрещается взиманіе взносовъ для соціалъ-демократическихъ цѣлей. За нарушеніе всѣхъ этихъ запрещеній, за участіе въ недозволенныхъ союзахъ, за возобновленіе и распространеніе запрещенныхъ печатныхъ произведеній и т. д.—угрожали тяжелые денежные штрафы и заключеніе въ тюрьмѣ. Полиція могла запретить пребываніе въ опредѣленныхъ округахъ и мѣстностяхъ лицамъ, занимающимся агитаціей и осужденнымъ на основаніи этого закона; въ подобныхъ же условіяхъ находились типографщики, книгопродавцы, библіотекари и завѣдывающіе кабинетами для чтенія; полиція также могла отнять разрѣшеніе на веденіе предпріятія у содержателей пивныхъ и гостиницъ. Наконецъ, надъ округами и мѣстностями, въ которыхъ соціалъ-демократическія стремленія угрожаютъ общественному спокойствію, „центральными вѣдомствами союзныхъ государствъ съ согласія Союзнаго Совѣта могло быть объявлено малое осадное положеніе на время, по крайней мѣрѣ, до одного года“; такъ что въ этомъ случаѣ публичная распродажа печатныхъ произведеній, право собраній, право имѣть или носить оружіе— находились въ зависимости отъ разрѣшенія полиціи; и, кромѣ того, полиція же уполномачивалась запрещать пребываніе въ данныхъ округахъ и мѣстностяхъ лицамъ, со стороны которыхъ можно было опасаться нарушенія общественной безопасности и порядка. Ограниченіе времени дѣйствія этого закона не было предусмотрѣно.

Но какъ жестоки сами по себѣ ни были всѣ эти постановленія, для Бисмарка они все еще казались недостаточными. Такъ какъ онъ одинъ зналъ раз-

мѣры проектируемаго имъ кровопусканія, то ему, естественно, казалось, что вожаки народныхъ массъ все еще недостаточно согнуты въ бараній рогъ. Въ письмѣ изъ Киссингена этотъ благодушный господинъ сдѣлалъ своей канцеляріи выговоръ за то, что она слишкомъ рано опубликовала новый законопроектъ, что могло помѣшать проведенію дальнѣйшихъ репрессій по отношенію къ партіи. Изъ нихъ особенно близки сердцу Бисмарка были два репрессивныхъ проекта: во-первыхъ, явныхъ соціалъ-демократовъ лишить права быть выбираемыми въ рейхстагъ и, во-вторыхъ, всякому соціалъ-демократически мыслящему чиновнику пригрозить отставкой безъ пенсіи. При помощи послѣдняго мѣропріятія онъ хотѣлъ „плохо-оплачиваемымъ младшимъ чиновникамъ“, „желѣзнодорожнымъ сторожамъ, стрѣлочникамъ и рабочимъ подобныхъ категорій“, которые, по его вполнѣ вѣрному предположенію, въ большинствѣ уже были соціалъ-демократами, внушить патріотическія убѣжденія. Однако, эти творческія мысли нѣсколько поздно пришли въ его голову; впрочемъ, для общества пока было достаточно и опубликованнаго законопроекта.

Шестинедѣльныя засѣданія рейхстага по поводу внесеннаго законодательнаго предложенія свелись къ комедіи заблужденій: 115 членовъ обѣихъ консервативныхъ партій готовы были принять цѣликомъ, съ кожей и волосами, все, что только правительство желало; буржуазная оппозиція изъ 160 членовъ, напротивъ, въ большей своей части,—и именно, ультрамонтаны съ ихъ приверженцами и прогрессисты,—не хотѣла ничего знать о новомъ законопроектѣ. Но эта оппозиція ни въ коемъ случаѣ принципіально не отвергала всяческаго притѣсненія рабочихъ. Хотя, начиная съ эры Тессендорфа и особенно со времени покушенія Нобилинга, воочію обнаружилось, что „общими законами“ соціалъ-демократамъ могутъ быть причинены, во всякомъ случаѣ, гораздо большія притѣсненія, чѣмъ

тѣ, которыя перенесла буржуазная демократія во времена „безстыдной реакціи“ Мантейфеля и партія центра „во времена діоклеціановскаго преслѣдованія христіанъ“ со стороны Бисмарка,—тѣмъ не менѣе, господа прогрессисты, а равно и ультрамонтаны, выказали торопливую готовность заполнить пробѣлы „общаго права“ и, именно, при помощи нѣсколько измѣненнаго 130 параграфа, который три года тому назадъ, при общемъ смѣхѣ, былъ отклоненъ всѣмъ рейхстагомъ. Разумѣется, этотъ параграфъ, хотя и въ формѣ „общаго закона“, былъ въ сущности исключительнымъ закономъ, направленнымъ противъ рабочихъ массъ, какъ это совершенно откровенно доказывали сотворившіе его—Бисмаркъ и Эйленбургъ. Только для видимости прогрессистско-ультрамонтанскія нападки направились именно на исключительный характеръ проектируемаго правительствомъ новаго закона, тогда какъ ихъ въ дѣйствительности озабочивало лишь опасеніе, что неограниченныя полномочія полиціи, которыхъ они домогались, могли быть направлены не только противъ рабочей партіи, но и противъ партій буржуазной оппозиціи. Какъ только прогрессисты и ультрамонтаны на этотъ счетъ успокоились, они ужъ не хотѣли проваливать закона противъ соціалистовъ, хотя и имѣли полную возможность это сдѣлать, и, такимъ образомъ, обильный и трескучій потокъ фразъ, выпущенный ими при первомъ обсужденіи, не имѣлъ никакихъ серьезныхъ послѣдствій.

Рѣшеніе лежало въ рукахъ націоналъ-либераловъ, для которыхъ этотъ законопроектъ тоже являлся порядочно жестокимъ. Ласкеръ называлъ его „юридическимъ и политическимъ уродомъ“ и находилъ его „совершенно непріемлемымъ“. Еще яснѣе, чѣмъ идеологическій представитель этой буржуазной партіи, понимали ея „тертые“ дѣльцы, что если Бисмаркъ съ помощью такой политики насилія дѣйствительно разгромитъ соціалъ-демократію, то либеральная буржуазія бу-

детъ здѣсь козломъ отпущенія. Ими овладѣло серьезное безпокойство, когда изъ устъ правительства они услышали неоднократное завѣреніе, что одного полицейскаго подавленія, конечно, еще мало, но что необходимо и „положительнымъ" путемъ позаботиться о благѣ трудящихся классовъ; „соціализмъ" Бисмарка могъ для нихъ стать гораздо болѣе непріятнымъ, чѣмъ пролетарскій соціализмъ, который еще неизвѣстно когда можетъ наступить. Они пустились въ плясъ, какъ пляшутъ медвѣди на раскаленныхъ плитахъ, и кто захотѣлъ бы теперь полюбоваться на эти удивительные прыжки,—пусть почитаетъ тогдашнія рѣчи Бамбергера. Но, конечно, о дѣйствительномъ сопротивленіи со стороны этой всегда безсильной партіи, которая получила во время выборовъ такое изрядное число колотушекъ, не могло быть и рѣчи; и едва ли даже было необходимо, чтобы газета Бисмарка нагнала на нихъ еще бóльшаго страху угрожающимъ вопросомъ: придется ли націи еще разъ благодарить господина Ласкера за вторичную предвыборную борьбу?

Разумѣется, при этомъ пораженіи націоналъ-либераловъ не обошлось безъ обычной толики политическаго лицемѣрія. Достойные мужи вовсе не имѣли намѣренія поразить соціалъ-демократію, какъ таковую, но хотѣли лишить ее угрожающихъ общественному порядку стремленій и революціоннаго характера. Законъ, который они утвердили, не имѣлъ цѣлью „отдать подъ надзоръ и отправить въ ссылку множество гражданъ изъ-за политическихъ убѣжденій". „Мы,—сказалъ Ласкеръ,—возможно ясно выразили какъ разъ противоположное: подъ законъ подпадаютъ не соціалъ-демократія и ея тенденціи, но угрожающая миру агитація". Націоналъ-либералы выполнили этотъ законодательный кунштюкъ, внеся цѣлый рядъ „улучшеній", которыя должны были связать хищныя лапы полицейской диктатуры нѣсколькими юридическими ниточками. Въ общую растяжимую массу законопроекта

было внесено еще нѣсколько растяжимыхъ деталей: слово „подрываніе“ должно было уступить слову „ниспроверженіе“; вмѣсто Союзнаго Совѣта инстанціей для обжалованія должна была сдѣлаться государственная комиссія изъ 9 членовъ, избираемыхъ Союзнымъ Совѣтомъ въ числѣ четырехъ человѣкъ изъ своей среды и пяти изъ представителей высшихъ судебныхъ палатъ; нѣкоторые вновь помѣщенные параграфы имѣли цѣлью оказать слабую защиту отъ полицейскаго произвола заявленнымъ товариществамъ и зарегистрованнымъ вспомогательнымъ кассамъ. Изъ всѣхъ этихъ и подобныхъ „улучшеній“ только два имѣли нѣсколько болѣе положительное значеніе: ограниченіе продолжительности этого закона $2^1/_2$ годами, и постановленіе, что пребываніе въ опредѣленномъ мѣстѣ и занятіе своимъ дѣломъ можетъ быть запрещено не полицейскимъ распоряженіемъ, но на основаніи судебнаго признанія даннаго лица профессіональнымъ агитаторомъ или на основаніи привлеченія къ отвѣтственности въ законномъ порядкѣ; при чемъ подчеркивалось, что ограниченіе мѣстопребыванія не должно распространяться на мѣсто жительства осужденнаго, притомъ предположеніе, что онъ въ немъ живетъ уже въ продолженіе шести мѣсяцевъ.

Помимо этихъ двухъ пунктовъ, всѣ „смягченія“ націоналъ-либераловъ были не больше, какъ карточные домики, построенные взрослыми дѣтьми. Менѣе невинна была та чистосердечная лисья повадка, съ какой Бисмаркъ и его присные согласились на эту дѣтскую игру. Они очень хорошо знали, что если бы имъ только можно было открыть Эолову трубу этого закона, то первое же дуновеніе безслѣдно смело бы со стола всѣ націоналъ-либеральные карточные домики. Но это соотвѣтствовало ихъ обычной тактикѣ—показать видъ, что они хотятъ проглотить рабочій классъ изъ одной только горячей любви къ нему, и, конечно, для нихъ не представляло никакого ущерба отдѣлить нѣ-

сколько малозначущихъ нитей отъ той веревки, которой они обмотали шею рабочаго класса. И потому новый прусскій министръ внутреннихъ дѣлъ, опять нѣкій графъ Эйленбургъ, былъ вполнѣ согласенъ съ Ласкеромъ, когда послѣдній стоялъ за то, чтобы пощадить товарищества и вспомогательныя кассы; Бисмаркъ самъ выступилъ въ защиту коалиціоннаго права и стачекъ рабочихъ, которые онъ противоставлялъ неприглядньмъ „картинамъ будущаго", созданнымъ фантазіей соціалъ-демократіи. Бисмаркъ, прижатый Бебелемъ къ стѣнѣ за его переговоры съ Лассалемъ, завѣрялъ, что благо рабочаго класса было его постоянной мечтой, при чемъ съ нимъ приключилась та маленькая непріятность, что ему пришлось предъ всѣмъ міромъ обнаружить, насколько далекъ онъ былъ отъ пониманія величайшаго вопроса нашего вѣка. Онъ, въ полномъ согласіи въ этомъ пунктѣ съ интимнымъ противникомъ своимъ— Евгеніемъ Рихтеромъ, видѣлъ главный источникъ революціоннаго рабочаго движенія въ непреодолимыхъ чарахъ, которыми дѣйствовали на массы искусно задрапированныя картины „государства будущаго". Конечно, кто понималъ тонкости прусской политики, того Бисмаркъ не могъ обмануть своими рѣчами; его горькія жалобы на недостаточно строгія постановленія закона, скрытое коварство, съ которымъ онъ уязвлялъ „мягкосердечныхъ судей" и „кроткое законодательство", его радость палача по поводу повѣшенія идіота Гэделя — все это были слѣды, выдававшіе волка.

Соціалъ-демократическая фракція, несправедливо исключенная отъ участія въ комиссіонномъ обсужденіи этого законопроекта, мужественно боролась въ засѣданіи рейхстага за каждый параграфъ. Ея ораторы самымъ убѣдительнымъ образомъ доказывали, что покушенія не имѣли даже отдаленнѣйшей связи съ соціалъ-демократической агитаціей; они раскрыли ту вѣроломную игру, которую Бисмаркъ издавна велъ съ рабочимъ классомъ, и доказали, что „революціон-

ный характеръ“ пролетарскаго движенія далеко еще не можетъ идти въ сравненіе съ тѣмъ, что сотворило буржуазное движеніе въ его революціонную пору своей критикой всѣхъ небесныхъ и земныхъ авторитетовъ. Они предсказали, что практическая безрезультатность этого законопроекта будетъ такъ же велика, какъ его вопіющая къ небу несправедливость; и Бракке, не выдержавъ, выпалилъ: „Наплевать намъ на этотъ законъ!“ Это мѣткое и справедливое восклицаніе такъ задѣло патріотовъ, что въ первое мгновеніе оно показалось имъ столь же невѣжливымъ по формѣ, сколько и по содержанію; президентъ фонъ-Форкенбеккъ послалъ на трибуну журналистовъ письмоводителя, который долженъ былъ внушить корреспондентамъ газетъ, что Бракке хотѣлъ только „наплевать“ на этотъ законъ, а не подразумѣвалъ чего-нибудь совершенно другого.

19 октября этотъ законъ противъ соціалистовъ былъ принятъ 221 голосомъ противъ 149. Кромѣ него въ этой сессіи благополучно сошла еще только одна политическая махинація: 204 члена различныхъ партій, составлявшихъ больше чѣмъ абсолютное большинство палаты рейхстага, признали необходимой „реформу германскаго таможеннаго тарифа“, которую будто бы требовали „самые широкіе круги Германской имперіи“. Сигналъ къ массовому грабежу былъ поданъ въ тотъ самый моментъ, когда была приложена печать къ акту закрѣпощенія пролетаріата. Однако, этотъ тонкій разсчетъ имѣлъ и свою слабую сторону: германскій рабочій классъ былъ лишенъ своихъ правъ, но зато для него насталъ теперь періодъ героизма.

Типографія Т-ва „Просвѣщеніе“. Спб., Забалканскій пр., с. д. № 75.